

УЧРЕЖДЕНИЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ИНСТИТУТ АФРИКИ РАН

XII конференция африканистов

«Африка в условиях смены парадигмы

мирового развития»

Москва, 24–26 мая 2011 г.

ПРОГРАММА

Москва

2011

Конференция состоится
в Институте Африки РАН

ул. Спиридоновка, 30/1

СЕКЦИЯ 1

АФРИКА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОГО ИЗМЕНЕНИЯ КЛИМАТА

Руководители: д.геогр.н. Владилен Иванович Гусаров,
к.и.н. Ольга Борисовна Громова, к.геогр.н. Андрей Алексеевич Алимов

Гусаров В.И.
Институт Африки РАН, Москва, РФ

Современные тенденции обострения социоэкологического кризиса в Африке

Истекающая декада нового столетия свидетельствует, что проявления обостряющегося социоэкологического кризиса на континенте не только сохраняются, но и постоянно модифицируются, обретая новые формы и черты. Это происходит на фоне непрекращающихся споров между сторонниками угроз глобального потепления и глобального похолодания.

На континенте интенсивно продолжают процессы обезлесения, эрозии почв, сокращения биоразнообразия, истощения водных ресурсов. Обостряются проблемы, связанные с загрязнением атмосферы, возрастающим объемом бытовых отходов в результате бурных урбанизационных и демографических процессов, промышленного, транспортно-строительного, перемещения развитыми странами «грязных» производств в Африку и вывоза ими сюда опасных промышленных отходов.

В числе многочисленных причин обострения социоэкологического кризиса в Африке главное место занимают процессы обезлесения и, как их следствие, опустынивания, оказывающие наибольшее воздействие на изменение климата. По имеющимся оценкам ООН, с обезлесением и опустыниванием сталкивается 65% населения континента. Это главным образом жители регионов, где сельскохозяйственные угодья расширялись за счет вырубки лесов. Обезлесение во многом способствует истощению водных ресурсов на континенте.

Негативное воздействие на Африку оказывают и глобальные процессы в этой сфере, в частности промышленные выбросы.

Все это – предпосылки и признаки масштабной деградации природной среды, усугубляемой быстрым распространением эпидемических заболеваний. Эколого-ресурсный потенциал континента стреми-

тельно истощается и уже не возобновляется. Это означает, что процесс взаимоотношений природы и человека в Африке основательно нарушен, налицо устойчивый социо-экологический кризис.

Сухоруков В.Д.
РГПУ им. А.И. Герцена, С.-Петербург, РФ

Африка: природа и развитие

Природный фактор в развитии Африки играет исключительную роль. На протяжении истории Африки степень и характер зависимости ее народов от природной среды претерпевали существенные изменения. Современное природопользование в Африке определяется увеличением масштабов взаимодействия с естественной средой. Данные обстоятельства подчеркивают особое значение природных основ становления и развития африканской цивилизации. Отсюда – актуальность природной тематики в текущих условиях смены парадигмы мирового развития.

Современную Африку следует рассматривать как континент, который в наибольшей степени уязвим к воздействию прогнозируемых изменений климата. В Африке ожидаются значительные трансформации сложившихся экосистем и существующих социальных структур. Они будут сопровождаться «природно-социальными стрессами», разрушительными как для отдельных стран, так и всего континента. Африка, как предполагается, может оказаться в состоянии риска дальнейшего цивилизационного существования. В настоящее время особая уязвимость африканского континента к воздействию изменения климата определяется такими факторами, как повсеместная бедность и нарастающая хозяйственная отсталость. Имеющиеся варианты адаптации, включая разработанные традиционные стратегии преодоления трудностей, на практике могут оказаться бесполезными. Причина в том, что способность человеческих, инфраструктурных и экономических ресурсов Африки своевременно реагировать на глобальные природно-климатические изменения находится далеко за пределами экономических возможностей континента.

Мастерс Лесли
Институт глобального диалога, ЮАР

Африка и глобальное изменение климата

В 2011 г. Южная Африка будет принимать конференцию РКИК – Рамочной конвенции ООН об изменении климата. РКИК представляет

собой одну из тех структур, которые в политическом отношении являются наиболее разноплановыми с широким диапазоном позиций и в многосторонних рамках. В этом плане Претория столкнется с вызовом различных интересов как на национальном, так и на международном уровнях.

На национальном уровне ряд вопросов касается политического лидерства в решении проблем, связанных с изменением климата. Сохраняется обязательство по обеспечению достаточного «углеродного пространства» для развития страны. Будет также оказано давление со стороны бизнеса, в частности горнорудного, который остается зависимым от дешевой и «грязной» южноафриканской электроэнергии.

На международном уровне объектом внимания должны стать существующие геополитические различия; возникающие отношения ЮГ – Юг в рамках БАСИК (Бразилия, Южная Африка, Индия, Китай). При этом очень важно, чтобы проблемы Африки и других уязвимых регионов были поставлены в центр дискуссий. Здесь пройдет испытание роль Южной Африки как «строителя мостов».

Конвенция о биологическом разнообразии предлагает Южной Африке сыграть роль дипломатического инноватора в деле сближения принципиально различных позиций на базе прозрачности, равенства и справедливости в рамках переговорного процесса РКИК. Это будет в особенности важно, если удастся добиться соглашения.

Громова О.Б.
Институт Африки РАН, Москва, РФ

Экология, изменение климата и здоровье африканцев

Африка – континент, где нарастают новые экологические угрозы, обусловленные качественными сдвигами в глобальной природе и изменениями климата планеты. Повышение температуры и ее резкие перепады изменяют погодные условия, количество осадков, уровень влажности, что привело к росту за последние 30 лет числа участившихся разрушительных природных катастроф и стихийных бедствий – периодических многолетних засух, сильных наводнений, мощных тропических ливней, циклонов.

Экстремальные природные явления и погодные условия (с учетом их субрегиональных особенностей) на континенте становятся серьезным экологическим источником и фактором обострения эпидемиологической обстановки в регионе в текущем тысячелетии. Изменение климата представляет значительный риск для здоровья и выживания африканцев. Африка «отвечает» на глобальные климатические перемены вспышками

грозных, нередко новых, болезней и эпидемий. «Забытые» тропические болезни приобретают более опасные формы. Большое распространение получают трансмиссивные инфекционные болезни, особенно малярия, которая является одной из основных причин высокой детской смертности, «болезни воды», вызываемые ухудшением ее качества (по природным и антропогенным причинам), болезни голода и недоедания, повышающие восприимчивость человеческого организма к инфекции, а также респираторные заболевания из-за загрязнения атмосферы.

Сложные, часто неблагоприятные, экономические, социальные, демографические факторы усугубляют негативные последствия резких природных и климатических перемен для здоровья африканцев, снижают эффективность борьбы с новыми экологическими угрозами. Антисанитария – один из определяющих факторов распространения и устойчивости опасных инфекционных заболеваний, СПИДа среди жителей региона.

Необходимы поиски новых подходов и реализации эффективных программ экологически безопасного развития. Стоит проблема укрепления систем национального здравоохранения в большинстве стран Африки с целью создания устойчивой основы для защиты общественного здоровья от вредного воздействия деградирующей природной среды и непредвиденных климатических изменений.

Львова Э.С.
ИСАА МГУ, Москва, РФ

Африканские ученые об экологических проблемах

Африке грозит опасность обезлесения, опустынивания, нехватки чистой воды и т.д. Необходимо замещение энергоносителей их современными видами. Для поисков решения этих проблем важны как усилия технократов, так и изменение ментальности, работа над пониманием их широкими массами африканцев. Представляется, что немалое значение может иметь и научное наследие.

Всемирно известные ученые – сенегалец Шейк Анта Диоп и Жозеф Ки-Зербо из Буркина-Фасо были не только крупными историками и общественными деятелями, но и философами. Они намного опередили время. И тогда, когда экологическим проблемам в африканских странах еще не придавали значения, они уже задумывались над их ролью в истории континента и способах разрешения. Это хорошо видно в появившихся в 2007 и 2008 годах соответственно (уже после смерти авторов) книг Ш.А. Диопа «Естественные науки и философия» и Ж. Ки-Зербо «Критическая история Африки».

В первой собраны статьи и выступления Ш.А. Диопа. В ряде их рассматривается состояние энергетики в Африке. Прежде всего, он ста-

вит задачу поиска замены древесины как основного энергоносителя. Он настоятельно рекомендует искать альтернативные источники энергии, для чего на континенте есть все условия: гидроэлектростанции, ядерные, ветровые, солнечные батареи, газ и т.п. С этим связана и настоятельная потребность производства тяжелой воды, развития геологоразведки. Успеху этих предприятий может помочь опыт таких стран, как Бразилия и Япония, и соединение усилий африканских стран через межгосударственные организации.

Экологическая тема звучит во всех разделах книги Ж. Ки-Зербо. Сделав краткий обзор истории континента, он подчеркивает значительную роль географической среды при возникновении и развитии доколониальных государств Африки. Он полагает также, что и социальная практика, и земельные отношения, и публичное право тесно связаны с экологией и зачастую определяются окружающей средой. Это предствление подкрепляется традиционными верованиями о единстве тварного мира, неразрывности человечества и природы, пониманием человека как части природы, а не ее повелителя. В заключении он немалое место отводит проблемам решения сберегающих технологий. В этом он полностью солидарен с Ш.А. Диопом.

Алимов А.А.
СПбГУ, Санкт-Петербург, РФ

Эколого-климатические проблемы Африки: что происходит, кто виноват и что делать?

В последнее время в связи со все более заметными и ощутимыми глобальными климатическими колебаниями появилось новое понятие: **эколого-климатические проблемы**. Они по своему пространственному проявлению охватывают практически все страны и регионы современного мира, затрагивая, естественно, и африканские государства.

Если на экологические проблемы стран Африки и Азии специалисты обратили внимание достаточно давно (см., например, Pearce D. et al. 1990), то климатическая ситуация и ее воздействие на состояние окружающей природной среды этих государств до сих пор изучена недостаточно полно.

Известно, что климатические изменения, охватившие весь современный мир, имеют несколько причин своего происхождения: космическую, геофизическую, связанную с поведением Мирового океана, антропогенную. Степень воздействия каждой из них климатологами еще не установлена.

Вместе с тем очевидно, что экологические последствия такого рода явлений влекут за собой социально-экономические и даже политические проблемы. В африканских государствах это особенно заметно, поскольку связано с засухами и случаями массового голода. В зоне Сахеля, например, климатические процессы, вызывающие сильные засухи, приводят к трагическим последствиям – количество людей, страдающих и погибающих от голода, достигает нескольких десятков тысяч.

На состояние сельского хозяйства в Африке влияет несколько факторов, в том числе и антропогенный – вырубка лесов, приводящая к изменению гидрологического режима, интенсивное развитие монокультурного хозяйства и ряд других.

Поэтому не случайно в последние годы африканские страны уделяют значительно больше, чем ранее, внимания экологическим проблемам, как результату целого ряда объективных и субъективных процессов.

В современной **экологической африканистике** отмечаются следующие этапы становления современной экологической политики государств региона:

- Конец 1960-х – начала 1970-х годов, т.е. после проведения практически первой африканской конференции по этой проблематике в 1968 г. в Алжире.
- 1980 – всеафриканская конференция глав государств и правительств в Лагосе, принятие Лагосского плана действий в области окружающей среды и развития.
- 1985 – Конференция в Каире, определение путей решения экологической проблемы для африканских государств.
- 1986 – Межгосударственная конференция африканских стран по проблемам засухи, создание специального Совета по проблемам засухи.
- 1989 – Кампала, I Африканская региональная конференция по окружающей среде.
- 2002 – Всеафриканская конференция по проблемам окружающей среды и развития.

Сложная эколого-климатическая ситуация, имеющая в настоящее время место в большинстве африканских государств, заставляет обратить на нее внимание не только со стороны руководства этих стран, но и обеспечить оказание им помощи развитыми странами, в том числе в области подготовки специалистов в этой сфере социально-экономической деятельности. Важную роль в этом может сыграть Россия.

Карлин Л.Н.
Росгосгидрометео университет,
Санкт-Петербург, РФ

Эколого-климатические проблемы современных африканских стран и подготовка специалистов в области гидрометеорологии

Очевидно, что глобальные климатические изменения, происходящие в последние десятилетия, имеют серьезные экологические последствия. Проявляются они практически повсеместно и заметно влияют на состояние не только окружающей природной среды, но и на социально-экономическое развитие общества.

Африканские страны затронуты этими процессами в значительной степени, и следует подчеркнуть, что именно в них наблюдаются наиболее негативные последствия глобальных климатических изменений.

Несмотря на богатство и разнообразие экосистем Африки, неравномерность и высокая динамика социально-экономического развития отдельных африканских стран вызывает серьезные экологические сдвиги, которые приводят к заметным проявлениям экологической опасности.

С точки зрения климатических региональных изменений территория африканского континента зависит в значительной степени от преобладающих температурных показателей океанских водных поверхностей, переноса атмосферных масс и региональных климатических колебаний, вызванных процессами, происходящими в Индийском и Атлантическом океанах, а также от воздействия течения Эль-Ниньо, возникающего в районах Южной Америки с периодичностью от двух до семи лет [Arctic Environmental Outlook, UNEP, 2002].

В настоящее время можно с полной уверенностью считать, что амплитуда как глобальных, так и региональных климатических колебаний будет возрастать. Поэтому для африканских государств опасность негативных последствий таких явлений также будет увеличиваться. Вместе с тем известно, что антропогенный фактор не является основной причиной глобальных климатических изменений и составляет, по мнению ведущих российских ученых, не более 2,5% от общего воздействия на климатические тренды [Российская газета. 2010. 1 апреля].

Известно, что Африка характеризуется значительными климатическими колебаниями как во временном, так и пространственном отношении. Это определяет регулярные случаи засух и наводнений, которые наносят колоссальный урон социально-экономическому развитию африканских государств. Изменить эту ситуацию усилиями человека практически невозможно. Поэтому остается единственно приемлемый вариант решения вопроса: не за счет «борьбы» с климатом, как доволь-

но часто предлагают делать политики, а путем разработки системы прогностического обеспечения соответствующими службами государственных структур для принятия соответствующих решений.

Практика 2010 года показала, что если климатические изменения неизбежны, то необходимо заблаговременно предпринимать меры для снижения соответствующих негативных последствий.

В этом отношении важнейшую роль должна сыграть система экологического и гидрометеорологического образования. При этом, поскольку далеко не все страны Африки могут это обеспечить, необходима помощь мирового сообщества, и в первую очередь ВМО. Этот международный институт имеет значительную практику обеспечения образовательных процессов в области гидрометеорологии в шести региональных центрах. Одним из них является Российский государственный гидрометеорологический университет, имеющий многолетний опыт подготовки специалистов в данной сфере из многих государств Азии, Африки, Латинской Америки и СНГ.

Болтунов В.А.
НИИ энергетических сооружений,
Москва, РФ

Использование методов биолокации при обследовании египетских пирамид

В годы строительства Асуанской ГЭС в Египте автору довелось провести биолокационные исследования как на территории пирамид под Каиром, так и внутри них, измеряя уровень геопатогенных аномалий. Такие исследования были необходимы для решения вопросов нейтрализации разрушающего воздействия атмосферного электричества на грунты ложа искусственных водоемов, на грунтовые сооружения и дамбы, включая плотину Асуанской гидроэлектростанции.

В процессе исследований нами было установлено, что характер и интенсивность воздействия атмосферного электричества на грунты и скальные породы, так же как и на материал строительных конструкций – бетон, армобетон, железо и прочие металлоконструкции, напрямую связаны с геопатогенными зонами, представляющими собой каналы вертикальной циркуляции геоэнергии во всеобъемлющей системе «Земля – Космос».

Политическая экология стратегии уменьшения изменений климата в Танзании (на примере проектов программы ООН по предотвращению сведения лесов в тропических странах в округах Килва и Линди)

Приостановив процессы тропического обезлесения, можно сократить выброс парниковых газов на 20%. Исходя из этого и с учетом первого периода обязательств по Киотскому протоколу (2008–2012) была разработана новая стратегия, направленная на сокращение выбросов в результате обезлесения и деградации лесов в развивающихся странах, где осуществляется программа по предотвращению сведения лесов (ППСЛ). В Танзании, являющейся одной из первых девяти стран ППСЛ, реализуется несколько пилотных проектов, результаты которых будут использованы для информирования общественности о сокращении эмиссии благодаря приостановке обезлесения во второй период обязательств по Киотскому протоколу.

Цель доклада состоит в том, чтобы, исходя из перспектив политической экологии, проанализировать условия, при которых ППСЛ будет эффективной, учитывая разнообразие действующих лиц, их стремлений и нужд как на локальном, так и на международном уровнях. Замысел ППСЛ состоит в том, чтобы общины, владеющие лесами или их использующие, получали плату за приостановку обезлесения и использовали доходы от продажи полученных кредитов на приобретение угля. В этом случае местные общины действуют как продавцы, а международные компании в развитых странах как покупатели таких кредитов.

В качестве посредников в таких операциях выступают местные власти и национальные правительства, национальные и международные экологические неправительственные организации, которые содействуют сделкам, связывая местных продавцов с международными покупателями. Эти действующие лица (имеются в виду местные общины, функционеры местных правительств, неправительственные организации, занимающиеся окружающей средой и развитием, центральные правительства, международные организации) имеют разные и зачастую антагонистические устремления, различны их полномочия, знания и возможности в отношении регулирования лесных проблем и приостановки обезлесения в местных условиях.

Задача автора – проанализировать это разноплановое сотрудничество в округе Килва и рассмотреть его варианты для успеха проектов ППСЛ в Африке южнее Сахары.

Женские природоохранные организации

Большой остроты в современном мире достигли экологические проблемы, превратившись в глобальную угрозу для среды обитания человека. На африканском континенте женщины играют особую роль в создании и функционировании природоохранных организаций. Поскольку африканки несут основную ответственность в обеспечении семей продовольствием, соблюдении норм санитарии, гигиены и пр., они стали инициаторами формирования общественного экологического движения.

Главными целями экологических организаций в Африке являются:

1. Улучшение качества жизни в сельских районах посредством развития водоснабжения, увеличения производства продовольствия и расширения сети медицинского обслуживания.
2. Пропаганда принципов планирования семьи.
3. Проведение разъяснительной и воспитательной работы в сельских общинах по вопросу об экономическом и социальном значении охраны их среды обитания.
4. Развитие таких аграрных, важных для функционирования домохозяйства и семейного коллектива отраслей, как животноводство, птицеводство и др., и связанных с ними сельскохозяйственных служб.
5. Содействие развитию африканских общин посредством разработки соответствующих программ (один из наиболее характерных примеров – программа «Сотрудничество частных организаций»).

Мифтахова С. А.
Институт Африки РАН, Москва, РФ

Строительство канала Джонглей как попытка воздействия на окружающую среду в Южном Судане

«Водная проблема», с которой в настоящее время сталкиваются Египет и Судан, возникла с ростом экономики обеих стран, вследствие чего Нил не может обеспечить потребности быстрорастущего населения. Данную проблему можно было разрешить путем строительства канала Джонглей в Южном Судане, что способствовало бы сохранению водных ресурсов Восточной Африки и экваториальных озер Кении и Уганды¹.

¹ Гусаров В.И. Быть ли каналу?! Азия и Африка сегодня. 1983. № 5. С. 33.

Канал Джонглей является гидростроительным проектом провинции Верхний Нил на юге Судана, который направлен на изменение курса Белого Нила, проходящего через болотистую местность в южной части Судана, известной как Садд, где испарение вдвое интенсивнее, чем с поверхности реки. Канал обеспечивает 4,7 млрд кубических метров воды в год, которая в равной степени распределяется между Египтом и Суданом.

Однако в 1983 г. из-за вспыхнувшей гражданской войны между Югом и Севером Судана проект Джонглей был приостановлен. На фоне осложнившейся внутривосточной ситуации в стране возникли трудности с финансированием проекта, так как помимо оплаты труда специалистов и рабочих, необходимо было компенсировать местным жителям переселение с полосы шириной 300 метров по обе стороны канала.

На сегодняшний день правительство Судана уделяет повышенное внимание вопросам наиболее эффективного использования вод Нила, особенно для развития в стране орошаемого земледелия. Сельскохозяйственные земли, орошаемые нильскими водами, концентрируются в Судане преимущественно в узкой полосе полупустыни, которая примыкает непосредственно к долине Нила. Их совокупная площадь составляет 4 млн федданов (1,8–1,9 га)¹.

12 февраля 2008 г. в Каире состоялась встреча вице-президента Судана и президента Южного Судана Салвы Кирира с премьер-министром Египта Ахмедом Назифом, на которой обсуждались новые перспективы возобновления работы над проектом Джонглей. Египетский премьер-министр заявил, что между Египтом и Суданом существует соглашение, заключенное в 1959 г., касающееся регулирования вод Нила, а для того, чтобы пересмотреть проект, необходимы «значительные инвестиции». Египет, со своей стороны, подтвердил готовность оказания помощи в разработке проектов, особенно в Южном Судане².

Байдак М.А.
СПбГУ экономики и финансов,
Санкт-Петербург, РФ

Группы зеленых в Южной Африке

В ЮАР наибольшая активизация и политизация экодвижений хронологически совпадает с упразднением режима апартеида. До этого – в

¹ Шол Денг Алак. История международного регулирования вод Нила: политические, социально-экономические и правовые аспекты. М., 2008. С. 13.

² SudanTribune – <http://www.sudantribune.com/spip.php?article25949>

условиях запрета политических партий – экозащитный лагерь был независим, разделен на группы, защищавшие апартеид и ядерную политику Национальной партии, и группы, солидаризовавшиеся с Африканским национальным конгрессом (такие, как Earthlife Africa и Кейптаунская экологическая группа, Дурбанская сеть экологической справедливости). Современная позиция местного экодвижения ёмко выражается в лозунге: «За экологизированную политику и политизированную экологию!»¹

Хронология появления основных экодвижений ЮАР такова:

Эпоха апартеида:

1926: «Общество дикого мира Южной Африки».

1977: «Группа защиты дельфинов» (DAPG). Основное требование: «Дельфины и киты должны быть свободны», а также запрет дрейфтерных способов ловли. Дочерней структурой DAPG является «Южноафриканская группа высвобождения китов из сетей».

1983: «Кобургское оповещение» – группа саботажа строительства АЭС в Кобурге и расследования аварии на Кобургской АЭС.

1987: «Кейптаунская экологическая группа» – диверсионное подразделение «Кобургского оповещения», её радикальное крыло.

1988: «EarthlifeAfrica» – южноафриканский аналог «Greenpeace», агент самого сильного сопротивления госпрограмме ядерной энергетики и вооружения.

1989: «Экологическая группа Яна Броунли» – первая легальная попытка партии зелёных в ЮАР.

1992: Зелёная партия Южной Африки (GPSA) – единственный от ЮАР член Федерации зелёных партий в Африке.

1993: «Группа мониторинга окружающей среды».

Эра после апартеида:

1995: Партия «eThekweni Eсorepeace».

1999: Экологическая служба справедливости «Земляные работы».

1999: «Правительство людей зелёной партии» Джуди Соле.

2000: «Общества экологического союза Южного Дурбана» (SDCEA) – первый успех южноафриканских зелёных на выборах (в данном случае – в муниципалитет).

2002: «Народный экологический центр» и «Зелёный дом» – креатуры Earthlife по проведению общественного контроля за парниковым эффектом. Обе организации приурочены к Всемирному саммиту по устойчивому развитию в Йоханнесбурге.

¹ Lewis D. Ending the Apartheid of the Environment, South, Southside Environment, March 7 to March 13, 1991. P. 19.

2003: «Asbestos Relief Trust»(ART) и «Kgalagadi Relief Trust» (KRT) – обе общественные организации выступают за запрет использования асбеста и просроченных асбестосодержащих материалов.

2006: Под давлением неправительственных экодвижений Департамент по делам окружающей среды и туризма проводит слушания по ядерной энергетике. Публикуются первые данные о радиационном загрязнении и случаях смерти облучённых работников.

2009: ЮАР участвует в Копенгагенском раунде по изменению климата.

Максимова Л.
СПбГУ, Санкт-Петербург, РФ

Африканская сеть модельных лесов: модель и реальность

Леса бассейна реки Конго являются крупнейшими после лесов Амазонии. Леса являются источником биоразнообразия и основными поглотителями CO₂, повышение концентрации которого в атмосфере является основной причиной изменения климата. Бассейн реки Конго охватывает государства Центральной Африки: РК, ДРК, Камерун, ЦАР, Экваториальная Гвинея, Габон. Лесная промышленность приносит государствам Центральной Африки значительную часть бюджетных доходов (больше приносит разве что добыча нефти), однако добыча леса является грабительской и чрезвычайно пагубной по отношению к природным ресурсам стран Центральной Африки. Лесная промышленность не заботится о восстановлении леса, оставляет много отходов, делает лес более уязвимым, подрывает основы традиционного хозяйства и, в целом, угрожает благополучию людей, жизнь которых напрямую зависит от леса.

В 2005 г. Камерун присоединился к международной инициативе «Международная сеть модельных лесов». Африканская сеть модельных лесов предполагает охватить весь район бассейна Конго, но пока пилотный проект запущен только на северо-западе Камеруна в Кампо Ма'ан и в Джа и Мпомо. Создание модельных лесов призвано наладить диалог между правительствами, НПО, местными властями, частным сектором, местными сообществами с целью разумного управления природными ресурсами, в частности лесными, повышения прозрачности лесозаготовительной промышленности и прочей добывающей промышленности, роста участия населения и создания возможности влиять на ситуацию. Этот проект осуществляется на базе национального законодательства и предполагает проведение реформ.

В Камеруне уже проводились реформы лесного сектора, однако, столкнувшись с реальностью, законы становятся декоративными. Ре-

формы, призванные повысить участие в управлении лесными ресурсами местных сообществ, наоборот, ограничивают их доступ к ресурсам. Государство должно быть заинтересовано в сохранении леса как общественного блага, от которого зависит благополучие страны и ее жителей, следовательно, государство должно являться гарантом легитимности в лесной промышленности, однако его действия зачастую обходят закон ради краткосрочной выгоды.

Для того чтобы нововведения работали так, как это планировалось, необходима дополнительная система независимого контроля и проверки, осознание связи между экономическим развитием и сохранением природного капитала, что позволит сделать это направление приоритетным или позволит ему занять важное, а не второстепенное место, необходим контроль над деятельностью правительства, гражданское участие, процесс развития которого требует времени.

Саватеев А.А.
Институт Африки РАН, Москва, РФ

Грунтовые воды Африки как полноценный источник водоснабжения

Обеспечение жителей континента чистой и качественной водой с годами становится все более острой проблемой. Хотя решение этого вопроса находится буквально под ногами – подземные, грунтовые воды, пласты которой, по данным геологических исследований, залегают практически всюду, включая территорию Сахары.

Между тем возможности их использования явно недооцениваются. Во-первых, сказывается укоренившееся отсутствие интереса к грунтовым водам со стороны самих африканцев, которые относятся к ним как к чему-то далекому, недоступному, отчасти даже запретному. Во-вторых, инерция мышления гидроизыскателей, которая выражается в приверженности исследователей стандартным способам поиска и получения воды.

Однако целый ряд причин заставляет научное сообщество и хозяйственников обратить внимание на подпочвенные воды как на потенциальный источник водных ресурсов:

1. Водоносные слои являются единственным реальным вариантом водоснабжения обширных сельских районов, особенно если они лишены водопроводной системы, сети сбыта питьевой воды и т.д.

2. Гидрогеологические разработки относительно дешевы, а результаты их использования позволяют добиться эффективного водоснабжения.

3. В настоящее время необходимо сосредоточить исследования в области грунтовых вод на их поиске в сложных, засушливых регионах; решать проблемы качества грунтовых вод; осуществлять мониторинг влияния засухи и климатических изменений в засушливых регионах на подземные воды, а также вести социальный контроль над поставкой воды населению.

Тем не менее масштабы бурений на грунтовые воды сокращаются из года в год, а доступ к результатам уже проведенных исследований практически закрывается, что косвенно свидетельствует о потенциальной прибыльности пробуренных скважин, почему, как нам представляется, их владельцы и держат в тайне результаты разработок.

На территории Субсахарской Африки насчитывается по меньшей мере 300 млн людей, не имеющих доступа к безопасной и чистой воде, примерно 80% из этого числа проживают в сельской местности. Масштабное увеличение доступа к питьевой воде в сельских районах и городских агломерациях имеет основополагающее значение для достижения целого ряда целей, утвержденных ООН в документе под названием «Задачи Тысячелетия». Отсутствие чистой воды подвергает опасности здоровье миллионов семей; даже образование детей отходит на второй план перед этой приоритетной задачей человеческого выживания.

Преимущества использования грунтовых вод перед другими источниками водоснабжения заключается в следующем:

- 1) они позволяют совмещать программы реализации водоснабжения с осуществлением программ здравоохранения;
- 2) грунтовые воды практически не зависят от засухи;
- 3) они присутствуют и доступны практически во всех климатических районах континента, необходимы только определенный опыт и знания для их добычи;
- 4) в большинстве случаев они прекрасного качества и не требуют какой-либо специальной обработки;
- 5) водоносные слои могут разрабатываться постепенно, доступ к ним достаточно прост и дешёв.

По этим причинам большинство проектов по развитию водоснабжения в сельских районах Африки строится исходя из доступа к грунтовым водам, но их реализация крайне хаотична: или скважины сооружаются случайным образом или сообразуясь с финансовыми возможностями; вода в них, поскольку источники считаются чистыми и безопасными для здоровья, не подвергается анализу. Поэтому в расчет должны приниматься не только социально-экономические факторы, но и природные. Целый ряд проектов использования подземных вод провалился в беднейших африканских районах, но это не означает, что всестороннее изучение проблемы не позволит в последующем если не решить

проблему, то изменить ситуацию в лучшую сторону. В то же время существует опасность появления в грунтовых водах мышьяка и фтора естественного происхождения, например, в странах Восточной Африки. Предотвратить её может постоянный контроль качества, а также предварительное изучение геологических особенностей территории.

Чачэйж Чамби
Танзания

Глобальные изменения климата как побудительный мотив «захвата новых земель в Африке» (танзанийский вариант)

Кризис продовольствия, топлива и финансов*, разразившийся в 2007–2008 гг., вызвал теоретические споры по поводу «захвата новых земель в Африке». Это вытекает из того факта, что уже более трех лет ряд африканских стран (в том числе Танзания), являются свидетелями феноменального роста крупномасштабных инвестиций в приобретение земель с целью получения дивидендов. Одни участники спора утверждают, что наблюдаемый феномен является колониальным и неокOLONIALНЫМ разграблением земель, другие считают, что это инвестиции в землю, которые разрешат указанный кризис, проявление текущего глобального кризиса.

Три основные причины последовательно представлялись, чтобы, прежде всего, оправдать такие крупномасштабные инвестиции. Это (не)обеспеченность продовольствием, (не)обеспеченность энергией и (не)обеспеченность условий окружающей среды. Однако в случае с Танзанией основное внимание большинства исследований было сосредоточено на захвате земель. Это было связано с инвестициями в био- и агротопливо и тем, как они воздействуют на эти виды (не)обеспеченности. Несмотря на возрастающее число исследований по проблемам изменения климата, существует немного исследований о том, как оно воздействует на захват земель. Этой теме и посвящен данный доклад.

На основе полевых исследований в Танзании в докладе рассматривается, каким образом Киотский протокол и соглашения об угольных рынках используются для оправдания приобретения земель в массовом порядке у мелких производителей, а именно: у фермеров и пастухов. В частности, автор сравнивает двух инвесторов в лесоводство – «Зеленые ресурсы» из Норвегии и «Новую лесную компанию» из Великобритании, которые приобрели землю, и описывает реакцию на это Танзании.

* По-английски кризис называется кризисом трех «Ф» по первым буквам этих понятий в английской транскрипции – «Food, Fuel and Financial» (прим. перев.)

СЕКЦИЯ 2

АФРИКА В СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ. РОССИЙСКО-АФРИКАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Руководитель: к.э.н. Евгений Николаевич Корендясов

Абрамова И.О.
Институт Африки РАН, Москва, РФ

Роль человеческого капитала в социально-экономическом развитии государств: сравнение российских и африканских реалий

Человеческий капитал имеет прямое отношение к социальным факторам силы того или иного государства. Те страны, где главной ценностью является человек, имеют сплоченное общество, уверенное в себе и в своих ценностях, и выступают более сильными игроками на мировом пространстве по сравнению с социально атомизированными, неорганизованными и не имеющими ясных целей государствами, в которых отсутствие четкой социальной политики ведет к росту безработицы, снижению уровня жизни, увеличению социальной и политической напряженности, а, в конечном счете, к формированию криминальной экономики. Проблема формирования, совершенствования и реализации человеческого капитала приобретает особую актуальность на поворотных этапах истории, когда решается вопрос о дальнейших путях развития цивилизации. И для России, и для Африки, оказавшихся в эпицентре противоречивых мировых процессов, связанных, с одной стороны, со сменой модели общественного развития, а с другой – с глобализацией, проблема формирования и оптимального использования человеческого капитала приобретает первостепенное значение не только для успешного социально-экономического развития, но и для сохранения национальной идентичности и государственной целостности. Россия, которая еще в начале 1990-х годов была одной из самых богатейших стран мира по качеству человеческого капитала, была отброшена на обочину мирового развития в результате катастрофических последствий реформ 1990-х годов, сделавших невостребованным научно-технический потенциал страны, что привело к резкому обесценению человеческого капитала, накопленного в предыдущую эпоху. Серьезную угрозу для

формирования количественной составляющей человеческого капитала РФ представляют также отрицательные показатели прироста населения страны. Африка, напротив, занимая сегодня первое место в мире по темпам прироста трудовых ресурсов, не способна в силу целого ряда факторов обеспечить качественный рост своего человеческого потенциала. Сегодня вектор развития как России, так и Африки должен быть направлен в сторону максимизации и оптимального использования социального компонента. Такой подход позволит повысить конкурентоспособность реального производства, которая в современном мире непосредственным образом зависит от предложения человеческого капитала. И РФ и африканским государствам, выступающим на мировых рынках в качестве экспортеров природных ресурсов, необходимо использовать сверхприбыли монополий и, прежде всего, природную ренту не для обогащения узкого круга экономической и политической верхушки (явление – характерное как для РФ, так и для большинства африканских государств), а для стимулирования развития предпринимательства в сфере высоких технологий, для наращивания научно-технического потенциала, развития образования, здравоохранения и эффективного повышения общего уровня жизни населения. Только это позволит и РФ и Африке достичь высоких показателей экономического развития и занять достойное место в системе международного разделения труда.

Арсанов С.С.-Х.
Российский экономический
университет им. Г.В. Плеханова, Москва, РФ

Особенности африканской политики Китая

В последнее время Китай укрепил свое положение на мировой арене, осуществляя интенсивную экономическую экспансию. В частности, Китай усилил свое присутствие в Африке.

Для Китая Африка – огромная сырьевая кладовая, поэтому Китай активно вкладывает деньги в развитие ее сырьевых сфер. Китай менее требователен, чем Соединенные Штаты, которые намерены строить отношения с Африкой только при условии транспарентности местных режимов и соблюдения африканскими лидерами демократических принципов.

Несмотря на то что доходы африканских стран от продажи ресурсов выросли, население обеднело более чем в 3 раза, что вызывает резкое недовольство у значительной части населения и ведет к постоянным террористическим, бандитским действиям, направленным против правительств и иностранных фирм.

Китайские компании тесно связаны с государством, поэтому Китай старается добиваться от правительств африканских стран экономического развития территорий, на которых они находятся, за счет части прибыли. На эти же цели направляются и китайские льготные кредиты. А осваивают эти средства китайские фирмы, чей управленческий и инженерный состав полностью китайский. Они осуществляют социальные проекты.

Стоимость китайской рабочей силы несопоставимо ниже европейской и американской, и Китай использует своих рабочих на низких должностях, на которые западные компании вынуждены брать неквалифицированных и недисциплинированных местных рабочих. В результате повышается качество всех произведенных работ и увеличивается выручка, а использование китайских управленцев и инженеров позволяет решить проблему коррупции. Благодаря этому проекты реализуются, и деньги не разворовываются полностью.

Пекин привлекает мелкий китайский бизнес, предлагая льготные, беспроцентные кредиты, оказывая технологическую и дипломатическую поддержку. Например, в Нигерии функционирует более тысячи мелких китайских предприятий. В основном это сфера услуг, с частичным привлечением местного населения.

Китай занимается обучением африканских студентов в китайских вузах и организует курсы переподготовки.

Примечательно, что для входа в ту или иную африканскую страну китайский капитал тратит сравнительно небольшие финансовые средства. Но эффективность их значительно превосходит западные инвестиции. Поскольку потребность экономики КНР в сырьевых ресурсах будет возрастать, китайское присутствие в Африке только увеличится, и уже в течение 10 лет оно может стать преобладающим.

Готшалк Кейт
Университет Западного Кейпа, Южная Африка

Неожиданный сценарий развития панафриканского движения: взгляд из 2011 года

После 70-летнего эпизодического существования в рамках конференций, в 1963 г. панафриканское движение институционализировалось на постоянной основе в виде Организации африканского единства (ОАЕ).

Основатели ОАЕ практически единодушно высказались против предложенной Кваме Нкрумой концепции континентальной федерации – Соединенных Штатов Африки. Не стали они перенимать и модель суще-

ствовавшего на тот момент шесть лет Европейского экономического сообщества (ЕЭС). Вместо этого они последовали примеру Организации американских государств (ОАГ) и Лиги арабских государств (ЛАГ).

Все резко изменилось в 1991 г., когда был подписан Абуджийский договор, согласно которому в Африке предусматривались институты, аналогичные тем, что существовали в рамках ЕС, и было принят план их постепенного создания в течение 34 лет. «Импорт» институтов ЕС был подтвержден в 2000 г. в Учредительном акте Африканского союза.

В течение четырех лет следующей неожиданной переменой в развитии стал переход от принятия договора к его реализации. Начиная с 2004 г., в рамках Африканского союза были созданы институты, которые не походили ни на ЕС, ни, как отмечают некоторые исследователи, даже на ООН, а исходили из африканского опыта ЭКОВАС, которое задавало тон в этом направлении. С тех пор в рамках панафриканского проекта был создан целый ряд континентальных квазинеуправительственных организаций. Некоторые из них представляют собой собственно африканские инновации и созданы впервые в мире.

Влияние объединений гражданского общества остается незначительным. Однако Всеафриканский парламент и Совет по социальным, экономическим и культурным вопросам представляют собой организации нового поколения, имеющие возможности открыть пространство для серьезного общественного участия.

Дейч Т.Л.
Институт Африки РАН, Москва, РФ

Китайские компании на африканских сырьевых рынках

1. В новом тысячелетии наблюдается резкая активизация деятельности китайских компаний в странах Африки. Потребности экономики КНР в сырье, в первую очередь в нефти, выросли за последние годы и продолжают расти, что побуждает Пекин вступать в ожесточенную конкуренцию с США, странами ЕС и новыми «возникающими» державами за африканские природные богатства.

2. Зарубежная деятельность китайских компаний поощряется и поддерживается с помощью широкого набора инструментов. Займы и кредитные линии, помощь развитию, поставки оружия и дипломатическая поддержка помогают Китаю снискать расположение африканских правительств и получить привилегированный доступ к ресурсам.

3. Способствовали проникновению китайских компаний на африканские сырьевые рынки «Вашингтонский консенсус» с его програм-

мами структурной адаптации и либерализации экономики, неудачными для многих стран Африки, нереализованные обещания Запада, открытие африканских рынков вследствие глобализации. Удачливый бизнес Китая в сырьевой сфере Африки во многом обязан его ключевой позиции, неоднократно озвученной председателем КНР Ху Цзиньтао и другими руководителями страны: «Китай не вмешивается во внутренние дела других государств», означающей на практике сотрудничество, не обусловленное требованиями в отношении демократии, надлежащего управления или прав человека, а также готовность идти на риски, действуя в разрушенных войнами государствах (ДРК, Либерия).

4. В активе Пекина – разносторонняя помощь компаниям со стороны государства; правительство непосредственно не вмешивается в решения, касающиеся инвестиционной деятельности компаний, но предлагает им финансовую и дипломатическую поддержку. Важный фактор – участие в реализации государственных программ китайских банков, таких, как Эксимбанк, Чайна Девелопмент бэнк и созданный им Фонд Китай – Африка в поддержку китайских инвестиций в Африку, а также предпринимательский энтузиазм на частном и государственном уровне. Если мелкие предприятия финансируют свою инвестиционную деятельность с помощью семейных связей и неформальных рынков капитала, то ключевой источник финансов для африканских проектов государственных компаний – Эксимбанк Китая.

5. Способствует реализации планов Пекина фокус на определенных секторах африканской экономики, в частности, упор на инфраструктуру – «слабое место» в большинстве африканских стран.

6. Китай стремится контролировать источники сырья, нежели закупать это сырье на мировых рынках. Инвестируя в проекты в районах добычи сырья, он гарантирует местному бизнесу более широкий доступ на китайские рынки в отдельных отраслях промышленности, что также делает для этих стран привлекательными китайские вложения.

7. Деятельность китайских компаний в сырьевой сфере Африки сопряжена с серьезными рисками, не застрахована от террористических акций, нападений на персонал. К тому же стремление Китая «прибрать к рукам» африканские ресурсы, а также связанное с ним растущее присутствие китайцев в странах континента нередко вызывает отрицательную реакцию местного населения.

О предпосылках и перспективах сотрудничества России и Египта по урегулированию кризисной ситуации в Судане

В январе 2005 г. в Судане завершилась гражданская война между Севером и Югом, продолжавшаяся около 22 лет. Однако время, прошедшее с момента подписания Всеобъемлющего мирного соглашения (ВМС), не принесло этой стране долгожданного мира. В настоящее время в западных штатах Судана – регионе Дарфур – продолжается другой вооруженный конфликт, в котором участвуют правительственная армия и противоборствующие группировки местных племен. Сохраняется напряженность и во взаимоотношениях центрального суданского правительства с автономными властями южного региона, где в январе 2011 г. прошел референдум по вопросу об отделении от севера страны. При этом, вне зависимости от будущего статуса Юга Судана, уровень политической нестабильности южных штатов, а значит и риск нового вооруженного конфликта в этом регионе останутся достаточно высокими.

В докладе раскрывается тезис о чрезвычайной сложности политического кризиса в Судане, его многоуровневой природе. Следует вывод о том, что на современном этапе, также как и в период до заключения Всеобъемлющего мирного соглашения (2005), решение острых политических проблем этой страны невозможно без активной роли международных посредников. По мнению автора, именно Россия находится в числе стран, способных обеспечить международную поддержку политической стабилизации в Судане, в пользу чего говорит динамика российско-суданских отношений последних нескольких лет.

С одной стороны, позиция России заключается в том, что урегулирование внутренних конфликтов Судана немислимо без экономического развития суданской периферии. При этом Москва не ограничивается обещаниями экономической помощи Судану, но уже сейчас эту помощь оказывает, что проявилось, в частности, в принятом Россией решении о списании суданских долгов. С другой стороны, итоги деятельности спецпредставителя президента РФ в этой африканской стране свидетельствуют о том, что в настоящее время Москва готова активнее участвовать в разрешении спорных вопросов между Севером и Югом Судана, чем это было в первой половине 2000-х годов – на стадии согласования Всеобъемлющего мирного соглашения.

В этой связи большую важность приобретает интеграция усилий внешнеполитического ведомства России с усилиями других стран, с

которыми у Москвы нет серьезных противоречий по основным международным аспектам внутренних проблем Судана. По мнению автора, одним из наиболее перспективных партнеров России на этом направлении является Арабская Республика Египет. С точки зрения России в пользу наращивания такого сотрудничества с Египтом говорит, прежде всего, традиционно сильное влияние этой страны на политику своего южного соседа. За последние несколько десятилетий Россия (СССР) и Египет накопили богатый опыт взаимодействия по вопросам ближневосточного урегулирования. Представляется целесообразным применить этот опыт для достижения совместными усилиями прочного мира и стабильности как на Севере, так и на Юге Судана.

Автор анализирует важнейшие шаги России и Египта во взаимоотношениях этих стран с Суданом последних нескольких лет, на основании чего приходит к выводу о широком совпадении позиций Москвы и Каира, а следовательно, и большом потенциале совместных инициатив двух стран на суданском направлении.

Калинина Л.П.
Институт Африки РАН, Москва, РФ

Некоторые итоги российско-африканского экономического сотрудничества в свете тенденций мировой экономики

Текущее десятилетие отмечено существенными позитивными тенденциями в российско-африканском экономическом сотрудничестве как с точки зрения возросших масштабов (объем товарооборота РФ и стран Африки вырос с 1 млрд долл. в 1995 г. до 6,7 млрд долл. в 2007 г.), так и в плане качественных параметров. А именно: развития сотрудничества производственно-инвестиционного характера, усиления государственной поддержки (обновление и совершенствование договорно-правовой базы экономического и научно-технического сотрудничества, вступление РФ в Африканский банк развития, являющийся одним из пяти крупнейших мировых банков развития и др.).

Главные российские интересы в Африке сосредоточены в экономической сфере, прежде всего в сырьевых отраслях, что объясняется:

1) значительной уязвимостью минерально-сырьевой базы России – согласно ее переоценке, от 30 до 70% запасов полезных ископаемых, стоящих на государственном балансе, попали в разряд нерентабельных для разработки;

2) РФ испытывает дефицит в некоторых видах минерального сырья;

3) важностью укрепления своих позиций на сырьевых рынках, в т.ч. и путём координации политики с Африкой в целях усиления влияния на ситуацию на мировых рынках сырья;

4) возможностью расширения экспорта промышленного оборудования, машин и услуг вследствие сотрудничества в добывающих отраслях.

Несмотря на определённые достижения в последние годы, эффективность российско-африканского сотрудничества всё ещё недостаточна при его значительном потенциале.

Важнейшим направлением снижения имеющегося негатива в этой сфере является усиление разностороннего и широкого использования государственного взаимодействия. Расширение экономической роли государства в вопросах сотрудничества РФ с африканскими странами обусловлено, помимо её общей ограниченности на данный момент, такими новыми тенденциями в мировой экономике, как:

1) обострение конкуренции на мировых сырьевых рынках, особенно нефтегазовом, в т.ч. африканском, где идёт жёсткая борьба за сырьевые источники как со стороны западных, так и азиатских, и латиноамериканских ТНК;

2) ослабление российских компаний под влиянием мирового финансового кризиса;

3) развитие деглобализации (защита собственных рынков отдельными странами посредством протекционизма и т.п.) вследствие как кризисной ситуации в мировой экономике, так и краха ультралиберальной модели «англосаксонского капитализма». В результате МВФ отказался от одного из важнейших положений своей политики – концепции беспрепятственного движения капитала на мировом финансовом рынке, рекомендуя усилить контроль над рынками со стороны государства.

Кораблев И.А.
Институт Африки РАН, Москва, РФ

Отношения Африки и Китая сегодня

Сегодня начавшееся еще в 1950-е годы африкано-китайское сотрудничество помимо всех видимых успехов в области освоения минеральных ресурсов затрагивает и другие сферы экономических отношений.

В частности, Китай продолжает активно строить объекты инфраструктуры и предоставлять на эти цели многомиллиардные «дипломатические» кредиты (на 4-м саммите Китай–Африка в Шарм-эш-Шейхе Китай пообещал выделить странам Африки кредит в 10 млрд долл. США и создать фонд с уставным капиталом в 1 млрд для кредитования

средних и мелких африканских компаний). Все это способствует росту китайских инвестиций в Африку, объем которых в 2010 г. должен составить 10 млрд долл. США, а объем товарооборота превысит 100 млрд в год, что составит 25% внешнеторгового оборота Китая. Таким образом, в настоящее время отчетливо прослеживается тенденция привлечения стран Африканского континента в мировую экономику именно через Китай.

В 2005 г. Китай отменил таможенные пошлины на группу товаров, импортируемых из 29 слаборазвитых стран Африки, с которыми Китай поддерживает дипломатические отношения. В итоге освобождены от пошлин 97% товаров, экспортируемых в Китай из африканских стран. В 2007 г. Китай вновь обнулil таможенные пошлины на вторую группу импортных товаров 26 слаборазвитых стран Африки. Акция коснулась 256 наименований товарной продукции.

Благодаря строительству объектов инфраструктуры, отмене пошлин, а также росту населения континента инвестиционная привлекательность Африки также растет. По мнению британского журнала *The Economist*, Африка может считаться одним из наиболее интересных регионов для инвесторов в текущем году.

Этому способствует и рост потребления Китаем таких товаров «роскоши», как вино, табак и кофе, произведенных в Африке. Так, например, рост потребления Китаем африканского кофе составляет 15% в год, к чему уже начинают присматриваться иностранные компании, готовые создавать свои предприятия в Африке с целью производства данного рода продукции и продажи ее в Китае.

Корендясов Е.Н.
Институт Африки РАН, Москва, РФ

Российский бизнес в Африке

1. Африка становится всё более заметным звеном в мировой экономике. В 2008 г. объём накопленных прямых инвестиций – 511 млрд долларов (приток в 2003 г. – 66 млрд)¹. Рост интереса российских компаний к Африканскому континенту относится к началу 2000-х годов. На конец 2006 г. активы двадцати крупнейших российских компаний в Африке составили 4% их общего объёма (примерно – 2,4 млрд долларов)².

2. На данном этапе к основным движущим мотивам расширения деятельности российского бизнеса на континенте относится его стрем-

ление упрочить свои позиции в качестве лидирующего мирового игрока на рынках энергетических ресурсов.

3. Африканские партнеры заявляют о своей заинтересованности в привлечении российских капиталов, при условии соблюдения международных экономических и социальных стандартов деятельности бизнеса.

4. Важнейшим фактором успешной деятельности российского бизнеса в Африке является его всемерная поддержка со стороны государства. Однако разработка соответствующей программы задерживается в связи с недооценкой потенциала российско-африканского сотрудничества и сложностью согласования корпоративных и государственных интересов.

Кулькова О.С.
Институт Африки РАН, Москва, РФ

Африканская политика Г. Брауна и Д. Кэмерона: от «новых лейбористов» к консерваторам

Африканская политика британского правительства, начиная с 2008 г., во многом определяется задачей преодоления глобального кризиса. Несмотря на сложное экономическое положение Великобритании, Г. Браун продолжал развивать линию помощи Африке, начатую еще при его предшественнике Т. Блэре. Так, разработка пакета мер помощи беднейшим странам Африки стала основной темой лондонского саммита «двадцатки» 2 апреля 2009 г. Г. Браун боролся с протекционизмом, стремился получить подтверждение того, что обязательства, взятые развитыми странами в отношении Африки в 2005 г. в Глениглсе и позже, будут соблюдаться. По предложению Брауна под эгидой Всемирного банка был создан новый многомиллиардный Фонд быстрого реагирования на социальные потрясения для поддержки самой уязвимой части населения планеты, Лондон решил внести в него 200 млн фт. ст. Эти деньги пошли на обеспечение продовольствием детей, оказание медицинской помощи беременным женщинам и на финансирование программ «пища за работу». Также Браун предложил сформировать т.н. «глобальную систему предупреждения бедности». Великобритания не отказывалась от своих международных и самостоятельно принятых обязательств по предоставлению помощи африканским странам, несмотря на финансовый кризис.

В докладе будут проанализированы не только эти и другие политические шаги Г. Брауна в отношениях с африканскими странами. Рассматривается также такая малоизученная тема, как личное, челове-

¹ UNCTAD. World Investment Report 2009. New York – Geneva, 2009. P. 42.

² Экономическое возрождение России. М., 2008. № 3 (17). С.11–13.

ское отношение бывшего премьер-министра Г. Брауна к проблемам континента, то, как развивались его контакты с африканскими политическими деятелями, как африканская тема вписалась в биографию этого видного политического деятеля, насколько сильна оказалась преемственность в этом вопросе с его предшественником Т. Блэром.

Другой важной темой доклада является анализ формирования африканской политики правительства Д. Кэмерона в сложных экономических условиях, связанных с большим дефицитом бюджета Великобритании, и в непростой политической атмосфере коалиционного правительства. Интересным аспектом является то, как осуществляется переход в африканской политике Великобритании от лейбористского подхода к консервативному, в чем их сходства и различия. Пока остается открытым вопрос о том, станет ли Африка для нового правительства консерваторов таким же приоритетным направлением, каким оно было для новых лейбористов в течение более десятилетия.

Кургат Пол К.
Посол Республики Кении в Москве

***Образование как инструмент внешней политики:
кенийские студенты в России и Восточной Европе
в период «холодной войны» (1954–1989 гг.)***

Целью исследования является определение роли образования как инструмента внешней политики. (Привлекательность России для кенийских студентов состояла также в обеспечении транспортировки воздушным путем.)

В докладе рассмотрен опыт пребывания кенийских студентов в России и Восточной Европе: особенности учебного плана, социально-экономической и политической социализации.

Исследование основывается на двух взаимосвязанных теориях – «политической социализации» Дина Джароса и «дипломатии зависимости и изменения» Али Мазруи. Во-первых, образование использовалось в целях политической социализации. В эпоху «холодной войны» те молодые люди, которым предлагалось пройти обучение или стажировку в Восточной и Западной Европе, социализировались определенным образом.

Во-вторых, существует связь между образованием и решениями, принимаемыми во внешней политике.

В-третьих, прибытие студентов в СССР и Восточную Европу с целью получения высшего образования и профессиональной подготов-

ки находилось под влиянием политических реалий «холодной войны» в международных отношениях. То же относилось и к обучению африканских студентов в США.

В-четвертых, обучение иностранных студентов в России и Восточной Европе оказывало свое воздействие на внешнюю политику государств. Связи Кении с Россией и Восточной Европой в области образования влияли на внешнюю политику и дипломатию Кении с 1954 года.

Исследование выполнено на базе сбора и анализа данных с обращением к материалам библиотек, архивов, устным источникам. Были проинтервьюированы некоторые кенийские дипломаты, работающие сейчас в кенийском посольстве в Москве или вышедшие в отставку; российские дипломаты и диппредставители стран Восточной Европы в Найроби; компетентные ученые и политики.

Лебедева Н.Б.
Институт востоковедения РАН, Москва, РФ

***Аденский залив – угрозы безопасности и парадоксы
многостороннего сотрудничества***

Глобализация и другие многообразные процессы мирового развития резко усилили востребованность взаимосвязей между государствами, обменов товарами и ресурсами и т.п. по морю. Вместе с тем выявилась крайняя необходимость защиты Эксклюзивных экономических зон (ЭЭЗ), платформ на шельфовых и донных разработках нефти и газа, островных владений, обеспечения безопасности проливов и морских коммуникаций (SLOCs) от угроз, возникающих в силу не только традиционных военных конфликтов разной интенсивности, но и нетрадиционных вызовов – активизации терроризма, распространения морем ОМУ и других опасных материалов, вооруженного разбоя и пиратства в разных регионах Мирового океана.

В докладе анализируются попытки формирования сначала трехстороннего, затем многостороннего сотрудничества в сфере морской безопасности, стартовавшего по инициативе Японии с середины 90-х годов минувшего века. Изначальные участники процесса – Япония, США и КНР, несмотря на философские, идеологические, стратегические и иные различия и противоречия, формулировали новые подходы к решению проблем морской безопасности применительно к Северной и Северо-Восточной Азии (СА и СВА), исходя из концепции «cooperative security». В ее основе лежит стремление заинтересованных сторон к налаживанию многостороннего сотрудничества через диалог по вопросам нетрадиционной безопасности.

Среди выдвигаемых с рубежа веков инициатив ключевыми являются – «Proliferation Security Initiative» (PSI) и «Regional Maritime Security Initiative» (RMSI) США 2003 г., «Regional Cooperation Agreement on Combating Piracy and Armed Robbery against Ships in Asia» (ReCAAP) Японии 2000 г., Операция MALSINDO для Малаккского пролива Индонезии, Малайзии и Сингапура 2004 г. и многие другие. Так, в октябре 2007 г. американский адмирал М. Мюллен представил стратегию «Глобального морского партнерства» (GMP) или «Флота тысячи кораблей» для Тихого и Индийского океанов и, возможно, с более широким мандатом в перспективе.

Реакция и восприятие концепций и инициатив государствами Запада, СА, ЮВА и ЮА были весьма противоречивыми, иногда конфронтационными, что было продемонстрировано на протяжении 2010-х годов. во время многочисленных дебатов, в том числе в стенах СБ ООН, и переговоров на международных совещаниях и семинарах. В итоге парадокс № 1: получив одобрение со стороны ООН, основные принципы ReCAAP стали моделью для организации многосторонних операций против пиратов у берегов Сомали и в Аденском заливе, а также для создания Контактной группы по пиратству в этом регионе (CGPCS), которая должна была регулярно докладывать соответствующим структурам ООН.

Парадокс № 2. Вопреки неприятию многими странами целей стратегии «Глобального морского партнерства» (GMP) из-за боязни вероятного диктата США, Вашингтон создал 8 января 2009 г. объединение – «Combined Task Force 151» совместно с не-союзниками и «Восточными флотами» Китая и Японии (в 2008 г. их суда действовали в Аденском заливе автономно, а у Японии не было права на применение силы против террористов). Отряд кораблей «CTF-151» – это, по существу, первый реальный опыт стратегии сотрудничества для США и их концепции GMP в XXI в.

Парадокс № 3. Отряд CTF-151 из кораблей союзников и не-союзников сотрудничает на рабочем уровне в форме **Adhoc**, без формального членства, но с высокой степенью информационного обмена данными.

Парадокс № 4. В настоящее время в СА так и не существует какой-либо многосторонней структуры морского сотрудничества. Более того, в последние месяцы наблюдается усиление напряженности на море между ее инициаторами – Японией и Китаем, США и Китаем, Китаем и некоторыми членами АСЕАН из-за спорных островов.

Парадокс № 5. Страны АСЕАН высказываются в пользу применения моделей MALSINDO и ReCAAP (а не Сомалийского опыта) для глобальной борьбы с пиратами.

Мировое сообщество, несмотря на значительные усилия, пока не способно справиться с пиратами и защитить танкеры и торговые суда

даже в «коридорах безопасности» по оперативным, экономическим, юридическим и геополитическим причинам.

Лилеев И.Л.
Институт Африки РАН, Москва, РФ

Германия и Африка – особенности политических и экономических отношений в XXI веке

Отношения Германии и подавляющего большинства государств Африки многие годы опирались на устоявшуюся традицию «зависимого партнёрства». На протяжении десятилетий отношения Федеративной Республики Германии и африканских стран служили целям утверждения внешнеполитического влияния страны в «третьем мире» в противовес внешнеполитической линии Германской Демократической Республики.

До начала семидесятых годов установление дипломатических отношений с ГДР означало разрыв дипломатических отношений с ФРГ.

После объединения Германии, потребовавшего колоссальных финансовых затрат, вовлеченность Германии в африканские дела не только не сократилась, но и расширилась. На рубеже тысячелетий Германия была и остается в Африке одним из наиболее уважаемых партнеров. Хотя место и роль Германии за последние годы несколько изменилась.

Внешиполитическая концепция Германии в большей степени «вписана» во внешнюю политику всего Европейского союза, которая не выражает, в частности, традиционных симпатий ФРГ к странам – бывшим колониям Германии. Тем не менее Германия продолжает поддерживать традиционные «особые отношения» с государствами, которые и по сей день находятся в зоне германского культурного присутствия на континенте. Именно в Африке Германия подчеркнута верна своим традициям во внешнеполитических приоритетах. Именно германские колонии в Африке и в особенности Намибия, где влияние немецкой общины наиболее чувствительно, а также в меньшей степени Танганьика (Танзания), Того, часть территории которого была когда-то немецкой колонией, а также Камерун (также лишь частично немецкий), как правило, находятся в числе главных реципиентов различного рода помощи со стороны Германии. Только лишь одной Намибии и только за последние десять лет было передано более 500 миллионов евро в виде безвозмездной помощи.

В целом африканские страны представляют собой различные группы партнёров для Германии. Помимо бывших колоний другую группу образуют страны Северной Африки, отношения с которыми развивают-

ся главным образом в контексте отношений между Европейским союзом и государствами региона.

Другую группу государств составляют т.н. «носители надежды» – «хорошие ученики» проводимой ЕС в целом и Германией в частности политики поощрения демократических реформ и либеральных рыночных отношений. Такие страны, как Кения, Гана, Замбия, стремятся к развитию и диверсификации своих отношений с Германией. Отдельную и многочисленную группу государств составляют страны, относимые к числу беднейших в мире. Большинство из них расположено именно на африканском континенте. В современной политологии, особенно американской, государства эти принято считать несостоявшимися. В Германии упорно избегают такого рода определений, однако показатели внешнеэкономических контактов с этой группой государств красноречиво говорят о том, что в Берлине не ждут многого от развития этих отношений. Государства эти получают, как правило, различные виды гуманитарной помощи, а также переданные безвозмездно различные объекты инфраструктуры (колодцы, водопроводы и т.д.). Кредиты, выданные в рамках двусторонних соглашений, в дальнейшем обычно списываются.

Особые отношения исторически сложились у ФРГ с ЮАР. В данном случае речь идёт не столько о зависимом партнёрстве, сколько о равноценных взаимовыгодных контактах. Даже в годы международного бойкота в отношении ЮАР Германия никогда не спешила сворачивать присутствие тут немецких корпораций, оправдывая это тем, что подобные действия нанесли бы удар в первую очередь по чернокожим жителям страны, лишив их рабочих мест. Отношения на взаимовыгодной основе развиваются и сегодня.

Наметившиеся ещё несколько лет назад благоприятные тенденции в экономическом развитии Африки, не в последнюю очередь связанные с реализацией плана НЕПАД, создают новые возможности для развития отношений Германии и африканских государств в обоюдных интересах.

Сепелева Н.В.
Институт Африки РАН, Москва, РФ

Миротворческая деятельность ООН: проблема беженцев (на примере района Великих озер)

Проблема беженцев на Африканском континенте – одна из самых острых и обсуждаемых тем последнего времени. Она связана с дестабилизацией политических режимов в ряде стран континента и, прежде

всего, Центральной Африки. Кроме того, перманентные вооруженные, межэтнические и межконфессиональные конфликты влекут за собой тысячи жертв, среди которых как лица, перемещенные внутри страны, так и беженцы из других стран.

Наиболее типичный пример конфликтогенной зоны в Африке – район Великих озер (РВО). Здесь по-прежнему ощущаются последствия гражданской войны в ДРК (1998–2003 гг.) и геноцида в Руанде (1994 г.). В то же время постоянное возобновление военных действий в восточных провинциях ДРК провоцирует новые гуманитарные катастрофы.

Одна из самых крупных миротворческих миссий ООН (более 20 тыс. чел.) находится в ДРК. Одновременно это одна из самых затратных миссий. Расходы на ее содержание в период с июля 2009 по июнь 2010 г. составляли 1350 млн долл. США. Новые угрозы современности обусловили дополнительное напряжение и других ресурсов ООН для решения сложных задач. Так, по оценкам Управления Верховного Комиссара по делам беженцев (УВКБ), сумма расходов, необходимая для его деятельности в 2011 году, составит 3,3 млрд долл. (в 2010 г. – чуть менее 2 млрд долл.).

Эффективность миротворческой деятельности как основного института по урегулированию конфликтов в последнее десятилетие стала заметно снижаться. Например, в Руанде ООН была не способна уберечь мирное население от геноцида и предотвратить возобновление вооруженных конфликтов в РВО. Поэтому перед ООН стоит задача дальнейшего совершенствования механизма миротворчества, а также усиления правовой базы использования вооруженных сил.

Проблемы беженцев в Африке, испытывающей на себе последствия региональных конфликтов, еще долго будут актуальными в обозримом будущем. Их решение вкупе с другими глобальными вызовами XXI в. важно не только для региональной, но и международной безопасности в целом.

Сидорова Г.М.
Институт Африки РАН, Москва, РФ

Особенности взаимодействия ДРК со странами Запада в сфере безопасности (2006–2011)

После проведения в 2006 г. всеобщих выборов и формирования легитимных институтов власти в ДРК по-прежнему остро стоял вопрос безопасности. Обстановка в стране, особенно в ее восточных провинциях, по-прежнему оставалась напряженной. Возникали локальные кон-

фликты этнического характера, не прекращались вооруженные столкновения между иностранными и местными военными группировками, в результате которых, как правило, страдало местное население. Это приводило к масштабным перемещениям людей, вынужденных спасаться от террора и насилия боевиков.

Конголезская армия не могла в одиночку справиться с вопросами безопасности в стране, поскольку ее организация была слабой и не обладала должным уровнем подготовки. Реформа сектора безопасности, а также разоружение и репатриация иностранных вооруженных групп продвигались медленными темпами. Западные страны, включая Бельгию, Францию, США, принимали активное участие в стабилизационных процессах в ДРК. Лидирующее место среди традиционных партнеров ДРК занимала бывшая метрополия – Бельгия. В последнее десятилетие отношения между двумя странами развивались не просто. Тем не менее Брюссель был настроен на укрепление своих политических позиций в этой ключевой стране Африканского континента.

К числу основных западноевропейских партнеров, с которыми ДРК традиционно поддерживает тесное сотрудничество, относится Франция. Однако во многих сферах взаимодействия Париж конкурирует с Брюсселем, который достаточно бдительно относится ко всем новым действиям Франции и стремится ограничивать ее деятельность на правах хозяина.

В военно-политическом сотрудничестве ДРК с Западом важную роль играют ее отношения с США, значительно укрепившими за последние годы там свое влияние и присутствие. В отличие от Бельгии, которая публично демонстрирует свое отношение к бывшей колонии, не стесняясь в высказываниях относительно таких явлений, как коррупция, США ведут себя более сдержанно, но достаточно уверенно. До сих пор сказывается их неудачный военный опыт во Вьетнаме.

Урнов А.Ю.
Институт Африки РАН, Москва, РФ

***Вклад СССР в дело деколонизации Африки.
К 50-летию Года Африки***

Послевоенная действительность не исчерпывалась реалиями биполярного мира. Возник новый геополитический феномен – «третий мир», который стал полем противостояния двух систем. Тем не менее национально-освободительное движение оставалось самостоятельным субъектом международной жизни, внеблоковой «третьей силой».

Внеблоковость не означала равноудаленности. Борьба колониальных народов за завоевание, а затем – за укрепление политической независимости и экономическую самостоятельность входила в противоречие с интересами Запада и отвечала интересам Востока как в геополитическом, так и идеологическом плане. Советский Союз и социалистическое сотрудничество оказывали поддержку этой борьбе. Общепризнанным является вклад СССР в дело ликвидации колониализма и борьбы с расизмом. На этой основе происходил процесс сближения Востока и Юга.

В докладе рассматриваются события, связанные с принятием Генеральной Ассамблеей ООН 14 декабря 1960 г. по инициативе Советского Союза Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам. Анализируются причины, побудившие Афро-Азиатскую группу выступить с собственным проектом Декларации, равно как и мотивы, руководствуясь которыми СССР, будучи готов проголосовать за этот документ, не снял с обсуждения и продолжал до конца отстаивать проект, внесенный Н.С. Хрущевым.

В докладе отмечается, что африканский континент занимал видное место в советской внешней политике. С 32 государствами Африки были подписаны межправительственные соглашения о торгово-экономическом и научно-техническом сотрудничестве. Оказывалось содействие в развитии системы образования, подготовке кадров, строительстве вооруженных сил.

Будущее «третьего мира» виделось Советскому Союзу социалистическим. Идея некапиталистического пути нашла в «третьем мире» довольно широкий отклик. Движения и партии левой ориентации становились и оставались правящими, задействуя, прежде всего, свои собственные внутривнутриполитические ресурсы.

Эксперимент с социалистической ориентацией потерпел неудачу. Главная причина – не в недостатках концепции и ошибках при ее осуществлении, а в антисоциалистическом развороте политики Горбачева и последующем распаде СССР.

При всех промахах и неудачах, политика СССР оказала благотворное влияние на ход истории независимой Африки, служила достаточно эффективным противовесом усилиям Запада сохранить свои доминирующие позиции на континенте теперь уже на неоколониалистской основе. В Африке об этом знают и помнят.

После окончания «холодной войны» Запад настойчиво навязывал африканским государствам неолиберальные рецепты капиталистической ориентации развития. Эти рецепты не сработали. Африканским государствам еще предстоит найти оптимальную социально-политическую модель преодоления отсталости и обеспечения устойчивого развития.

Фитуни Л.Л.
Институт Африки РАН, Москва, РФ

Роль африканского углеводородного сырья в посткризисной мировой экономике

В докладе показана количественная и качественная трансформация роли Африки как источника все более дефицитных видов энергетического сырья для постепенно восстанавливающейся после изнурительного финансово-экономического кризиса мировой экономики. Проанализированы качественные сдвиги, происшедшие в областях разведки, добычи, транспортировки, реализации и потребления африканского углеводородного сырья в мире и на самом Африканском континенте. Доказано возрастание роли Африки как поставщика этих ресурсов прежде всего для стран Запада. В то же время обозначены водоразделы и линии столкновения интересов ведущих мировых игроков за эти ресурсы. Специальное внимание уделено возможностям и пределам сотрудничества и комплиментарных действий России и основных африканских производителей на мировых рынках нефти и газа. Выявлены направления противодействия усилиям России установить с африканскими странами отношения сотрудничества в этой сфере со стороны ряда противных сил. Даны рекомендации, которые могут быть использованы как российскими структурами для выработки инновационных подходов при формировании внешнеэкономической политики РФ в Африке, так и представителями африканских стран при определении национальных энергетических стратегий и установлении новых партнерств. В этом смысле результаты данного направления исследований имеют как научное, так и прикладное значение.

Цветкова Н. Н.
Институт востоковедения РАН, Москва, РФ

Азиатские инвестиции в странах Африки: новые тенденции

Новые тенденции в глобализации в начале XXI в. – повышение роли стран с развивающимися рынками, и прежде всего Китая и Индии, и начало перехода к новой парадигме устойчивого мирового экономического развития открывают новые перспективы в экономических отношениях между странами Азии и Африки. Углублению этих тенденций способствовал мировой экономический кризис 2008–2009 гг.

Азиатские ТНК и фонды национального благосостояния стран Восточной Азии и Ближнего Востока в 2000-х годах стали осуществлять

крупные инвестиции за рубежом. И хотя основная масса ПИИ стран Азии приходится на их собственный регион, возрастает их приток и в страны Африки. В 2000-х годах в условиях роста мировых цен на нефть и другие виды минерального сырья возрос интерес азиатских стран к природным богатствам Африки.

В 2000-х годах повысилось внимание к развитию альтернативной энергетики. В отношении использования солнечной энергии и энергии ветра многие страны Африки обладают немалыми преимуществами (большое число солнечных дней в году, сильный ветер). В этой сфере открываются возможности для сотрудничества с азиатскими странами, которые расширяют свои позиции на рынке солнечных батарей.

Новые перспективы для афро-азиатского сотрудничества возникают и в отраслях, связанных с информационными технологиями (ИТ), в частности в сфере услуг по дистанционному обслуживанию коммерческой деятельности. Лидером в развитии аутсорсинга услуг, базирующихся на информационных технологиях, стала Индия, а индийские ТНК сферы ИТ-услуг перешли к осуществлению зарубежных инвестиций, в том числе и в развивающихся странах. Страны Африки обладают определенными конкурентными преимуществами для развития аутсорсинга ИТ-услуг: например, при создании колл-центров от персонала требуется хорошее знание западных языков.

СЕКЦИЯ 3

АФРИКАНСКИЕ ДИАСПОРЫ: ЭВОЛЮЦИЯ ВО ВРЕМЕНИ И ПРОСТРАНСТВЕ

Руководитель: д.и.н. Татьяна Михайловна Гавристова

Мильто А.В.
Международная академия бизнеса
и новых технологий,
Ярославль, РФ

Н. Фара о сомалийских беженцах в Европе (очаги формирования сомалийской диаспоры)

В Сомали главной причиной бегства из страны стала гражданская война, разгоревшаяся в 1991 г. после падения диктаторского режима М.С. Барре. Одним из таких беженцев был писатель Нуруддин Фара, как никто другой знавший проблемы сомалийской эмиграции. Он жил и работал в Кении, Нигерии, Гамбии, Индии, Италии, Великобритании, Федеративной Республике Германии, США, ЮАР.

Н. Фара посвятил сомалийским беженцам одну из самых известных книг «Вчера, завтра. Голоса сомалийской диаспоры»¹.

В Италии дом обрели, прежде всего, бывшие студенты, специалисты, ученые. Существенную часть иммигрантов составляли молодые женщины, которых итальянцы охотно берут на должности нянь, кухарок, сиделок. История пребывания сомалийцев в Великобритании ведет отсчет с начала XX в. Первыми там поселились сомалийские моряки, вербовавшиеся британским правительством. В 90-х годах XX в. около 75 тысяч беженцев из Сомали проживало в Великобритании. В Швейцарии, представлявшейся сомалийцам островом спокойствия в мире нестабильности, беженцы группируются в лагерях, расположенных в сельской местности, вдали от городов, где можно было бы найти работу. Каждый иммигрант получает удостоверение, которое характеризует его статус. Большинство имеют удостоверение типа F: оно позволяет

¹ Farah N. Yesterday, Tomorrow. Voices from the Somali Diaspora. – L. & N.-Y.: Casell, 2000. – 198 p.

получать ежемесячное пособие, но не дает права на убежище и работу. В Швеции сомалийцы представляют самую крупную по численности африканскую общину. В 1950–70-х годах к беженцам здесь относились хорошо. Со временем положение изменилось, и Швеция стала оплотом расистских преступлений против чернокожего населения.

Н. Фара на собственном опыте испытал не особенно доброжелательное отношение европейцев к нелегалам и беженцам (по причине их бедности, необразованности, нецивилизованности). Однако, несмотря на трудности, ожидающие сомалийских беженцев в европейских странах, большинство из них рассматривает Европу как оплот лучшей жизни и стремится покинуть разоренную войной страну.

Попов П.А.
Институт Африки РАН, Москва, РФ

Колониальное прошлое среди нас: наследие Южной Родезии сегодня

Британские колонисты, населявшие Южную Родезию на стыке XIX и XX вв., постепенно сформировали общину, которая не могла более идентифицироваться как «британская». Являясь изначально диаспорой, группа достигла статуса нации. С позиций колониализма это могло быть интерпретировано как кризис идентичности.

В течение последних 30 лет белое население Зимбабве и те, кто покинул страну после провозглашения независимости в 1980 г., поддерживают связь друг с другом, они сохранили некоторые традиции своей родины, что главным образом выражается в самоидентификации, в совместном отмечании памятных дат, поддержании существования родезийского сленга и прославлении Южной Родезии.

Родезийцы, унаследовавшие идентичность от своих предков, поселенцев, но утратившие принадлежность к нации, все еще «несут знамя» Южной Родезии посредством большого числа сообществ и «посольств» Южной Родезии во всем мире. Они, однако, не представляют собой какой-либо значимой политической силы.

В докладе рассматривается, как колониальные политические принципы идеализируются в современном мире; как идентичность молодого поколения вынужденных иммигрантов из Зимбабве постколониального периода модифицировалась, и до какой степени они чувствуют связь со своими корнями.

Ярославцы в Африке (постановка проблемы)

Актуализация контактов России и Африки – одна из важнейших задач нашего времени. История российско-африканских отношений началась более века тому назад и прошла через периоды подъемов и спадов. Формы и направления сотрудничества были различны. Многие из них остались не изученными. Внимание исследователей главным образом привлекали проблемы военно-политического и социально-экономического характера, а сотрудничество в сфере образования и здравоохранения редко становилось объектом исследований, особенно на региональном уровне, тем более в рамках оказываемой Россией и СССР помощи молодым государствам Африки.

В докладе предполагается акцентировать внимание на вопросах помощи в сфере подготовки квалифицированных кадров в молодых государствах Африки в 1960–1980-е годы. На практике реализация политики помощи африканским государствам осуществлялась силами выпускников российских (советских) высших учебных заведений, в том числе Ярославского государственного педагогического института имени К.Д. Ушинского и Ярославского государственного медицинского института, которые работали преимущественно в странах социалистической ориентации. В разное время правительства Ганы, Республики Гвинеи, Мали, Танзании, Конго объявляли своей идеологией «африканский социализм» и тесно сотрудничали с СССР.

Выпускники ярославских вузов работали в Мали, Чаде, Алжире, Уганде. Их интервью составляют существенную часть источников по данной теме. В их числе воспоминания педагогов и врачей, ученых и инженеров (гражданских и военных). При их участии в Республике Мали, например, в 1960–1970-е годы были построены стадион, госпиталь, цементный завод, велась геологоразведка, а преподаватели работали в таких высших учебных заведениях страны, как Национальная административная школа и Высшая нормальная школа (педагогический институт).

Интеллектуальная история африканской диаспоры

Интеллектуальная история Африки и диаспоры неразрывно связаны между собой. Это касается истории науки и культуры (литературы, живописи, скульптуры, дизайна, музыки), истории людей и идей (пан-африканизма, негритюда, афроцентризма). Африканская интеллектуальная элита в настоящее время проживает в Европе, Америке, Азии, а Лондон, Париж и Нью-Йорк стали интеллектуальными столицами «африканского зарубежья».

Нигерия – крупнейшая по численности населения страна Африки. Ее нередко называют «Африкой в миниатюре». Исход нигерийцев в Европу и Америку, начавшийся в середине XX века, привел к формированию за пределами Африки весьма многочисленной эмигрантской общины. Ее консолидация оказалась возможной благодаря художникам и литераторам, вставшим на путь «естественного синтеза». Поэт и художник Уче Океке – основатель улизма (одной из разновидностей африканского модернизма) – обрел в среде диаспоры немало поклонников и почитателей. В их числе Обиора и Ада Удечукву, Олу Огуйбе и многие другие, чьи имена уже сейчас оказались вписаны в историю континента и диаспоры.

Современная нигерийская литература и искусство представлены за пределами Африки такими выдающимися мастерами, как Воле Шойинка и Чинуа Ачебе, Узо Эгону и Марсия Куре. Славу нигерийской науки за пределами Африки составил Филипп Эмигвали – чернокожий «отец» Интернета, возглавляющий «мозговой трест» компании Майкрософт.

В числе всемирно известных историков и философов есть и африканцы: Ш.А. Диоп и Т. Обенга (Сенегал), Али Мазруи (Уганда), В.Й. Мудимбе и другие. В Европе и США проживает также немало африканских филологов и юристов. Их ангажированность не вызывает сомнения. Многие из них являются генераторами и ретрансляторами идей, непосредственно направленных на то, чтобы привлечь внимание мировой общественности к прошлому, настоящему и будущему Африки.

Блинова Е.В.
Ярославский государственный
университет, РФ

Африканская диаспора в Лондоне (постановка проблемы)

Диаспора – (от греч. *diaspora* – рассеивать, разъединять), первоначально совокупность еврейских общин, образовавшихся в различных частях ойкумены в результате исхода евреев из Палестины после разрушения первого и второго Храмов.

О времени появления африканцев на Британских островах существует несколько версий. По Тациту, они появились еще в доримский период. Согласно Дэвиду Мак Ритчи, черные известны в Шотландии со времен короля Саксонии. В век В. Шекспира африканское присутствие практически повсеместно. Это музыканты, актеры театра дель арте при дворе Елизаветы I. Впоследствии многие африканцы были видными учеными, архитекторами, юристами, филологами.

К источникам формирования африканской диаспоры относят: первоначальное появление африканцев на Британских островах (путешественники, торговцы, воины); работорговля – рабы, привезенные с Африканского континента и из Нового Света. На рубеже XIX–XX веков начинается процесс пополнения африканской диаспоры за счет прибытия в Великобританию свободных африканцев. Процесс усилился после Второй мировой войны. Вопрос формирования и стадийного развития африканской диаспоры был изучен многими исследователями, среди них А.О. Милитарев, З.И. Левин, У. Сэфрэн, Дж. Харрис и другие.

Плохова Д.С.
Ярославский государственный
университет, РФ

Линия цвета (опыт гендерных исследований африканской диаспоры)

Африканская диаспора в Германии сформировалась как организованное сообщество в 80-х годах XX в. История присутствия африканцев в Германии уходит корнями в Средние века, но только с началом XX в. можно говорить о динамике социального и культурного развития африканского сообщества. С 1980-х годов начинают активно появляться всевозможные объединения и организации африканцев, афро-немецкого и африканского происхождения. В этот период происходит осмысление

германскими африканцами себя как специфической части немецкого общества.

Особую роль в процессе формирования афро-германского сообщества сыграло женское движение. Женское, или феминистское движение в Германии также начинает разворачиваться в 80-е годы С опозданием на десятилетие оно пришло из Франции и США. Черные немки, воспитанные в Германии, активно восприняли идеи феминизма от черных американок.

Неравенство между мужчиной и женщиной, выстраиваемое в западном обществе в течение многих веков, по мнению феминисток, является социокультурным конструктом, поддерживаемым социокультурными стереотипами. Черные женщины Германии, испытавшие на себе со стороны общества двойной прессинг, во-первых, как женщины, во-вторых, как черные, осмысливают свое африканское или афро-немецкое происхождение с социальных позиций. Вопросы идентичности и самосознания афро-германцев, а также стереотипы их восприятия белым населением выходят на первый план. Так, цель первой организации черных женщин Германии ADEFRA, основанной в 1986 г., состояла в утверждении самосознания, в самоопределении и самоорганизации и в борьбе против распространенных в немецком обществе стереотипов, возникших на почве расизма, сексизма и других форм дискриминации. Не случайно ADEFRA в переводе с эфиопского языка означает: женщина, которая проявляет мужество.

Организация ADEFRA и работа над книгой «Farbebekennen» («Осознать Цвет»). Главные редакторы и авторы книги Мэй Аим, Катарина Огунтойе и Дагмар Шульц. Книга, совместившая в себе статьи по истории африканцев в Германии и биографии черных женщин Германии разных поколений, написанная в русле гендерной истории, до сих пор является наиболее полным исследованием и источником по истории афро-германцев (и женщин и мужчин). Книга публиковалась дважды – в 1986 г. и 1991 г. – и задавала основные направления в развитии африканской диаспоры в Германии.

Придятько Е.П.
ИМЭМО РАН, Москва, РФ

Африканские диаспоры в Северной Америке в свете политики мультикультурализма США и Канады

На сегодняшний день вопрос о диаспорах в США и Канаде чрезвычайно актуален и решается исходя из политики мультикультурализма,

которая объединяет правовую концепцию справедливости и прав человека, составляющую основу любого демократического общества, с принципами соблюдения прав национальных, религиозных и иных меньшинств.

Если говорить о США, то вторая половина XX века была названа четвертой по счету «великой иммиграцией» африканцев в Соединенные Штаты (на 2007 год африканская диаспора составила 1 миллион 419 тысяч человек, или 3,7% населения). Среди основных причин иммиграции представителей Африканского континента в США называются: неверное распределение трудовых ресурсов – большое количество квалифицированных кадров, которым не могут предложить достойную заработную плату. Африканцы приезжают в США также для получения дальнейшего образования и по причине того, что продвижение по карьерной лестнице в Африке основано на принципе старшинства, и молодым специалистам сложно рассчитывать на повышение в должности. Примерно 544 тысячи выходцев из Африки являются гражданскими служащими (что составляет 38,3% от общей численности диаспоры), 16,4% заняты строительством, добычей ископаемых и перевозками, 14,1% работают в сфере обслуживания и 12,6% – в сфере бизнеса, менеджмента и финансов.

В Канаде африканские иммигранты являются третьим по численности «видимым меньшинством» после представителей азиатской и китайской диаспор. На 2006 год африканская диаспора насчитывала 784 тысячи человек, или 2,5% всего населения Канады. Примерно 60% выходцев из стран Африканского континента проживают в Онтарио, 30% в Квебеке и 10% в западной и восточной Канаде. Африканцы предпочитают селиться в таких крупных городах, как Торонто (47%), Монреаль и Галифакс. В этих городах они создают так называемые «черные» общины – например, Африквилль, Прайсвилль, Элдон. Для сохранения культурной самобытности иммигрантов из Африки проводятся фестивали африканской культуры, фестивали документального и игрового кино из жизни афро-канадцев, литературные симпозиумы (например, «Голоса африканской литературы»).

СЕКЦИЯ 4

ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ АФРИКИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ АФРИКАНИСТИКЕ

Руководитель: д.и.н. Аполлон Борисович Давидсон

Агуреев С.А.

Московский городской педагогический университет,
Москва, РФ

Проблема культурного восприятия народов Эфиопии на рубеже XIX–XX веков в отчетах и дневниках членов ИРГО и иностранных исследователей

Аспекты культурного взаимодействия, а следовательно, категоризация африканских обществ в отечественной и зарубежной научных традициях по-прежнему вызывают особый интерес, как в исторической ретроспективе, так и в современных условиях благодаря непрерывающемуся культурному диалогу между различными цивилизациями. В этой связи особенно актуальной является проблема культурного диалога в контексте развития русско-эфиопских, итало-эфиопских и франко-эфиопских связей в период интенсивного культурного взаимопроникновения европейской и африканской цивилизации. Необходимо отметить, что его главными чертами стало создание устойчивых представлений друг о друге, оставивших заметный след в развитии научной традиции европейских стран, а также накопление информации о народах Эфиопского нагорья, их истории и традициях.

И хотя эти представления во многом были стереотипными и не всегда отражали реальность, способствуя появлению положительных и отрицательных мифов об Африке и африканцах, они отличались особой устойчивостью, способствуя дальнейшему развитию культурных и общественных связей между Африкой и Европой. На фоне критики этих стереотипных представлений, их научном переосмыслении на нынешнем этапе отечественными и зарубежными исследователями и родилась современная эфиопистика как научная дисциплина.

Балезин А.С.
ИСАА МГУ, Москва, РФ

***Новое поколение выбирает... Тематика выпускных
квалификационных работ по истории Африки студентов
ИСАА МГУ в 1990–2000-е годы***

Студенты ИСАА МГУ, специализирующиеся по истории Африки, имеют в учебных планах уникально большое количество лекционных и семинарских часов по истории Тропической и Южной Африки – семестр по древней истории континента и по два – по средневековой, новой и новейшей истории. Кроме того, им читается введение в африканистику, этнография Африки, ряд спецкурсов.

Выбор тем выпускных квалификационных работ по истории Африки – дипломных при пятилетней схеме обучения, бакалаврских и магистерских при схеме 4+2 – осуществляется ими добровольно по согласованию с научным руководителем и утверждается Ученым советом ИСАА МГУ. В научном руководстве этими работами преобладает школа проф. А.Б. Давидсона с присущими ей опорой на первоисточники и принципом историзма.

Как правило, выбор региона для исследования студенты осуществляют, опираясь на тот африканский язык, который изучают, но это не обязательно. Чаще всего, начиная с 1990-х годов, это правило нарушается в пользу истории Южной Африки.

В 1990–2000-е годы, по сравнению с предыдущими годами, тематика выпускных студенческих работ стала менее академичной и более разнообразной. Этому способствовал ряд факторов.

Важным фактором, влияющим на выбор тематики выпускных квалификационных работ студентов, стал Интернет. Наличие или отсутствие в нем тех или иных материалов играет большую роль, особенно для тех студентов, которые делают работы компиляционного характера.

Другим важным фактором выбора тематики выпускных работ студентов стала возможность ездить в Африку, пользоваться тамошними архивами и библиотеками и даже проводить полевые исследования.

Третьим важным фактором стало открытие отечественных архивов и возможность для выпускников получить доступ к их фондам – в частности, к фондам РГАСПИ.

Вышеупомянутые факторы способствовали тому, что лучшие выпускные квалификационные работы студентов ИСАА внесли определенный вклад в отечественную историческую африканистику. Эти работы сделаны на новых источниках, как правило, архивных, либо на результатах собственных полевых исследований в Африке.

К сожалению, реалии нашей жизни таковы, что лишь небольшая часть из авторов таких серьезных исследовательских работ выбрала для себя занятия наукой как профессию.

Давидсон А.Б.
Государственный университет –
Высшая школа экономики и Институт
всеобщей истории РАН, Москва, РФ

***Место Южной Африки в государственной политике,
общественном мнении и науке России***

Юг Африки оказался в сфере внимания России раньше, чем другие регионы «Черной Африки». Это проявилось еще в XVIII в.

В XIX в. и начале XX в. подавляющее большинство россиян, повидавших Африку, побывали на Юге. Подавляющая часть русской литературы об Африке также относилась к ее Югу.

В конце 1920 – середине 1930-х годов советский государственный интерес к Африке был сосредоточен на ее Юге – поскольку там была единственная в Африке компартия и наиболее развитый в Африке промышленный пролетариат.

С 1950-х годов в советской политике и пропаганде большую роль играли разоблачение расистской политики в Южной Африке и помощь ее освободительным движениям. Вместе с тем проявился интерес к ее литературе. На русский язык перевели множество произведений южноафриканских авторов.

О сохранении государственного внимания России к Южной Африке в начале XXI в. свидетельствуют визиты В.В. Путина и Д.А. Медведева.

Дальнейшее развитие связей России со странами Южной Африки зависит от роста взаимопонимания, а он возможен лишь при расширении и углублении взаимных знаний России и стран Юга Африки.

Евсеев В.И.
Кировская государственная
медицинская академия, Киров, РФ

***Советская историография 1960–1980-х гг.
по гвинейской проблематике***

С момента обретения независимости в 1958 г. Гвинея была выбрана советским руководством в качестве «опытного поля» для внедрения в

Африке концепции социалистической ориентации или некапиталистического развития. Налаживание советско-гвинейских разносторонних связей сопровождалось принятием решений об активизации научных исследований в области африканистики и страноведения, интерес к которым особенно усилился после заключения двустороннего соглашения о культурном сотрудничестве 26 ноября 1959 г.

По мнению бывшего сотрудника Международного отдела ЦК КПСС К.Н. Брутенца, наука в тех условиях нужна была властям «для оснащения доводами уже одобренных позиций»¹. Учёные не подвели, и за период с 1965 по 1982 г. по гвинейской тематике было защищено 12 кандидатских диссертаций.

Часть диссертантов в лице В. Хомякова, Л.П. Кречетов, В.Б. Иорданского, Г. Оганезова, В.Д. Романова, И.Ю. Юсупова и А.Д. Саватеева исследовала сугубо страноведческие социально-политические и экономические проблемы. Другие авторы, в частности И.Б. Григорьев, Ю.А. Панкова, Л.В. Могила, В.Г. Попилин и Г.Г. Соколов, привлекли гвинейские материалы для рассмотрения региональных вопросов профсоюзного движения, взаимоотношений рабочего класса и национально-революционных партий, культурных преобразований и внешней политики.

Начало 60-х годов ознаменовалось выходом в свет трёх академических справочников «Гвинейская республика» под редакцией Н.И. Гаврилова, А.С. Солоницкого, А.А. Сафинова и П.Н. Черкасова.

Свои суждения о политическом устройстве Гвинейского государства изложил в 1960 г. С.М. Танин в брошюре «Государственный строй Гвинейской республики». А.А. Фирсов издал в 1965 г. объёмистый труд «Экономические проблемы Гвинейской республики». Ю.А. Тюльпакова написала в 1967 г. статью «Социально-экономические преобразования в Гвинейской республике», а В.В. Лопахин опубликовал в 1977 г. материалы по теме: «Община и аграрные преобразования в Гвинейской республике».

Оценивая с современных позиций научную значимость вышеназванных трудов, следует признать, что советская африканистика доперестроечной эпохи в целом справилась с задачей по созданию позитивного образа страны-первопроходца в антиколониальной борьбе. Вклад же её в формирование действенной политики СССР на Африканском континенте оказался не столь значительным.

Ангажированность на заданный сверху результат и отсутствие возможности для сбора фактического материала непосредственно в полевых условиях внутри изучаемой страны обусловили большое количество

во изъянов и неверных трактовок в предложенных для практического использования выводах и рекомендациях.

Советских исследователей новейшей истории Гвинеи можно упрекнуть в том, что они анализировали принятые в стране в основном прогрессивные законодательные акты в их статическом состоянии, в потенци, а не в динамике применения, в том, что не увидели исхода из республики почти трети населения, не распознали контуры складывавшегося тоталитарного режима.

Иванова Л.В.
ИВИ РАН, Москва, РФ

Карикатуры как источник по истории Сомали

История Сомали – история младописьменного народа, народа преимущественно устной исторической традиции, и поэтому традиционные способы изучения истории страны и народа могут оказаться здесь не вполне применимыми. История Сомали исследована довольно основательно историками из бывших колониальных держав, местные сомалийские историки, в свою очередь, обращались к материалам тех же колониальных архивов. На прошлогодней конференции я проанализировала информацию, которую можно почерпнуть, изучая изображения и надписи на сомалийских банкнотах, теперь я бы хотела обратиться к карикатуре как к источнику, дающему представление о современном этапе развития истории Сомали. Нельзя не учитывать, что художники-карикатуристы в целом не только развлекают публику, но и формируют общественное мнение по отношению к тому или иному событию или персонажу. Они могут становиться «эхом народа», «рупором идей».

Традиционно в сомалийском обществе изображению придавалось и придается большее значение, нежели любому текстовому сообщению. Если несколько десятилетий назад основной причиной было недавнее официальное введение алфавита для сомалийского языка, то теперь – идеология «потерянного» поколения молодых сомалийцев, никогда не посещавших образовательные учреждения и не видящих в этом смысла.

Самым известным сомалийским карикатуристом можно назвать Амира Амина, имевшего связи с СССР и проживающего в диаспоре в Канаде. Карикатуры, естественно, в преувеличенной форме, выражают отношение художника к взаимоотношениям Сомали с другими странами, отражают изменения, произошедшие и происходящие в сомалийском обществе, подчеркивают недостатки местных лидеров. В частности, это отношение к современной проблеме сомалийского пиратства.

¹ Брутенц К.Н. Тридцать лет на Старой Площади. М., 1998. С.168.

Учитывая практически 100-процентную принадлежность населения сомалийцев к исламу, как внутри страны, так и в диаспоре, их отношение к изображению людей неодобрительно. Неслучайно в нападении на датского карикатуриста Курта Вестергаарда, в сентябре 2005 г. изобразившего пророка Мухаммеда, обвиняется 28-летний уроженец Сомали.

В докладе предполагается проанализировать карикатуры, опубликованные на персональном сайте А. Амина, в местной сомалийской прессе, а также иностранные карикатуры на Сомали и сомалийцев, в том числе и российских художников.

Кривушин И.
Государственный университет –
Высшая школа экономики, Москва, РФ

Гражданские войны в Африке в 1990-е годы

Экономический кризис, поразивший большинство стран Черной Африки в 1980-х годах вследствие обвала мировых цен на сырье, подорвал социальный консенсус, на который опирались авторитарные режимы. Он привел к дискредитации однопартийных систем и вызвал к жизни волну демократизации. Но в условиях неразвитости гражданского общества и слабости политических институтов демократизация нередко приводила не к созданию эффективных механизмов согласования интересов разных социально-профессиональных, политических, этнических и религиозных групп, а, наоборот, способствовала деградации национальной государственности и даже ее краху (Либерия, Сомали, Руанда, ДРК, Конго-Браззавиль, Сьерра-Леоне), открывая путь масштабным насильственным методам разрешения общественных конфликтов.

Завершение биполярного геополитического противостояния обусловило снижение стратегической значимости Черной Африки для сверхдержав, побудив их или существенно урезать (США), или полностью прекратить (СССР/Россия) помощь государствам-клиентам. Уменьшение внешней финансовой поддержки авторитарных режимов (Мобуту в Заире, С. Барре в Сомали, С. Доу в Либерии со стороны США) сделало их чрезвычайно уязвимыми перед лицом нарастающего социально-политического кризиса.

Слабость политической институционализации, социально-классовой дифференциации и гражданского правосознания объясняет высокую степень этнизации гражданских войн. Так, в Руанде конфликт «псевдоэтносов» тутси и хуту обернулся самым концентрированным во времени геноцидом в истории, унесшим за три месяца около 800 тыс.

жизней (750 тыс. тутси и 50 тыс. хуту). Часто на недовольство фрустрированных этнических групп, направленное против политически доминирующего этноса (кран в Либерии, тутси в Бурунди, бете в Кот-д'Ивуаре, баньянколе и баньяруанда в Уганде, нгбанди в Заире), накладывалась межэтническая напряженность внутри отдельных регионов (например, вражда ленду и хема в Итури, ДРК). Порой этнорегиональная природа конфликтов усугублялась клановыми или субклановыми противоречиями (Сомали).

Ярко выраженная этническая составляющая гражданских войн в Африке 1990-х годов обусловила их субстанционально деструктивный характер. Нередко первоначальное противостояние власти и вооруженной оппозиции быстро перерастало в «борьбу всех против всех» в контексте полного краха государственности (Либерия, Сьерра-Леоне, Сомали). Замещение реальных интересов социальных групп эгоистическими интересами лидеров военизированных группировок и их ближайшего окружения приводило к криминализации войны, целью которой становилось расхищение национальных богатств или создание мафиозной экономики (нелегальная продажа сырьевых ресурсов, наркоторговля). Широкое использование иностранных наемников и насильно рекрутируемых солдат-подростков, универсализация образа врага, необъяснимая жестокость по отношению к мирному населению подчеркивали утрату воюющими сторонами какой-либо осмысленной политической и социально-экономической стратегии и свидетельствовали о наличии в современных африканских обществах тенденции к самораспаду.

Большинство гражданских войн 1990-х годов завершилось на рубеже столетия политическим урегулированием при посредничестве ООН и африканских региональных/субрегиональных организаций. В результате в одних странах (Либерия, Бурунди, ДРК, Сьерра-Леоне) установилась хрупкая демократия, в других (Руанда, Уганда, Ангола, Конго-Браззавиль) возврат к относительной стабильности осуществился в условиях авторитарного или полуавторитарного режима.

Значение гражданских войн в Черной Африке трудно оценить однозначно. Они нанесли африканским странам огромный материальный ущерб и вызвали серию масштабных гуманитарных катастроф, но также способствовали разрушению укоренившихся в эпоху «холодной войны» политических и общественных форм.

Курбак М.
Институт всеобщей истории РАН,
Москва, РФ

Художественная литература ЮАР XX в. как исторический источник: некоторые аспекты изучения темы в России

Английский поэт и критик Сэмюэл Джонсон как-то сказал: «Величайшую славу народа составляют его писатели». Действительно, невозможно по-настоящему понять историю страны, не зная ее культуры. Художественная литература является уникальным источником по изучению эпохи и ее людей. Она не просто дает дополнительные сведения, которые трудно найти в других типах источников. Она позволяет нам пережить с героями те или иные исторические события, окунуться в них.

В начале 1960-х, когда страны Африки одна за одной получили независимость, интерес ко всему африканскому значительно возрос как во всем мире, так и в нашей стране. Именно в это время на кафедре африканистики Института восточных языков при МГУ Г.И. Потехина поставила первый курс литературы Африки. В своих лекциях и работах она сумела показать, какие актуальные проблемы и вопросы ставят писатели Африки в своих книгах, как с помощью их произведений можно увидеть прошлое, настоящее и даже будущее африканских стран.

С 1960-х годов при активном содействии А.Б. Давидсона в СССР выходят первые переводы южноафриканских писателей (Дж. Коупа, А. Ла Гумы, Ричарда Рива и др.). К каждому переводу А.Б. Давидсон делал подробные предисловия и послесловия, где объяснял советским читателям, в какой обстановке эти романы были написаны. Это было особенно важно, поскольку с 1960 г. Южно-Африканская Республика находилась в международной изоляции. Художественная литература осталась практически единственным источником, позволяющим узнать о жизни этой страны.

В начале 2000-х, когда, казалось, интерес к литературе ЮАР уже начал угасать, стало известно о вручении Нобелевской премии южноафриканскому писателю Дж.М. Кутзее. Его творчество привлекло внимание и историков, и филологов, и журналистов. На русский язык были переведены практически все его книги. Однако в последние годы ученые стали «отстаивать» от интересов читателей. О новых книгах южноафриканских писателей мы узнаем в основном от журналистов, а не от африканистов. Переводы редко сопровождаются пояснениями специалистов. Хочется надеяться, что историки-африканисты все же обратятся

снова к использованию художественной литературы как источника для своих исследований.

Мазов С.В.
ИВИ РАН, Москва, РФ

Конголезский кризис (1960–1961) в воспоминаниях участников

23–24 сентября 2004 г в Вашингтоне состоялась конференция «Конголезский кризис, 1960–1961: Критический взгляд на устную историю», организованная Центром имени Вудро Вильсона. Главными действующими лицами мероприятия были непосредственные участники драматических событий в Конго в 1960–1961, которые в силу служебного положения стали носителями уникальной информации, долгое время остававшейся закрытой. Это бывший резидент ЦРУ в Конго Лоуренс Девлин, министр в правительстве Лумумбы, первый представитель Конго в ООН Даниэль Канза, сенатор Клеофас Камитату, во время кризиса один из руководителей Партии африканской солидарности. В конференции приняли участие ученые из Демократической Республики Конго, США и России.

Конференция проходила в живой, увлекательной форме. Ветераны рассказывали о событиях, ученые задавали им вопросы и делали комментарии, основанные на собранных специально для конференции документах из архивов стран Западной Европы, России и США. Так заполнялись «белые пятна» в истории конголезского кризиса, восстанавливалась реальная картина его ключевых эпизодов. Конференция «круглого стола» по Конго в Брюсселе (1959), речь премьер-министра Конго Патриса Лумумбы на церемонии провозглашения независимости (30 июня 1960), солдатские бунты (июль 1960), отделение Катанги (июль 1960), смещение Лумумбы (сентябрь 1960), роль группы Бинза в устранении Лумумбы, обстоятельства его убийства (январь 1961), объем и характер советской помощи правительству Антуана Гизенги (январь-март 1961), формирование правительства Сирила Адулы (август 1961), гибель Генерального Секретаря ООН Дага Хаммаршельда в авиакатастрофе (сентябрь 1961), роль в кризисе Бельгии, Великобритании, США, СССР, ООН – вот далеко не полный перечень тем, ставших предметом дискуссии.

Как участник конференции, автор намерен сообщить наиболее интересную информацию из прозвучавших на конференции воспоминаний ветеранов кризиса. В декабре 2004 г. о конференции был опубликован довольно лаконичный отчет¹. Недавно было принято решение обна-

¹ *Namikas Lise*. History through Documents and Memory: Report on a CWINP Critical Oral History Conference on the Congo Crisis, 1960–1961. 2004. December 18 // http://www.wilsoncenter.org/index.cfm?fusection=news_rd=102105

родовать стенограмму заседаний, и в настоящее время она готовится к публикации.

Найденов М.В.
ИВИ РАН, Москва, РФ

Система колониального управления ЮЗА/Намибии в отечественной историографии

1. В отечественной историографии проблематика колониального управления в ЮЗА/Намибии специальному анализу не подвергалась.

2. В книге А.С. Балезина, А.В. Притворова и С.А. Слипченко «История Намибии в новое и новейшее время» кратко рассматривалась система «туземных вождей как составная часть германской колониальной администрации – “система Лейтвейна”». Однако о системе колониального управления в годы господства ЮАС/ЮАР там говорится только вскользь.

3. А.В. Притворов в своем справочнике «Намибия» лишь вкратце обозначает общую социальную структуру ЮЗА и принципы «раздельного развития» расово-национальных групп, которые проводили оккупационные власти ЮАР.

4. В книге Ю.И. Горбунова и А.В. Притворова «Намибия. Проблемы достижения независимости» кратко анализу подвергнута политика бантустанизации, проводимая властями ЮАР в 60–70-е годы.

5. В книге Ю.И. Горбунова «Проблема Намибии. Сборник статей, документов, материалов» опубликованы источники, дающие хорошую базу для исследования заявленной проблематики.

6. В недавно вышедшей книге «История Тропической и Южной Африки в Новое и Новейшее время» под редакцией А.С. Балезина даны общие, характерные всей Южной и Тропической Африки понятия, касающиеся системы колониального управления, а именно: особенности колониального синтеза, прямое и косвенное управление. Они дают ключ к анализу эволюции системы колониального управления в Намибии.

7. Таким образом, система колониального управления в ЮЗА/Намибии и ее эволюция в отечественной историографии не была подвергнута тщательному анализу, были лишь только обозначены подходы к ней и опубликованы некоторые источники для ее исследования. Полагаю, что данная проблематика нуждается в глубоком исследовании и осмыслении.

Столяров К.В.
Институт всеобщей истории РАН,
Москва, РФ

Освещение конфликта в ДРК в 1998–2003 годах в отечественной историографии и прессе

Война в ДРК в 1998–2003 гг., унесшая жизни примерно 4–5 миллионов человек, остается сравнительно слабо разработанной темой как отечественными исследователями, так и журналистами. Из работ российских ученых, так или иначе затрагивающих эту тему, можно выделить монографию Ю.Н. Винокурова «Демократическая Республика Конго: Власть и оппозиция», диссертацию А.Ю. Дябина «Проблемы достижения военно-политической стабильности в Районе Великих озер в контексте конголезско-руандийских отношений», статью Ю.Н. Винокурова «“Великая африканская война” 1998–2002 гг. (Истоки и некоторые последствия)», а также ряд публикаций в научных журналах. Однако эти публикации предназначаются в основном для профессиональных историков. В российской прессе эта трагедия не получила должного освещения. Журналистов больше интересовало описание насилия, происходящего на войне и публикация пугающих читателя фотографий, чем проблемы региона, приведшие к конфликту. «СМИ освещают события в Ираке, Израиле и на Оккупированных Территориях, но не делают этого по отношению к Итури в Демократической Республике Конго, несмотря на непосредственную угрозу геноцида <...> Самой трудной задачей, стоящей перед нами сегодня, является привлечение внимания к “скрытым” кризисам и защита прав “забытых жертв”»¹, – высказалась о работе СМИ Айрин Кан – Генеральный секретарь Международной амнистии. Эти слова даже больше характеризуют российские СМИ, чем их зарубежных коллег. Тема доклада: что знают о самом кровавом послевоенном событии читатели российской прессы? Как журналисты освещали события? Пытались ли они привлечь внимание к проблеме или рутинно выполняли свою работу? Отвечая на эти вопросы, можно прийти к неутешительному выводу: эта война (а с ней и проблемы всей Африки) неинтересны ни российским журналистам, ни российским читателям.

¹ Без компромисса истинной безопасности: страдания вдали от глаз международного сообщества. МЕЖДУНАРОДНАЯ АМНИСТИЯ ПРЕСС-РЕЛИЗ Индекс МА: POL 10/011/2003 (Для распространения) 28 мая 2003 года

Филатова И.И.
Государственный университет –
Высшая школа экономики
Университет Квазулу/Натала, ЮАР

СССР и южноафриканское «чудо»

Роль Советского Союза в деятельности национально-освободительных движений, в том числе и на Юге Африканского континента, хорошо известна. Немало написано и о его роли в разблокировании конфликта на Юге Африки, результатом чего явились провозглашение независимости Намибии, локализация и снижение уровня конфликта в Анголе, а затем и ликвидация режима апарtheidа.

Но СССР не стал посредником в переговорах по размонтированию системы апарtheidа, да и вообще не принимал в них никакого участия. С одной стороны, в конце 1980-х – начале 1990-х годов, когда внешняя политика нашей страны вообще и политика в южноафриканском регионе в частности претерпевала большие перемены, ее политический вес и ее способность напрямую влиять на события и на позиции своих союзников в этом регионе резко падали. С другой стороны, динамика и масштабы внутренних перемен отвлекли внимание советского руководства от таких ставших второстепенными вопросов, как южноафриканское урегулирование.

И тем не менее, роль событий в СССР и его нового политического курса в целом, а также действия разных кругов советской политической элиты, работавших на южноафриканском направлении, в этот период отнюдь не всегда согласованные, а то и противоречивые, оказали на эволюцию ситуации в ЮАР весьма большое влияние.

Филиппов В.Р.
Институт Африки РАН, Москва, РФ

Теоретико-методологическое кредо Д.А. Ольдерогге: опыт интуитивной реконструкции

Судить о действительных теоретических воззрениях ученого, творившего в условиях идеологического и политического гнета, достаточно сложно.

В силу семейных традиций, полученного воспитания и образования Д. Ольдерогге не мог быть апологетом сталинского доктринерства, идеологических штампов, выдавая их за методологические основания науки, не мог быть сторонником академического официоза.

Очевидно, что Д. Ольдерогге не воспринимал ни сталинскую «теорию нации», ни сформулированную на ее базе «советскую теорию этноса». Это демонстрирует терминологический континуум трудов ученого.

Характеризуя отечественную этнологию, Д. Ольдерогге писал, что «русская этнография вышла на мировой уровень благодаря работам М. Ковалевского, Н. Зиберт, Н. и В. Харузиных. Особенно важно упоминание о М. Ковалевском, которого можно считать основоположником конструктивистской парадигмы в социальной антропологии.

Обучение у классиков отечественной науки В. Бартольда и В. Струве, сотрудничество с Л. Штернбергом и В. Богоразом во многом определили приверженность Д. Ольдерогге идеям эволюционистов. Ученый с пиететом отзывался прежде всего Л. Моргане, а также о Я. Бахофене, Э. Тейлоре, Дж. Фрезере.

Позже, обучаясь в Германии у наиболее авторитетных ученых того времени, Д. Ольдерогге попал под сильное влияние концептуалистов культурно-исторической школы – Ф. Ратцеля, Л. Фробениуса, К. Менхофа, Д. Вестермана.

Известное влияние на творчество Д. Ольдерогге оказали идеи Ф. Боаса.

О функционализме Б. Малиновского и Р. Брауна он отзывается очень резко, полагая, что «никакой школы, имеющей какие-либо теоретические основания, функционализм не представляет».

Скептически относился и к формальным методам исследования в структурной лингвистике Ф. де Соссюра и его последователей.

Себя Д. Ольдерогге, скорее всего, позиционировал как адепта сравнительно-исторического метода, последователя Я. Грима, Ф. Боппа, Р. Раска, А. Востокова.

Рассматривать Д. Ольдерогге как «основоположника комплексного этнокультурного подхода» ошибочно. Несмотря на энциклопедические познания, значительность трудов, большое число учеников, нет оснований считать Д. Ольдерогге создателем оригинальной теории и собственной научной школы.

В конце жизни Д. Ольдерогге весьма пессимистично оценивал состояние отечественной африканистики.

Щербаков Н.
ИВИ РАН, Москва, РФ

Самоопределение нации на Африканском континенте: пролог

История развития принципа самоопределения нации хорошо изучена. На фоне сегодняшних усилий по воплощению этой важной и, вместе с тем, спорной нормы международного права в жизнь полезным

представляется проследить не до конца изученную историю становления этого принципа на Африканском континенте.

В основе своей, как известно, эта история содержала своеобразную политическую провокацию. Администрация президента В. Вильсона стремилась подтолкнуть т.н. «малые народы» к самоопределению для того, чтобы нарушить давнюю монополию классических европейских метрополий на владение колониями. В первую очередь – вывести из-под контроля европейских метрополий колониальные владения на Африканском континенте, утраченные Германией по итогам Первой мировой войны. Проводником этих усилий стали участники Первого panaфриканского конгресса, собравшиеся в кулуарах Парижской мирной конференции.

Не меньшее давление на колониальную политику европейских метрополий оказали инициативы Советской России, попытавшейся реализовать на практике право наций на самоопределение. Интерпретация этого принципа отчасти сделала Ленина кандидатом на получение Нобелевской премии мира в 1917 и 1918 годах.

Пройдя многочисленные испытания, этот принцип вновь стал частью важной, но, вместе с тем, вынужденной советской инициативы в т.н. «Год Африки». По предложению СССР сессия Генассамблеи ООН в декабре 1961 г. приняла резолюцию «О предоставлении независимости колониальным странам и народам», в основе которой лежал обновленный принцип самоопределения наций. Африканские колонии одна за одной реализовывали на практике этот принцип. Первое серьезное испытание на пути воплощения его в жизнь встретилось в период Конголезского кризиса 1961 г. Из-за ограниченности опыта деколонизации принцип права наций на самоопределение в этот момент не был доведен до абсолюта, границы нового конголезского государства остались неизменными.

Новым испытанием для принципа самоопределения стала гражданская война в Нигерии в 1967–1970 гг. То, что было до недавнего времени неотъемлемым правом угнетенного «большого народа» – «нигерийской нации», – попыталась применить на практике часть этой нации, представлявшая собой давно сформировавшийся народ игбо. История самой войны и разразившейся в результате гуманитарной катастрофы затмили серьезную политическую дискуссию, в ходе которой вновь обсуждался принцип права нации на самоопределение. В этот раз антагонистами выступили, с одной стороны, независимая Африка вместе с лидерами «холодной войны», оказавшимися в одном лагере. С другой стороны – авторитетная Танзания, придерживавшаяся «социалистической ориентации», и, вслед за своей недавней метрополией, не менее авторитетный и влиятельный Берег Слоновой Кости. В итоге право нации на самоопределение было реализовано в редакции великих держав, ставшей на долгое время официальной международно-правовой нормой.

СЕКЦИЯ 5

АФРИКАНСКАЯ ПОЛИТИКА СТРАН БРИК

Руководитель: к.и.н. Александра Александровна Архангельская

Бисвас Апараджита
Университет Мумбаи, Индия

Деятельность стран БРИК в Африке

Хотя торговля и инвестиции остаются главной движущей силой в отношениях между странами БРИК и Африки, такие факторы, как вековые исторические связи и сети диаспор, также внесли свой вклад в развитие дипломатических отношений между африканскими странами и Бразилией, Китаем, Индией. За последнее десятилетие все четыре страны-члена БРИК (Бразилия, Россия, Индия и Китай) упрочили свое положение в качестве все более и более влиятельных игроков во всей Африке. Исходя из большого масштаба их вовлеченности, это может стать одним из наиболее значительных событий для региона в последние годы. Согласно «Стандэрд Бэнк» (ЮАР), страны-члены БРИК, а не развитые страны, переопределяют роль Африки в мировой экономике, что связано с устойчивыми коммерческими потребностями и взаимными интересами. Между 2000 и 2008 гг. торговля по линии БРИК – Африка выросла почти десятикратно, с около 20 млрд долл. до более 180 млрд (34-процентный кумулятивный годовой прирост). Вместе страны БРИК, несомненно, являются крупнейшими торговыми партнерами Африки, на нее приходится 2,9%, 6,4% и 6,3% от общей внешней торговли Китая, Индии и Бразилии соответственно.

Хотя все страны БРИК непосредственно заинтересованы в африканских природных ресурсах, особенно нефти, они также преследуют и собственные цели. Например, Бразилия хочет создать новую «Ось Юга» и занять там ведущие позиции. Россия после «холодной войны» формирует себе новый имидж. Для Индии Африка является ключевым союзником в поисках конкурентных преимуществ над ее азиатским соперником – Китаем. Китай рассматривает африканские страны как долгосрочных партнеров в своей претензии на доминирование в мировой экономике.

Из африканских стран ЮАР была допущена в ограниченный для участия форум БРИК на его второй саммит в Бразилии 16 апреля 2010 г. Страны БРИК, особенно Китай, Индия и Бразилия, имеют значительные экономические связи с ЮАР: для них ЮАР является воротами в распространении влияния на остальные части континента. В данном докладе будет рассмотрена деятельность стран БРИК в Африке.

Дейч Т.Л.
Институт Африки РАН, Москва, РФ

Китай как лидер стран БРИК в Африке

В апреле 2010 года лидеры самых быстрорастущих экономик мира – Бразилии, России, Индии и Китая собрались в столице Бразилии – Бразилиа на второй саммит БРИК. Принятое ими совместное заявление показало, что члены ассоциации все больше воспринимают себя как общность, отличную от других международных политических организаций. В течение многих лет о Бразилии, России, Индии и Китае говорят как о группе стран. В частности, китайские ученые доказывают, что «возникающие» державы развиваются коллективно, и их растущая сила – позитивный и важный фактор современной международной системы. В совокупности эти страны способны стать полноценным игроком на мировом рынке: они производят 15% мирового ВВП, с 2000 по 2009 г. их квота в мировой торговле увеличилась с 6% до 15%.

Успех стран БРИК особенно заметен в Африке. За последние десять лет Китай стал вторым, Индия – шестой, Бразилия – десятой по объему сделок с африканскими странами. Общий объем торговли стран БРИК с Африкой вырос с 22 млрд долл. США в 2000 г. до 166 млрд в 2008, а объем накопленных прямых инвестиций стран БРИК оценивался в 2003–2009 гг. в 73 млрд долларов.

Ведущие позиции в отношениях с африканскими странами занял Китай. Его доля в объеме торговли стран БРИК с Африкой составила 2/3, доля Индии – 20%, Бразилии – 11%, России – 4%. С 2003 по 2009 г. Китай инвестировал 28 миллиардов долларов в 86 проектов в Африке, Индия – 25 млрд в 130 проектов; Бразилия – 10 млрд в 25 проектов, а Россия – 9,3 млрд в 47 проектов. На четвертом саммите ФОСАС в ноябре 2009 г. в Шарм-эль-Шейхе (Египет) китайский премьер-министр Вэнь Цзябао пообещал, что Китай предоставит Африке в течение следующих трех лет 10 миллиардов долларов низкопроцентных кредитов. Он также провозгласил восемь мер, направленных на укрепление отношений с Африкой, и озвучил трехлетний план действий по стратегиче-

скому партнерству в области науки, технологий и высшего образования для содействия базирующемуся на знаниях устойчивому развитию стран континента. Таким образом, Китай уже стал основным донором континента из числа стран-членов БРИК.

Китай рассматривает Африку как источник ресурсов для своей быстрорастущей экономики. Потребность в ресурсах обеспечила бурный рост объема китайской торговли со странами Африки, который увеличился с 11 млрд в 2000 г. до 106,8 млрд в 2008 г. 85% африканского экспорта поступают в Китай из пяти богатых нефтью стран (Ангола, Экваториальная Гвинея, Нигерия, Республика Конго и Судан), которые являются также основными получателями китайской помощи и инвестиций. Китай уже вложил средства почти в 1000 проектов помощи в Африке.

Корни успеха китайской стратегии – готовность идти туда, куда по тем или иным причинам не идут западные компании. Когда Запад опасается инвестиционных рисков, Китай заполняет «вакуум». Его главный козырь – политика «невмешательства во внутренние дела». Китайские лидеры заявляют, что в отличие от США они не смешивают бизнес с политикой. Не все в китайской политике устраивает африканцев. Они опасаются натиска, с которым Китай действует в Африке, они видят угрозу в растущем присутствии китайцев и потоке китайских товаров в их страны. Но они ценят преимущества, которые дает им китайская помощь. После «холодной войны» Запад ослабил внимание к Африке, а Китай вновь привлек внимание к проблемам континента.

Дубей Аджай
Университет Джавахарлала Неру,
Нью-Дели, Индия

Сотрудничество Индии и Африки: вызовы в условиях изменения парадигмы мирового развития

У сотрудничества Индии и Африки богатая история. Индия сыграла важнейшую роль в борьбе против расовой дискриминации и в деколонизации континента. Стоит также отметить роль Индии в афроазиатском возрождении и Движении неприсоединения. Индия стоит за рядом инициатив по линии сотрудничества «Юг–Юг», от нее исходят многие политические начинания для развития коллективной опоры на собственные силы стран Юга.

Однако глобализация, переход мира на многополярную основу и усиление интеграционных процессов в мировой экономике способствовали появлению новых вызовов, которые сегодня определяют индийскую политику в Африке.

Перейдя от социалистической к быстрорастущей рыночной экономике, Индия нуждается в Африке как в источнике энергетических и минеральных ресурсов, так и в связи со своим стремлением получить членство в Совете Безопасности ООН. Этот доклад рассматривает вызовы, проблемы, а также возможности развития отношений Индии и Африки в условиях новой волны индийского интереса к континенту, нашедшей свое выражение в проведенном в апреле 2008 года саммите Индия – Африка.

Кошина Михал
СПбГУ, Санкт-Петербург, РФ

Расширение БРИК: различные аспекты возможного вхождения ЮАР в группу стран БРИК

С 2009 г. со странами БРИК (Бразилия, Россия, Индия и Китай) связан, возможно, один из наиболее важных за последние десятилетия сдвигов влияния на международной арене. Данный доклад посвящен возможности расширения группы стран БРИК за счет включения в неё еще одной интенсивно экономически развивающейся страны – Южно-Африканской Республики – и различным аспектам подобного расширения. Вопрос возможного увеличения числа стран БРИК не является новым, однако ЮАР раньше не считалась наиболее вероятным кандидатом. Лишь недавно, вслед за визитами президента страны Джейкоба Зумы в страны БРИК и заявлениями о желании присоединиться к группировке, подобная перспектива привлекла большее внимание.

Данное исследование основано на сравнительном изучении ЮАР и стран БРИК, анализе итогов визитов высокопоставленных лиц из ЮАР в страны БРИК, экономических и политических связей ЮАР со странами БРИК, учитывая также уже существующие структуры, такие, как BASIC или IBSA.

Расширение объединения стран (которое может получить акроним BRICS или BRICSA) может, с одной стороны, способствовать становлению ЮАР как глобального игрока на международной арене, обеспечив одновременно выход БРИК в Африку и включение этого региона в самые актуальные международные процессы, и увеличению роли группы как представителя развивающихся стран; но, с другой стороны, не следует забывать о том, что ЮАР сильно отличается от стран БРИК, представляющих собой весьма разнородный союз, хотя бы по размерам территории, экономическим и демографическим показателям и т.п. Отношения в подобном союзе могут оказаться неравными, и, учитывая

уже нынешнюю экспансию стран БРИК в Африку, ЮАР может оказаться под прямым влиянием одной из этих стран, в частности Китая, со всеми вытекающими экономическими и политическими последствиями. Поэтому вступление ЮАР в группу стран БРИК не должно быть поспешным и необдуманным, но тщательно спланированным, особенно со стороны самой ЮАР.

Мастерс Лесли
Институт глобального диалога, ЮАР

На перепутье: Южная Африка и влиятельный блок государств

Итоги переговоров по проблеме изменения климата в Копенгагене в 2009 г. продемонстрировали перемены в международном геополитическом ландшафте. Возникновение группы БАСИК (Бразилия, ЮАР, Индия, Китай) бросило вызов доминированию развитых стран. Рост числа блоков держав стал важной движущей силой международных отношений. ЮАР уже участвует в растущем сотрудничестве по линии Юг – Юг в форме ИБСА, БАСИК, а также стучится в двери БРИК. Многостороннее сотрудничество, а также развитие отношений по линии Юг – Юг являются центральными для внешней политики ЮАР; таким образом, необходимо задаться вопросами касательно участия Претории в этих группах возникающих держав, особенно исходя из их стратегического значения и интересов. В докладе будет рассмотрена геополитическая динамика в африканском контексте, с обращением особенного внимания на позицию ЮАР в этих многосторонних объединениях («клубное управление»), следовании африканской повестке дня, а также будущую роль в БРИК(С?).

Усов В.А.
Институт Африки РАН, Москва, РФ

Участие Индии в развитии африканского агросектора и проблема «захвата земель»

Достижения Индии в развитии сельского хозяйства и биотехнологий вызвали значительный интерес в Африке и первые совместные проекты в этой сфере были начаты уже в 1990-е годы. Одним из первых стал начатый в 1999 и успешно законченный в 2002 г. проект по передаче навыков и умений индийских фермеров, приобретенных ими в

период так называемой индийской «зеленой революции», африканцам в Буркина-Фасо.

Развитие в этой области двусторонних отношений продолжалось и в апреле 2008 г. на первом саммите «Индия – Африка» в Дели. Сельское хозяйство было определено участниками саммита в качестве приоритетной сферы экономического сотрудничества в рамках подготовленной программы по сотрудничеству Индии и стран Африки.

В настоящее время индийские компании, финансово поддерживаемые правительством Индии, в той или иной форме приобрели сотни тысяч гектаров африканской земли в Кении, Мадагаскаре, Мозамбике, Сенегале и Эфиопии. Здесь они выращивают рис, сахарный тростник, маис и другие сельскохозяйственные культуры. Большая часть урожая данных культур вывозится на индийский внутренний рынок, а из Индии в обратном направлении переселяются (в основном из штата Пенджаб) индийские фермеры, стремящиеся наладить производство высококачественных сельскохозяйственных культур на плодородных африканских землях.

Согласно статистическим данным, представленным правительствами ряда стран Восточной Африки, на сегодняшний день около 80 индийских компаний инвестировали более 1 млрд долларов США в покупку земли в указанных странах.

Хотя такого рода действия нередко приветствуются как полезные инвестиции в развитие сельского хозяйства Африки, создающие рабочие места и ноу-хау, доступ к мировым рынкам и инфраструктуре, они имеют и свою обратную сторону.

Не только Индия, но и другие неафриканские государства, в том числе Китай, Южная Корея, Великобритания, страны Персидского залива, взяли в долгосрочную аренду или купили значительное количество земли в Африке с целью производства продовольствия или биотоплива для их собственных нужд. Относительная дешевизна африканской земли – основная причина этих покупок, масштаб которых за последние годы оказался столь значителен, что они уже получили в мировых СМИ название «landgrabbing», «захват земель».

Однако такого рода практика, зачастую сопровождающаяся изгнанием проживавшего ранее на этих землях и ведущего на них хозяйства населения, несет в себе определенные риски для самих инвесторов. Наиболее ярким примером в этом отношении стали события на Мадагаскаре, где передача предыдущим правительством страны 1,3 млн гектаров земли южнокорейскому концерну «Дэу» в лизинг на 99 лет для выращивания зерна стала одним из факторов, приведших в конечном счете к военному перевороту в этой стране. «Земля Мадагаскара – не для продажи», заявил лидер переворота А. Раджоелина и отменил данное решение.

Эти события также продемонстрировали, что любое африканское правительство, передавшее земли своей страны иностранным, в том числе индийским, инвесторам, в случае обострения проблем в стране и нехватки продовольствия без колебаний разорвет такого рода контракт, поскольку может последовать низложение этого правительства.

Фунека Язини
Институт Африки, ЮАР

Вызовы для управления в ЮАР: сотрудничество с Китаем в горнодобывающей отрасли и политика БРИК

Последние 50 лет истории Африки были омрачены отсутствием надлежащего управления, что пагубно сказалось на экономическом росте и политической стабильности. Неустойчивые государства продолжают существовать на континенте и сегодня. Свидетельство тому – непрекращающаяся коррупция, неконституционное поведение чиновников, их некомпетентность, растраты и неоправданно раздутая бюрократия. Южную Африку вряд ли можно выделить из этого ряда: сегодня это страна с самым высоким в мире уровнем сопряженных с насилием протестов против невыполненных государственных обещаний. Неспособность выполнить эти обещания происходит от одного из описанных выше вызовов – коррупции.

В то же время выступление Китая (страны, входящий в группу БРИК – Бразилия, Россия, Индия, Китай) в пользу прямых иностранных инвестиций в страны Африки побудило многих задуматься о влиянии, которое торговые соглашения, например Форум сотрудничества Китая и Африки (Forum for Cooperation between China and Africa, FOCAC), могут оказать на процессы управления как на континентальном, так и региональном и национальном уровнях. В числе поднятых вопросов – и вопрос о том, будут ли многосторонние соглашения вроде FOCAC способствовать развитию или же, напротив, – приведут к еще большему ослаблению демократии. Данный доклад ставит своей задачей выяснить, какое влияние на Африку может оказать политика стран БРИК на примере полевого исследования о сотрудничестве Китая и ЮАР в области экспорта минеральных ресурсов. Исследование проводится с учетом текущей политической обстановки в ЮАР и дебатов о национализации горнодобывающей отрасли, за которую выступает Молодежная лига Африканского национального конгресса, считающая такой шаг важным для оптимизации практик управления.

***Порочный круг или благодатный «треугольник»?
Значение Африки для стран БРИК и отношения Африка –
ЕС в условиях меняющегося глобального управления***

В течение последнего десятилетия Африка воспринималась в основном как континент возможностей, чей голос в международном обществе звучит все громче. Африку описывали и как многообещающего партнера для стран БРИК. В попытке отреагировать на все более укрепляющиеся позиции Китая на континенте, Европейский союз, к примеру, попытался перейти к трехсторонней («треугольной») схеме сотрудничества. Однако действительное влияние Китая и других стран БРИК на систему глобального управления и стратегические подходы ЕС к Африке еще только предстоит оценить.

На этом фоне представляются заслуживающими внимания несколько направлений исследований. Во-первых, сравнительная оценка интересов стран БРИК, их стратегий и политики в отношении стран Африки южнее Сахары.

Во-вторых, следует понять, насколько обоснованы практикуемые ЕС трехсторонние форматы сотрудничества (например, формат «Китай– Африка – ЕС»), учитывая африканскую политику других участников БРИК. В-третьих, следует подробно рассмотреть политику и приоритеты стран БРИК в Африке: этот поможет дать определения новым парадигмам взаимоотношений внешних сил в Африке и выявить новые «правила игры» на континенте.

Пойдя по одному или сразу нескольким описанным выше путям, в докладе будет сделана попытка дать ответы на следующие вопросы: как мы можем охарактеризовать новый глобальный порядок в свете международных отношений на африканском континенте? Важна ли Африка для глобальных центров силы? Какие прогнозы на ближайшее десятилетие мы можем строить, основываясь на текущих тенденциях международных отношений? Как повлияет Лиссабонское соглашение на политику ЕС в Африке, каковы в этом свете перспективы сотрудничества ЕС с Россией в Африке? И, наконец, какова будет роль ЕС на глобальной арене?

СЕКЦИЯ 6

**ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ ПАРАДИГМА МИРОВОГО ПОРЯДКА
И АФРИКА**

Руководитель: д.и.н. Игорь Васильевич Следзевский

Баталина А.Л.
Государственный университет –
Высшая школа экономики, Москва, РФ

Алжир и Франция: проблемы сотрудничества

Война в Алжире – самая кровопролитная и дорогостоящая война, которую вела Франция со своими колониями, желавшими получить независимость. Потери французских войск в Алжире превзошли их потери в Индокитае. Одна из причин состояла в том, что Франция считала Алжир не своей колонией, и даже не заморским департаментом, а территорией Франции, такой же, как, к примеру, Бретань. На территории современного Алжира в последние годы колонизации проживало, по разным данным, до 30% французского населения, при этом вся элита страны состояла преимущественно из французов. Алжирцы ездили на заработки в метрополию. Более того, трудовая миграция алжирцев во Францию не прекратилась и в годы войны.

После получения Алжиром независимости связи с бывшей метрополией не были полностью разорваны. Франция оказывала Алжиру финансовую помощь, помогала в обучении персонала, содействовала развитию промышленности. Кроме того, близким взаимоотношениям между двумя государствами способствовали и тесные культурные связи, установившиеся в колониальное время. Однако Алжир всегда стремился разорвать связи с бывшей метрополией, в то время как Франция воспринимала территорию Алжира как область своего бесспорного доминирования даже после принятия конституции Алжирской республики. Сегодня большое значение имеет и трудовая миграция во Францию, обостряющая проблему интеграции алжирских мигрантов во французское общество.

Салафитский ислам в диалоге цивилизаций

Современный мир стоит перед лицом глобальных вызовов. Одним из самых серьезных является опасность возникновения новых разделительных линий в мире, теперь уже не по идеологическому, а по культурно-цивилизационному признаку. В эпоху глобализации соперничество идеологий уступило место конкуренции систем ценностей и моделей развития. Одной из характерных особенностей современного мира является возрастание роли религиозного фактора в международной жизни. Приоритетной задачей становится недопущение конфронтации цивилизаций через налаживание конструктивного диалога представителей различных культурных и религиозных традиций. Сегодня у мировых религий процесс разделения на различные течения, направления, секты и т.д. еще не завершен. Религиозная (соответственно и ментальная) карта мира постоянно меняется, и это способствует формированию нового цивилизационного сознания у многих людей по всему миру. У мирового ислама сегодня накопилось огромное количество проблем как регионального, так и планетарного характера. Наиболее острые и актуальные среди них, на наш взгляд, – ислам и глобализация, конфликт мира ислама с Западом, ислам в межцивилизационном диалоге, ислам и терроризм, исламизм и экстремизм, салафизм и идея «Мирового халифата» и т.д. В последнее время наиболее серьезным идеологическим испытанием целостности мирового ислама стал вызов радикального ислама, который исламоведы называют салафизмом или «чистым исламом», а традиционные мусульманские лидеры – ваххабизмом. В мусульманском мире постепенно нарастает конфликт между традиционным и салафитским исламом. Более того, набирающий обороты салафитский ислам оказывает огромное влияние на мировой ислам и его роль в межцивилизационном диалоге. Если традиционный ислам активно участвует в проектах Диалог/альянс цивилизаций, то салафитский ислам пытается помешать развитию этому проекту. Распространение салафизма вызвало серьезные внутренние конфликты в целом ряде стран. Наиболее уязвимыми перед салафизмом оказываются исламские сообщества с низким уровнем религиозной грамотности. Однако в условиях подъема радикального ислама мировому сообществу (прежде всего Западу) придется вести диалог не только с традиционным исламским миром, но и с салафитским исламом.

Место Африки на арене глобального противостояния христианства и ислама

К середине XXI столетия центром планетарного христианства (прежде всего, по количественному показателю) окажется не европейская зона, а страны тропического и экваториального пояса и прилегающих к нему регионов. Более ста миллионов христиан будут проживать в шести ведущих христианских странах, две из которых – африканские. Это – Бразилия, Мексика, Филиппины, Нигерия, ДР Конго и США. Смещение центра мирового христианства на юг даёт право многим исследователям говорить о том, что наше время – это эпоха расцвета южного христианства.

За последние сто десять лет число христиан, живущих между пустыней Сахара и мысом Доброй Надежды, увеличилось с 7 до 470 млн человек, то есть почти в 67 раз. В 2009 г. христиане составляли 56% населения Субсахарской Африки. В свою очередь, численность мусульман в том же регионе возросла в 22 раза: с 11 до 240 млн (30% населения ССА). С учетом Северной Африки на континенте проживает примерно равное число христиан и мусульман (46% и 40,5% населения соответственно). Представители двух крупнейших конфессий на сегодняшний день составляют около 86% населения Африканского континента.

Современный период развития религиозной жизни общества характеризуется обострением межконфессиональных противоречий, которые проявляются в том числе в обострении конкуренции между главными религиями мира. Главным «полем боя» между крупнейшими мировыми конфессиями – христианством и исламом – является Африка. Привлекательность Африки для миссионеров всех религий заключается ещё и в том, что здесь, по данным исследователей, живут самые религиозные люди на планете. Именно на Чёрном континенте сейчас решается, какая религия станет лидером по численности приверженцев, а значит и влиянию в XXI в.

Гринштейн Ран
Университет Витватерсранда, ЮАР

***Альтернативная современность и дискурс развития
в Южной Африке после апартеида***

В докладе рассматривается понятие альтернативной современности как важный, но спорный элемент дискурса развития в эпоху постапартеида в Южной Африке. Данное понятие интерпретируется как попытка совместить современные технические достижения с реальной или мнимой самобытностью африканских исторических и культурных форм. Подход к этой проблеме различных социальных и политических субъектов меняется, в докладе анализируются перспективы этих изменений и их последствия для южноафриканских преобразований после ликвидации апартеида. Рассматриваются подходы ключевых субъектов: правительства Южной Африки, АНК как правящей партии при бывшем президенте Мбеки, АНК под руководством президента Зумы, левых сил в союзе с АНК (Южноафриканская коммунистическая партия и Конгресс южноафриканских профсоюзов) и независимых левых (в основном радикальные социальные движения). Высказывается мысль, что используемый сейчас в ЮАР дискурс развития колеблется между основным подходом, используемым правительством, и диссидентскими подходами, которые отвергают стремление к современности, поскольку она изначально запятнана глобальными отношениями власти, в которых Южная Африка, Африка и третий мир в целом обречены на маргинализацию. Правящая партия и ее союзники обсуждают вопрос, каким должен быть курс действий, который позволит сохранить цели развития, но с уклоном в местную специфику (с учетом уникальной истории Южной Африки).

Дмитриев Р.В.
Московский педагогический
государственный университет (МПГУ), РФ

***Особенности протекания урбанистических процессов
на верхних этажах систем расселения Африки***

На определенном этапе развития городов происходит расширение зон их влияния, приводящее к формированию агломераций. В развитых странах данный процесс неизменно сопровождается субурбанистической концентрацией населения, возможной лишь при качественной

трансформации транспортных путей. Следствием агломерирования и магистрализации является временное сжатие экономического пространства, выраженное в территориальном обобществлении межагломерационных пространств расположенных достаточно близко городских поселений. Данное явление получило название мегалополизации. Его особенностями в развивающихся странах являются: большая зависимость интенсивно растущего населения от природных условий, что при относительно низком уровне доходов способствует очаговой концентрации населения (макроцефальность городского развития); параллельное, а не последовательное протекание процессов урбанистической и субурбанистической концентрации; относительно невысокий уровень развития транспортной сети, снижающий масштабы маятниковых миграций.

Указанные обстоятельства характеризуют развитие опорного каркаса расселения и большинства густонаселенных стран Африканского континента: здесь формируются наагломерационные структуры мегалополисного типа – урбанистические ареалы (коридоры). К их числу относятся: Нильско-Суэцкий (агломерации Каира, Александрии, Суэца, Порт-Саида на водных путях); трансграничный ГИЛА (от Ибадана и Лагоса через Котону и Ломе до Аккры вдоль Западноафриканского берегового шоссе); Восточноафриканский (Кампала – Найроби – Момбаса – Дар-эс-Салам вдоль Трансафриканского шоссе № 8 и побережья Индийского океана вдоль островов Пемба и Занзибар); Гаутенг (агломерации одноименной провинции ЮАР и окружающих ее дистриктов Свободного государства, Мпумаланги и Северо-Запада, формирующиеся на основе новой железнодорожной магистрали Гаутрейн).

Устойчивому развитию наагломерационных участков не препятствует очаговая урбанизация: появляются «точки роста» – глобальные города, втягивающие Африку в процесс международного разделения труда. Тем не менее, интенсивность мегалополизации африканских государств далека от идеальной. Главным тормозом этого процесса является высокий уровень социальной дифференциации внутри африканских обществ.

Исаев Л.М.
Государственный университет –
Высшая школа экономики, Москва, РФ

Багдадский саммит ЛАГ: время перемен

В конце марта 2010 г. в Сирте (Ливия) прошел 22-й саммит глав Лиги арабских государств (ЛАГ), на котором было принято решение о

проведении следующей встречи в верхах в столице Ирака – Багдаде. Правда, единодушия по данному вопросу не было. Перед началом внеочередного саммита ЛАГ в Сирте в октябре 2010 г. руководитель ливийской революции Муамар Каддафи заявил, что его страна будет добиваться переноса встречи из Багдада в Каир, где располагается штаб-квартира Арабской лиги. Позиция его была аргументирована тем, что Ирак не в состоянии обеспечить безопасность участников встречи. Однако с трудом верится в то, что ливийской стороне удастся добиться успеха по данному вопросу. Предстоящий саммит ЛАГ в Багдаде в марте 2011 г. несет в себе достаточно большую символическую нагрузку. Впервые за последние 20 лет главы арабских государств встретятся на территории Ирака. С момента его вторжения в Кувейт в 1990 г. и вплоть до наших дней Ирак был отодвинут на периферию межарабской политической жизни. А ведь он является одним из государств-основателей Арабской лиги, подписавших 22 марта 1945 г. Устав ЛАГ. Решение о проведении саммита Лиги в Багдаде своего рода «жест доброй воли» со стороны арабских государств по отношению к Ираку и его новому правительству. Кроме того, принимая подобного рода решения на саммите в Сирте, где на повестке дня в первую очередь стоял вопрос, связанный с израильскими поселениями в Иерусалиме и дальнейшей возможностью поддержки со стороны ЛАГ мирных инициатив США на Ближнем Востоке, арабские лидеры выразили «вотум доверия» Бараку Обаме, приветствуя тем самым его позицию по приостановке строительства поселений и решение о выводе американских войск из Ирака. На саммите ЛАГ в Багдаде должен определиться также новый генеральный секретарь этой организации – срок полномочий нынешнего главы Арабской лиги А. Муссы истекает в мае 2011 г. В этой связи важно отметить, что позиции Египта, традиционно «поставляющего» своих дипломатов на этот пост, сильно пошатнулись. За последнее время у АРЕ сложились непростые отношения с рядом арабских стран, таких, как Сирия, Катар и Алжир.

Катагощина И.Т.
Институт Африки РАН, Москва, РФ

Образование в Африке в контексте цивилизационной динамики

Тема образования – одна из центральных в истории человечества, непосредственно связанная с проблемой культуры и политикой. Сегодня, в условиях глобализации и как следствие стремительно меняющегося мира, образование, несущее знания и формирующее человеческий

менталитет, приобретает характер решающей силы для общественного развития на всей планете, включая Африканский континент с его самобытной культурой.

Значение образования для Африки тем более актуально, что в силу исторического хода событий центральное место в жизни континента, прежде всего Тропической Африки, занимает европейская культура, которая радикально повлияла на судьбы региона и продолжает оказывать мощное влияние на разные сферы жизни африканского общества, что ощущается на каждом шагу, в том числе она составляет основу образования в Африке.

То обстоятельство, что западное образование формирует менталитет в силу ценностей, которые оно несет, и тем самым создает новую культуру, оно способствует культурной эволюции человека, подрывая традиционные установки, обычаи, верования, ценности, и служит развитию другого типа личности. Это обстоятельство выдвигает в Африке на первый план проблему культурной идентичности и провоцирует рассуждения на тему о том, не следует ли заменить «европоцентристское» по своей природе образование на образование с афроцентристской компонентой. Но тогда какие ценности в школе будут осваивать африканские дети, которым предстоит жить в мире цивилизационных разломов, сдвигов и непредсказуемых перемен?

Другая грань рассматриваемой проблемы касается связи образования, прежде всего высшего, с практическим производством, с экономикой. Образование в Африке пользуется огромным спросом. Образование нужно для получения выгодного поста, для повышения статуса, комфорта, богатства. У детей знания, их новизна вызывают живой интерес. Однако образованные люди в деревнях не задерживаются, а стремятся в города в поисках работы или уезжают за границу, преимущественно на Запад. Это больной вопрос, усугубляющий проблему безработицы и лишаящий деревню перспектив. Высказывается мнение относительно необходимости отдавать предпочтение развитию деревни и начального и среднего образования, приближенного к деревням, где такие люди будут своими знаниями полезны, помогут деревне развиваться, особенно если снабдить деревню инфраструктурой – электричеством, дорогами, техническим оборудованием, средствами транспорта, условиями для современного досуга, включая спортивные игры, телевидение, кино и т.д. Но не говорят ли такие меры о необходимости модернизации и возможности совершить цивилизационный сдвиг?

Высшее образование в Африке – особая статья. Африканские университеты в малой степени связаны с жизнью простых людей, особенно с деревенской общиной, а по характеру знаний ориентированы на мировой уровень, и спрос на них велик. Здесь также происходит цивили-

зационный разлом. Эти институты призваны формировать современный интеллект, они необходимы сегодня для интеграции Африки в мировое сообщество и для ее внутренней трансформации и интеграции.

Мосейко А.Н.
Институт Африки РАН, Москва, РФ

Роль традиционного субстрата цивилизации Тропической Африки (ЦТА) и формирование самобытной парадигмы развития региона

Африканские страны переживают сегодня системный кризис, в основе которого – кризис ЦТА. Бедственное положение африканских стран – проявление и следствие фактического провала проекта модернизации по классической западной модели. Успешно реализуют проект модернизации страны, где западные образцы используются как «стартовая площадка», а за основу берутся собственные культурно-исторические традиции и ценности (Япония, Южная Корея, Индия, Китай).

Иная судьба постигла страны Тропической Африки (ТА), которые на протяжении полутора столетий испытали все бедствия западного вторжения: работорговлю, колонизацию, экономическую и социальную зависимость, а главное – насилие над культурой, ее унижение, дискредитацию. В результате возникло опасное отчуждение от своей культуры как «примитивной», «варварской» в среде образованных африканцев, огромные масштабы приняло заимствование чужих ценностей. Традиционный субстрат ЦТА оказался подорванным, что привело к кризису цивилизации. В ходе модернизации обнаружилось два процесса – преобразовательный на основе западных идей просвещения, эмансипации от традиций, и реставрационный, имеющий множество проявлений: стихийный прорыв традиционных форм, управляемое использование традиционных структур в политических и экономических интересах, декларирование необходимости возрождения самобытной культуры. Плачевные результаты проекта модернизации, кризис во всех сферах жизнеустройства делают неизбежным вопрос о необходимости поиска новой парадигмы – самобытной модели развития на основе ценностей и традиций своей культуры, отказа от западного влияния. Поиск самобытного пути связан с трудностями: разрыв с Западом чреват экономическими провалами; сохранение связей с западным капиталом ведет к новому витку зависимости. Однако большинство людей в ТА понимают необходимость обращения к наследию собственной культуры, возрождению «подавленных идентичностей». Идеи афроцентризма, африканского ренессанса, возрождение некоторых тезисов негритуа свиде-

тельствуют о переосмыслении элитой значения африканской культуры и ее роли в процессах модернизации. Традиционный субстрат ЦТА подорван, но не погиб. ЦТА переживает стадию перехода, и стоит вспомнить принцип традиционных африканских ритуалов жизненных переломов, переходов – возрождение через разрушение.

Панцеров К.А.
СПбГУ, Санкт-Петербург, РФ

Страны Тропической Африки в современном глобальном взаимозависимом мире: к вопросу конструирования международных информационных отношений

В современном мире бытует мнение о том, что информационные технологии в своей совокупности образуют материально-техническую базу и инфраструктуру взаимозависимого и целостного международного сообщества XXI в. Однако только развитые общества располагают такими технологиями. Что же касается стран Африки, то их телекоммуникационная индустрия зиждется на западных технологиях и именно западные компании принимают активное участие в создании их информационно-коммуникационной инфраструктуры, что ставит африканские государства в зависимое положение. Указанная зависимость получила наименование информационной. Руководство африканских государств время от времени заявляет о необходимости пересмотра характера современных международных информационных отношений с тем, чтобы играть в них более заметную роль.

Первые попытки выработать принципы демократического и двустороннего обмена в области информации были предприняты еще в 1970-х годах. Уже тогда многие страны выражали не лишние основания опасения относительно того, что бурное развитие информационных технологий приведет к усилению полюсов богатства и бедности, которое примет новое цивилизационное измерение – культурно-информационное. Эти дискуссии во многом предопределили возникновение концепции нового международного информационного порядка, основное содержание которой сводится к структурной перестройке информационных отношений, с тем, чтобы были учтены интересы всего мирового сообщества наций, а не привилегированных элит. На рубеже XX–XXI вв. дискуссии относительно места стран Африки в современном глобальном взаимозависимом мире развернулись с еще большей интенсивностью. В той или иной степени они нашли отражение во всевозможных программных документах, принятых на конференциях, прохо-

дивших под эгидой ООН, ЮНЕСКО, а также на саммитах «Большой восьмерки» и в рамках диалога ЕС – Африка. Ведется поиск глобального решения глобальной проблемы. Пока этот поиск сводится к оказанию финансово-технологической помощи африканским странам, что неизбежно приведет к усилению информационной зависимости, не к ее преодолению.

Следзевский И.В.
Институт Африки РАН, Москва, РФ

***Испытание Африки:
цивилизационный кризис догоняющего развития***

Неутешительные результаты развития большинства африканских государств в постколониальный период, и прежде всего выросшая зависимость развития от внешней помощи обнажили провал идеологии догоняющей модернизации, с которой в XX в. связывались все попытки вписать африканские общества в мировое развитие. По критериям социальной и политической интеграции, сохранения стабильности, роста человеческого потенциала обнаруживается ее несостоятельность как стратегии и средства преобразования архаических и постархаических африканских обществ в общества современной цивилизации. На волне падения национальных экономик, внутренних смут и гуманитарных катастроф обострилось внимание к цивилизационному измерению африканского развития. Цивилизационные сопоставления присутствуют в отнесении наименее развитых стран субсахарского региона к «четвертому миру», «неспособному к восприятию современного типа прогресса», в рейтинговых оценках несостоятельности ряда африканских государств, в негативных образах Субсахарской Африки как средоточия нестабильности и хаоса, «моря первобытности», «цивилизации смерти» и т.п. Усиливается также цивилизационная (этическая) критика итогов постколониального развития как не соответствующих моральным нормам единства человеческого общества. Сегодня она находит опору в общественной мысли Африки – в современной африканской философии, политологии, теологии. Ответственность за «кризис Африки» возлагается не только на «несправедливую глобализацию», но и на поведение коррумпированных правящих элит, не сумевших избежать «рабского подражания Западу», и на поведение простого человека, готового мириться с нищетой и общественным разладом.

В цивилизационной критике постколониального развития Африки нельзя видеть только проявление настроений «афропессимизма» и

штампов европейского цивилизационного сознания. Эта критика имеет более глубокие корни. Она непосредственно связана с социальным и моральным кризисом модели догоняющей модернизации в ее постколониальном (по существу, неоколониальном) варианте. В ряде отношений закономерная и необходимая, догоняющая модернизация приобрела в бывших африканских колониях значение универсального и обязательного «пропуска в современность», нормативного и почти принудительного цивилизационного проекта. И философия, и прагматика этого проекта сохранили связь с идеалами и мифологемами колониальной эпохи, прежде всего с идеями цивилизаторства как переделки традиций и обычаев народной жизни по велениям авторитарной власти и обязательно в ее пользу.

Однако с распадом колониальных империй исчезло или резко ослабло главное условие жизнеспособности этого проекта – наличие обособленного политического центра, самостоятельного по отношению к локальным общинным мирам и способного практически и символически сопрягать их с «государством» и «обществом» в европейском понимании. Уже в колониальный период это условие выдерживалось с большим трудом и постоянными отступлениями от цивилизационных стандартов жизни в метрополиях. С превращением госвласти в собственность африканских правящих группировок оно сохранило скорее символическое значение. Сокращение притока внешних ресурсов, резкое падение интереса к Африке после окончания «холодной войны» подорвали и внешний (символический) цивилизационный статус многих африканских государств как членов системы международных отношений. С этой точки зрения африканский кризис догоняющего развития может быть определен как кризис цивилизационный. Он отодвигает слабые африканские государства в «теневую зону» мирового беспорядка. В докладе рассматриваются причины и последствия этого кризиса, возможности и перспективы выхода из него на уровне «культурной почвы» – низовых народных движений, идей, вероисповеданий. Учитывается опыт выживания и самоорганизации африканского социума, его собственный цивилизационный ответ на вековое разрушение африканского мира – охватывающая континент религиозная революция, духовная трансформация африканских традиций.

СЕКЦИЯ 7

КОНФЛИКТЫ В АФРИКЕ ПОСЛЕ ОКОНЧАНИЯ «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ»: ИСТОКИ, ОСНОВНЫЕ ФОРМЫ И СЛЕДСТВИЯ

Руководители: д.и.н. Роза Нургалиевна Исмагилова, д.и.н. Николай Дмитриевич Косухин

ПОДСЕКЦИЯ: Этничность и конфликты.

Руководитель – Роза Нургалиевна Исмагилова

Исмагилова Р.Н.
Институт Африки РАН, Москва, РФ

Этничность как фактор конфликтогенности

В полиэтничных государствах проблемы межэтнических взаимодействий всегда будут одними из наиболее трудных. Причина этого вовсе не в существовании изначальных антагонизмов между разными этническими общностями, как это иногда объясняют, а в наличии социально-экономических и политических факторов, как-то: борьба за ресурсы, неадекватное государственное устройство, плохое управление, намеренная мобилизация этничности в политических, конфликтных целях.

В подавляющем большинстве многоэтнических государств мира (баски в Испании, ирландцы в Великобритании, постсоветские государства, оромо в Эфиопии, огони, иджо и другие народы в Нигерии и т.д. – лишь некоторые примеры) существует радикальный этнический национализм и государство пока что не может противопоставить ему формулы общественного устройства, которые обеспечивали бы гражданское равенство независимо от этнической принадлежности, а этнокультурным общностям давали бы гарантии сохранения их культуры и справедливого участия в экономической, политической и общественной жизни (хотя в конституциях это декларируется).

Известно, что большинство африканских государств – не демократические и этнократические. Они контролируются одной или несколькими группами, которые подчиняют своей власти (или стремятся к этому) другие, и в первую очередь этнические меньшинства. Это порождает

политическую мобилизацию этнических общностей, межэтническую напряженность и конфликты.

Требования со стороны этнических общностей равенства, участия в управлении на всех уровнях – неотъемлемая часть демократии.

В Эфиопии амхаризация в прошлом, в период правления Хайле Селассие I, была серьезной причиной неудовлетворенности, этнической напряженности и конфликтов. Господство тыграй после падения режима Менгисту является причиной недовольства многих этнических групп, и в первую очередь амхара, потерявших свое доминирующее положение, а также оромо, афар и др. Амхара – одна из наиболее привилегированных этнических групп. Однако существует разительный дисбаланс между общественным и экономическим положением амхара и их политической слабостью. Такая ситуация приводит к этнической мобилизации в целях достижения политической власти. Потеря ими господствующего положения в политике вызвала горечь и озлобление.

В Кении в период режима Даниэля арап Мои господствующее положение календжин вызывало большое недовольство других народов, в первую очередь кикуйю и луо. Известно, к каким трагическим событиям привело в Анголе отстранение овимбунду от участия в политической жизни. Примеры можно продолжить.

На межэтнические отношения воздействуют этнические стереотипы, такие социальные структуры и институты, как профессиональные касты, домашнее рабство, иерархия кланов, которые продолжают существовать во многих странах континента. До сих пор физический труд и ремесло (кузнечество, ткачество, крашение, обработка дерева и др.) считаются у некоторых народов унижительным занятием.

В ряде стран сохраняется этническая стратификация. В Эфиопии, как и в некоторых других государствах (Конго-Киншаса, Ангола и др.), представители низших каст не имеют реальной власти, хотя и занимают высшие посты в партийных и государственных органах. Их попросту игнорируют.

Этничность в Африке проявляется в различных сферах – в деятельности партий, в функционировании органов власти, в армии, в общественной и экономической жизни, в области культуры и т.д.

Этничность, этнические чувства используются политиками в различных целях. Социальная дифференциация по этническим границам, неравный доступ к властным структурам, правовая и культурная дискриминация, сохраняющаяся этническая иерархия, этнические предубеждения и негативные стереотипы – причины возникновения напряженности и вместе с тем необходимые условия для этнической мобилизации.

В конституциях и программных документах партий содержатся важные положения о равенстве всех народов, необходимости борьбы

против этнической дискриминации и др. Однако, к сожалению, эти важные требования остаются, как правило, на бумаге. Помимо большой работы по воспитанию уважения к представителям других народов и их культурам, необходимы жесткие методы борьбы с проявлениями ксенофобии вплоть до применения статей уголовного кодекса.

Сохраняющаяся этническая напряженность и конфликты во многих районах мира, агрессивный национализм – причины возрастания в последние десятилетия интереса, как теоретического, так и практического, к проблемам самоопределения, государственного устройства, различным формам федерализма, автономии, включая культурную, а также традиционным методам урегулирования межэтнических конфликтов.

Йеншу Вубо Эммануэль
Университет Буэа, Камерун

Этничность в Африке уходит в «подполье»: новые тенденции в политических конфликтах

Кто-то может искренне задать вопрос: покончено ли с этническими конфликтами, поскольку многие страны развиваются по пути демократизации и ищут пути разрешения конфликтов. Имеются признаки, когда вновь создаваемые ярлыки идентичности заменяют существовавшие прежде противопоставления между так называемыми этническими группами внутри государственных границ. Задача доклада – исследовать три типа ярлыков, все больше заменяющих этническую конфронтацию, но имеющих прежнюю сущность.

– Концепция национальной идентичности в чистом виде предусматривает исключение других, таких, как иммигранты или лица, подзреваемые в двойном гражданстве. Примеры – создание таких сомнительных конструкций, как *ивуарцы* или *конголезцы* и открытая враждебность по отношению к иностранцам. В основе этого лежит этническая концепция государства, которая определяет граждан почти исключительно в этнических терминах или совпадающих с этническими группами, существующими внутри государственных границ.

– Религиозный подход, который отказывается от прежней этнической идентичности в пользу религиозной принадлежности как основе политических требований. Именно это кроется за различными формами религиозного фундаментализма, наблюдаемыми в дебатах вокруг исключительного права применения шариата в северных штатах Нигерии. Под этими попытками обращения к религии как фактору различия можно наблюдать замаскированные попытки этнических элементов,

когда федерализм в его нынешних формах привел к умиротворению извечной вражды между Севером, Востоком и Западом. В этой связи не является ли призыв к введению шариатских судов в Северной Нигерии самой последней попыткой возрождения на Севере идентичности хауса-фульбе. Необходимо также исследовать связь между этими действиями и периодически повторяющимися вспышками насилия против немусульман, будь то из южных районов или внутри региона (свидетельство тому – события в Джосе).

– Проблема автохтонности и все более громкие требования, звучащие на политическом небосклоне Камеруна как следствие местных выборов 1996 г. и какое-то время после них. Наметилась тенденция изменить статус меньшинств внутри камерунской этнической мозаики. Речь идет об оппозиции между местными и «чужаками» в некоторых районах, привлекаемых для иммигрантов (Центр, Побережье, Юг, Юго-Запад). Игнорируя и переключая внимание от проблемы англофонского меньшинства, на повестку дня была выдвинута официальная концепция космополитизма, заключающаяся в звучном лозунге «единство в многообразии». За этими требованиями кроется попытка обеспечить доминирующее положение некоторым группам в их «этническом пространстве», а также создать такую систему управления, которая привела бы к новому союзу в чисто этнических терминах между элитами из бети-булу (известны в литературе также как пахуйн) и прибрежными бантуязычными народами под новым знаменем Сава. Таков результат политических конфронтаций, которые перераспределили политический альянс в 1990-е годы. В данном случае этничность служит дымовой завесой для социальных проблем и выдвигает проблему выработки согласованной политики. Новые формы этничности свидетельствуют о том, что этничность далека от исчезновения, хотя определенный прогресс имеется.

Кальки Новати Джиан Паоло
Институт изучения международной политики,
Милан, Италия

Историческая, этническая и политическая напряженность на Африканском Роге со времен «холодной войны» до создания постбиполярной системы

Баланс сил и стремление к гегемонии в районе, объединяющем нынешние государства Эфиопию, Эритрею, Сомали и Джибути, а также Судан, который осуществляет связь между Африканским Рогом и долиной Нила, представляет собой многоликую картину с многочислен-

*Расчлененный Африканский Рог в 1980–2000 годах:
внутренние и внешние факторы в политике Эфиопии,
Эритреи и Сомалиленда-Сомали*

ными внутренними связями. Рог испытывает напряженность и постоянную нестабильность в силу нерешенных конфликтов между населением различной этнической, лингвистической, культурной принадлежности, социального статуса и др. Существуют группы, которые по тем же причинам являются (либо чувствуют себя таковыми) отчужденными от жизни общины, эксплуатируемыми и маргиналами.

На первый план выходит вражда между силами, которые демонстрируют свою способность контролировать человеческие и физические ресурсы, и социально-политическими образованиями, которые не имеют полного доступа к суверенитету и ресурсам. На смену древним империям пришли новые государства, в свою очередь использующие историю и мифы с тем, чтобы нанести ущерб населению, которое некогда было абсорбировано, насильно подчинено и даже обращено в рабство.

Другой тип нестабильности представлен конфликтами на региональном уровне. Население и государства в этом районе борются чаще друг с другом, чем с иностранными державами. Источником вражды является борьба за землю, воду, порты, экономические ресурсы, а также – суверенитет, власть, общинное противостояние. Традиция государственности резко отличается от страны к стране, от общины к общине. Существование конкурирующих моделей государственного управления может дестабилизировать правящие режимы.

Третий уровень напряженности или состояния войны связан с политикой и международными конфликтами на Африканском Роге. В период колониализма европейские державы использовали местные распри для достижения собственных целей, спонсируя и поддерживая тех, кто бы мог помочь им облегчить экспансию.

Из-за неправильной трактовки права на самоопределение после деколонизации Африканский Рог стал театром постоянных военных действий и непрерывного вмешательства по причине существующих противоречий между Востоком и Западом. Двойной или тройной кризис пришел в 1991 г. к концу, что совпало с развалом биполярной системы. По иронии судьбы, единственный униэтнический национализм привел к провозглашению независимости Эритреи. Тем временем Великая традиция, существовавшая в Эфиопии со времен династии Соломонов и коптской церкви, была уничтожена правительством, пришедшим к власти после режима Дерга. Оно ввело федерализм, основанный на гипотетической этнической идентичности. Развал государства в Сомали и вновь возникшая война между Эфиопией и Эритреей соединились с основными разногласиями международного порядка (беспорядка). Несмотря на требования осуществлять национальные проекты, государства Африканского Рога продолжают платить цену за асимметрию отношений Центр – периферия. Роль Италии – прежней владелицы этих территорий – неясна.

Африканский Рог был всегда важным стратегическим географическим пунктом для международной торговли между западным миром и азиатско-ближневосточным регионом.

Эфиопия-Эритрея. Многие африканские страны испытали недавний кризис государств-наций, унаследованных от колониализма: провал государственного строительства, отсутствие политической законности, регионализм, власть военных. Напротив, Эритрея напоминает нам тип государства, развившегося в рамках колониальных границ.

Современная Эфиопия – конструкт государства в период колониализма, ее новые границы возникли в период раздела Африки как результат переговоров между европейскими державами. Эфиопия, возникшая как современное государство в период борьбы с колониализмом, сохранила свою независимость (если исключить период 1935–41), но в то же время ощутила на себе глубокое воздействие международных отношений и иностранной дипломатии. Период после окончания «холодной войны» быстро изменил внутреннюю и внешнюю политику этого региона.

Сомали между раздробленностью и национализмом: ведущаяся со второй половины XX в. дискуссия касается вопросов фрагментации и унификации Великого Сомали. Хотя коллапс сомалийского государства – результат глубоких внутренних причин, нельзя игнорировать и внешнее вмешательство. Только междисциплинарные исследования и глубокий анализ исторических истоков позволит проследить связь между распадом государства и окончанием «холодной войны», обращая особое внимание на процесс глобализации. Более того, такой подход поможет объяснить усиление политического ислама в Сомали, а также способность осуществить практическое решение социальных проблем и связать сомалийских бизнесменов с финансовыми ресурсами Залива.

Задача доклада – на основе результатов полевых исследований проанализировать локальный кризис, распад государства и гегемонию внешних сил.

*Африканские конфликты в зеркале международных судов
в начале XXI века*

Африканские конфликты являются предметом рассмотрения в международных судах довольно долгое время. Однако в конце XX – начале XXI века наметились новые тенденции. Во-первых, это появление нового международного суда – Международного уголовного суда. Во-вторых, активизация использования странами Африки уже имеющихся судов, в частности Международного суда ООН, Постоянного международного арбитражного суда, а также Африканской Комиссии и Суда по правам человека. В-третьих, создание новых, специализированных по Африке судов, прежде всего Международного трибунала по Руанде и Специального суда по Сьерра-Леоне.

В то же время анализ деятельности этих международных судебных учреждений показывает, что в целом для разрешения конфликтов они малопригодны. На наш взгляд, главной причиной этого является тот факт, что на сегодняшний день так и не удалось создать действительно независимый и беспристрастный международный судебный орган. Изучение африканских конфликтов на основе решений международных судов имеет существенные изъяны. Это связано с двумя главными причинами. Во-первых, ряд судов был создан не для установления истины, а, напротив, для её искажения. Во-вторых, судебные решения содержат значительное число «фактов», которые либо не подтверждены достаточным образом, но «освящены» по политическим мотивам вынесением по ним международного судебного решения, либо, наоборот, не содержат критически важную информацию, хотя и представленную суду, но не принятую им, в том числе без объяснения причин.

При этом следует отметить, что в целом материалы дел, касающихся африканских конфликтов, в их совокупности (а не только окончательные решения) в международных судах являются весьма важным источником для историков, политологов и юристов. Изучение ряда дел, прежде всего связанных с конфликтом в Руанде и в Демократической Республике Конго, включая стенограммы заседаний и документы защиты, показывают, что окончательные решения не согласованы с фактами, имевшимися в распоряжении суда, а также то, что суд проигнорировал множество представленных ему документов. Международные судебные решения по африканским конфликтам являются основанием для дальнейшего их изучения, в том числе с целью восстановления истины, существенно искажённой этими решениями.

*Восточный Судан сегодня: «в тени» проблем соседних регионов,
в поисках стабильности*

В октябре 2006 г. было подписано Восточносуданское мирное соглашение (ВСМС), положившее конец сравнительно малоинтенсивному вооруженному конфликту в этом регионе страны, в котором правительственным силам противостоял Восточный Фронт – коалиция группировок местных племен (прежде всего, «Конгресса Беджа» и «Свободных Львов Рашидий»). Подписанию ВСМС предшествовало заключение в 2005 г. Всеобъемлющего мирного соглашения (ВМС), положившего конец гораздо более кровопролитному конфликту на Юге Судана, больше известному как гражданская война между Севером и Югом. Таким образом, выполнение обоих этих соглашений – ВМС и ВСМС – должно было происходить параллельно в течение последних 5–6 лет. В то же время, если ситуация вокруг ВМС, а также вооруженный конфликт в другом регионе страны – Дарфуре, в последние годы получили широкий международный резонанс, проблемы Восточного Судана и ход выполнения ВСМС, в общем и целом, не привлекли большого внимания за рубежом.

По условиям ВСМС, центральное правительство Судана (Правительство Национального Единства) предоставило Конгрессу Беджа гарантии представительства в структурах местной и центральной власти и взяло на себя обязательства уважать политические права беджа и других этнических меньшинств Судана, компактно проживающих на Востоке страны. Тем не менее после общенациональных выборов, состоявшихся в Судане в 2010 г., сразу несколько лидеров Конгресса Беджа обвинили правительство в подтасовке результатов голосования в восточных штатах страны и подвергли Хартум резкой критике за непрекращающееся, по их мнению, ущемление политических прав народа беджа и несправедливое, с их точки зрения, распределение нефтяных доходов между центром и периферией. Перспектива распада страны в 2011 г., в связи с предстоящим референдумом по вопросу о независимости Южного Судана, и риск эскалации напряженности в отношениях между двумя частями страны – ставят на повестку дня вопрос о том, что ждет Восточный Судан в ближайшем будущем. Еще одним фактором, негативно влияющим на политический процесс в восточных штатах, является продолжающийся конфликт в Дарфуре.

В докладе анализируется текущий уровень выполнения сторонами Восточносуданского мирного соглашения, характеризуются наиболее

острые проблемы этого региона и дается общая оценка политического процесса в восточносуданских штатах в контексте общего развития ситуации в Судане за последние несколько лет. Автор ставит перед собой задачу оценить вероятность дестабилизации ситуации на Востоке Судана в зависимости от развития отношений между Севером и Югом страны.

ПОДСЕКЦИЯ: Конфликты в Африке: истоки и типология

Руководитель – д.и.н. Николай Дмитриевич Косухин

Ансорг Надин
Свободный университет
Берлина, Германия

Фактор наличия природных ресурсов и региональные конфликты в Африке южнее Сахары

С конца 90-х годов прошлого века вышло огромное количество исследований по вопросам мира и конфликтов, посвященных роли природных ресурсов в развязывании гражданских войн. Некоторые из исследователей считают эту роль решающей, другие расценивают такой подход как упрощенный, упускающий из виду другие факторы или игнорирующий роль разрушенных государственных структур.

Тем не менее значение природных ресурсов в распространении насилия и появлении региональных конфликтов не стоит недооценивать. С окончанием «холодной войны» это может быть прослежено во многих региональных конфликтах в Африке южнее Сахары, а также в других частях мира, не вошедших в состав Организации экономического сотрудничества и развития (ОЕСД).

Основное внимание в данном докладе уделено анализу влияния природных ресурсов на появление и распространение региональных конфликтов. В теоретической части доклада присутствует концепция региональных конфликтов. С точки зрения социальной конструктивистской перспективы утверждается, что не только один фактор играет решающую роль в возникновении региональных конфликтов, а всегда существует взаимодействие между структурными факторами, с одной стороны, и причинными факторами, с другой. В комбинированном подходе сначала анализируются структурные, обрамляющие условия появления конкретных участников, их интересы и мотивы. А затем рассматриваются исторические и хронологические взаимодействия, процессы и их развитие.

Эта модель и роль природных ресурсов в сочетании с другими возможными факторами распространения насилия в регионе рассматриваются на примере различных конфликтов в Африке южнее Сахары после окончания «холодной войны».

Баттера Федерико
Университет Триеста, Италия

Важность местного измерения в современных африканских конфликтах

Этот доклад имеет целью внести ясность в понимание того, что наличие так называемых полевых командиров является очевидной тенденцией в современном африканском конфликте. Их деятельность в данном случае рассматривается как деятельность частных лиц. Один из основных тезисов доклада: невозможность поддерживать большие группировки и трудность в осуществлении полного контроля со стороны одной организации над теми, кого называют участниками среднего уровня. В результате растет, развивается и распространяется количество мелких и средних действующих лиц, которые однажды избрали путь жестокости, стали полевыми командирами и подрывают любое усилие, направленное на урегулирование конфликта.

Белло Ола
Научный центр «Фрайд»,
Мадрид, Испания

Корпоративные участники африканских конфликтов после «холодной войны»: на примере Американской компании по добыче минеральных ресурсов (AMF)

Американская компания по добыче минеральных ресурсов (AMF), постоянно менявшая свою позицию от поддержки правительства до поддержки антиправительственных сил в ходе конфликта в ДРК (1997–2006), является ярким примером той основной роли, которую играют сетевые участники в современных африканских конфликтах. Сотрудничая с государственными функционерами в конфликте, компания стала частью государств-интервентов и военно-коммерческой стратегии их элит, значительно влияя как на усиление жестокости, так и на миротворческий процесс.

АМФ была основана Джин-Раймондом Булем, британским подданным, рожденным на Маврикии и проживающим в Монако, который контролировал ряд компаний из маленькой квартиры в Антверпене.

В данном докладе, основанном на более чем четырехлетнем поле-вом исследовании, сборе интервью ключевых участников на трех кон-тинентах, анализируется роль связанных с войной коммерческих сил и нетрадиционная политическая прозорливость, проявляемая военными и политическими элитами от района Великих озер до последующих инте-ресов в сфере минеральных ресурсов в Конго.

В докладе рассматривается деятельность АМФ как одного из важ-нейших корпоративных участников в африканских конфликтах. При этом АМФ не причисляется нами ни к категории традиционных мульти-национальных компаний, ни к представителям широко исследованных преступных коммерческих предприятий.

Предлагается обсудить проправительственный характер компании, определить степень ее «корпоративного» оперативного участия, что ставит ее на иной уровень, нежели прототипическое мультинациональ-ное предприятие в зоне конфликта.

Цель доклада – рассмотреть изнутри природу и влияние предпри-ятий по добыче природных ископаемых на эволюцию мира и конфликта в одном из наиболее уязвимых регионов Африки после окончания «хо-лодной войны».

Гришина Н.В.
Институт Африки РАН, Москва, РФ

Пиратство в районе Африканского Рога: основные подходы к решению проблемы

Последнее десятилетие отмечено резким подъемом количества пи-ратских нападений на гражданские суда в районе Африканского Рога. Особенное беспокойство мирового сообщества вызывает активность сомалийских пиратов.

Истоки проблемы – в крайне низком уровне жизни большинства населения Сомали из-за многолетнего незатухающего внутреннего конфликта и отсутствии здесь централизованной власти.

Отдельные бандитские вылазки на утлых суденышках в последние годы переросли в хорошо налаженный бизнес. Сегодня пираты, обла-дающие современным оружием, судами и средствами связи, вполне способны не только захватить крупный танкер, но и вступить в бой с военными кораблями.

При полной неспособности сомалийских властей обуздать морской разбой мировое сообщество вынуждено было взять на себя задачу по обеспечению судоходства в этом районе. Сейчас воды, омывающие Африканский Рог, патрулируются военными кораблями и вертолетами международных противопиратских коалиций «Океанский щит» и «Ата-ланта». В качестве радикального средства рассматривается возмож-ность уничтожения наземных баз пиратов.

Однако основное решение проблемы – в урегулировании внутрен-ней ситуации в Сомали силами сомалийских властей при поддержке миротворческого контингента ООН.

Косухин Н.Д.
Институт Африки РАН, Москва, РФ

Конфликты «нового поколения» на Африканском континенте: причины и содержание

1. В условиях глобализации источником конфликтов стал рост неравенства в распределении богатства и экономической власти на гло-бальном уровне, хищническая сверхэксплуатация природных ресурсов, обострение борьбы за рынки, а также бедность, слаборазвитость спо-собствуют возникновению конфликтов идентичности на этнорелигиоз-ной основе.

2. Конфликты «нового поколения» стали результатом кризиса и даже распада государственных структур (Сьерра-Леоне, Либерия, Со-мали, ДРК и др.). Причиной возникновения конфликтных ситуаций яв-ляется борьба за власть в системе политических отношений. В ряде стран конфликты приобретают форму государственных переворотов, акций гражданского неповиновения, протестов против коррупции и «плохого управления». Эти факторы создают хроническую ситуацию нестабильности и неустойчивости властно-политической системы, а политический процесс отличается кризисно-конфликтным характером.

3. Крах биполярной системы международных отношений не ока-зал стабилизирующего влияния на ситуацию в сфере региональной безопасности, а наоборот, привел к обострению многих глубинных, исторически сложившихся конфликтов. Природа африканских кон-фликтов многообразна и определяется сложным комплексом факторов этнического, конфессионального, исторического, социально-экономи-ческого, цивилизационного характера. При этом конфликты неразрывно связаны с историческим и колониальным прошлым того или иного го-сударства и этноса. Существует модель типичного африканского кон-

фликта, которому свойственны общие черты: 1) кризис государственности на фоне коррумпированности власти; 2) наличие множества участников, каждый из которых имеет экономическую, политическую, этноконфессиональную и иную мотивацию своего конфликтного поведения; 3) вовлечение в конфликт соседних стран, воздействие на ситуацию в этих государствах и регионе в целом; 4) жесткая тактика поведения противоборствующих сил, включающая массовые убийства, геноцид, этнические чистки.

Мендрап Томас
Датский Королевский колледж обороны,
Институт стратегии, Дания

Слабость кенийского государства и роль негосударственных участников

Во второй половине XX в. природа войны изменилась и стала более драматичной. Наблюдается дихотомия: война как социальное взаимодействие – военные действия как сфера деятельности государства. Недостаток возможностей подавляющего большинства государств третьего мира контролировать конфликты привела к возникновению вялотекущих конфликтов, которые можно наблюдать, например, в Уганде, Конго, Колумбии, Шри-Ланке. С окончанием «холодной войны» правители слабых государств де-юре, но без правового опыта, продолжали пользоваться международным признанием, поскольку воспринимались как единственная преграда для всеобщего коллапса. Это обстоятельство прокладывало путь, умышленно или нет, частным военным и охранным ведомствам, а также субконтрактным организациям к монопольному праву государства на использование жестких мер по отношению к негосударственным и полугосударственным участникам в попытке защитить позицию часто слабых лидеров. Эти лидеры имеют преимущество перед своими конкурентами, т.к. могут, пользуясь признанием мирового сообщества и в соответствии с международным правом, требовать военную помощь извне. Тем не менее субдоговор и приватизация государственной монополии негосударственными участниками является признаком слабости государства и создает большие проблемы для слабых и уязвимых государств... В результате огромные территории оказываются под прямым контролем негосударственных формирований. В докладе рассматриваются ошибочные действия и слабость кенийских властей, проявившиеся, например, в столкновениях после выборов в 2007–2008 годах, а также роль негосударственных сил безопасности в кенийском обществе.

Прокопенко Л.Я.
Институт Африки РАН, Москва, РФ

Посредничество африканских лидеров при урегулировании региональных конфликтов: успехи и проблемы

В 1990–2000-е годы в международной практике при урегулировании конфликтов получило широкое распространение персональное посредничество. Международным авторитет некоторых африканских лидеров позволил им стать посредниками и внести весомый вклад в дело сохранения безопасности в Африке и в мире. Их усилия способствовали эффективности миротворчества и прекращению длительных кровопролитных конфликтов на континенте: Н. Мандела (ЮАР) и Дж. Ньерере (Танзания) были посредниками в примирении противоборствующих сторон давней войны в Бурунди; Ф. Чилуба (Замбия) и Т. Мбеки (ЮАР) были координаторами по урегулированию конфликта в ДРК; президент Мали А. Туре участвовал в посредничестве при урегулировании кризиса в ЦАР; а президент Египта Х. Мубарак – один из основных посредников в урегулировании конфликтов не только в Африке, но и на Ближнем Востоке.

Лидеры африканских стран выполняли посреднические функции в качестве спецпосланников ООН (бывший президент Мозамбика Ж. Чиссано), а также координаторов по урегулированию конфликтов от Организации африканского единства (позже Африканского союза) и других региональных организаций (например, бывшие президенты К. Каунда и Ф. Чилуба /Замбия/, Т. Мбеки /ЮАР/). Некоторые из них продолжили свою миротворческую деятельность и после ухода с поста президента. Они использовали многие апробированные методы посредничества, в том числе т. н. «тихую» и «челночную» дипломатию.

При разрешении политического кризиса в Зимбабве активные усилия прилагали бывшие и нынешние лидеры ЮАР и Замбии. Нынешний президент ЮАР Дж. Зума в отношении с Зимбабве продолжает проводить политику «тихой дипломатии», начатую Т. Мбеки. Немаловажна также заслуга Т. Мбеки при урегулировании конфликта в Судане.

Успех ушедших в отставку африканских президентов, которые уступили власть демократическим путем, в качестве международных посредников обеспечивается благодаря их опыту и возможности выступать миротворцами в конфликтах. Важным фактором является также то, что уважение к бывшим главам государств – требование африканской традиции почтения к старшим. Практика последних десятилетий показала, что эффективность посреднической деятельности африканских лидеров во многом была достигнута благодаря соблюдению ими принципов объективности и беспристрастности.

В 2000-е годы в Африке усилилось влияние фактора имиджа политика, власти и политического процесса в целом, что является мировой тенденцией. В современных условиях национальный и международный имидж африканских правящих политических элит, в том числе ее лидеров, бывших посредниками при урегулировании региональных конфликтов, становится одним из стратегических аспектов внешней политики государства.

Сабо Роберт Пастор
Российский университет дружбы народов,
Москва, РФ

Религиозный фактор в политическом процессе в Нигерии

В Нигерии политический процесс характеризуется сильным воздействием этнорелигиозных и региональных факторов.

Переход страны в 1999 г. к гражданскому правлению, а также введение в качестве правовой системы шариата в 12 штатах страны привели к социальным столкновениям на религиозно-этнической почве. При этом экстремизм в религиозной форме связан с социально-экономическим и политическим кризисом. Политическая элита, как правило, стремится манипулировать этнической идентичностью, особенно религиозным сознанием электората. Это ярко проявляется в период политического соперничества, что способствует возникновению конфликтной ситуации и нестабильности в стране, особенно в ее северной части. Столкновения между христианами и мусульманами в последние годы унесли жизни 12 тыс. людей.

Для разрешения религиозных конфликтов в Нигерии необходимо предпринять следующие меры:

- 1) Виновные должны нести ответственность за свои преступления независимо от своего социального статуса.
- 2) Необходимо регулярно проводить встречи представителей молодежи различной религиозной принадлежности.
- 3) Правительство должно своевременно учитывать социальные и экономические нужды общества и осуществлять компромиссную политику урегулирования конфликтной ситуации.
- 4) Религиозные лидеры должны регулярно встречаться, обсуждать и предотвращать экстремистские настроения среди своей паствы.
- 5) Правительство должно заранее обеспечить контроль над неблагоприятной ситуацией во время выборов и после.

6) Традиционные, религиозные лидеры, правительственные чиновники, студенты, ученые, организации гражданского общества должны создать модель предотвращения конфликта.

7) Если необходимо, правительство может использовать армейские подразделения для мирного разрешения конфликта.

Садовская Л.М.
Институт Африки РАН, Москва, РФ

Межэтнические конфликты в Руанде и Бурунди: итоги умиротворения

Анализ вооруженных конфликтов показывает, что природа их многообразна и определяется наличием комплекса факторов этнического, конфессионального, исторического, социально-экономического, цивилизационного характера. Но чаще всего опасность появления таких конфликтов возникает тогда, когда этнические различия начинают определять политические пристрастия и когда происходит политизация этнической идентичности.

То, что называют этническими конфликтами, по сути представляет борьбу за власть или доступ к экономическим ресурсам (в том числе и природным), которая прикрывается этнической маской.

В качестве одного из наиболее ярких современных примеров этому можно привести соперничество между народами хуту и тутси в Бурунди и Руанде.

Эти две небольшие африканские страны, похожие по этническому составу, оказались вовлеченными в конфликт на этнической почве. Сегодня около миллиона беженцев из Руанды находятся в лагерях ДРК и Бурунди.

Руанда и Бурунди являются частью региона Великих африканских озер, одного из самых нестабильных в мире. Более 100 тыс. жизней унесла гражданская война, начавшаяся в 1986 г. на западе Уганды. В ходе конфликта, вспыхнувшего в 1993 г. в Бурунди, были убиты 300 тыс. человек, в 1994 г. жертвами межэтнического конфликта в Руанде стали свыше 800 тыс. человек. Во время войны 1998–2003 гг. в ДРК погибли более 3 млн человек.

События в этом регионе показали, что одним из важных факторов – «запускателей» конфликтов, связанных с этничностью, будут являться меньшинства и их место в государственной структуре, а также сама эта структура. Вот почему ни один анализ насильственных конфликтов, включая его эскалацию и ослабление, не может игнорировать полити-

ческие аспекты, в частности, рассмотрение характера современных политических режимов в этих двух странах.

В Руанде после победы сил Руандийского патриотического фронта сложился авторитарно-моноэтнический режим тутси, возглавляемый П. Кагаме, авторитарная политика которого, проводящаяся под лозунгами достижения национального примирения, приводит к скрытому недоброжелательству режимом, отягченному межэтнической ненавистью.

В соседней с Руандой Бурунди несоответствие численного соотношения двух составляющих ее населения (хуту и тутси) их представительству в наиболее важных сферах общественно-политической и экономической жизни также способствовало созданию благоприятной почвы для междоусобиц этнического характера.

В последние годы в Бурунди проводится политика осторожного «балансирования» между двумя народностями. Конституция 2005 г. закрепила равное представительство хуту и тутси в армии и полиции, а также верхней палате парламента.

Власти Бурунди пытаются создать систему чередования у власти хуту и тутси, отстранив от активной роли экстремистов из той и другой этнической группы, что далеко не устраивает последних, и они продолжают свои вооруженные вылазки и дестабилизируют обстановку в стране.

Социальная дестабилизация в Руанде и Бурунди не только приводит к напряженной борьбе за власть политических элит, но привносит неуверенность и небезопасность в жизнь простых граждан. В такие времена для многих людей привлекательным убежищем становится групповая идентичность, которая оставляет единственную возможность наделять смыслом то, что с ними происходит. А это чревато новым витком эскалации конфликта.

Сидорова Г.М.
Институт Африки РАН, Москва, РФ

Борьба за ресурсы как доминирующая парадигма конфликтогенности в Центральной Африке

Одна из ведущих стран Центральной Африки, которая во многом определяет политический климат региона, – Демократическая Республика Конго (ДРК). Она обладает мощным потенциалом полезных ископаемых в Тропической Африке, занимает одно из главных мест в мире по добыче и экспорту алмазов, кобальта, меди, редкоземельных металлов.

Однако полезные ископаемые, а точнее, борьба за них нередко становится причиной как военных, так и гражданских конфликтов в ДРК.

Эти конфликты провоцируются, с одной стороны, главарями вооруженных формирований, действующих на территории ДРК (как конголезского, так и иностранного происхождения). С другой стороны, местными племенными элитами, также заинтересованными в сохранении контроля над богатыми земельными угодьями, шахтами и рудниками, где добывается золото, алмазы и другое ценное сырье. Зоны влияния между ними, как правило, поделены и ревностно охраняются. В результате попыток захвата «чужих» владений возникают столкновения с тяжелыми последствиями, особенно для местного населения. Со стороны боевиков оно подвергается террору, насилию и запугиванию. А это, в свою очередь, приводит к массовому перемещению людей и созданию очагов гуманитарных катастроф.

Более того, ситуация становится трудноразрешимой в силу того, что часть доходов, получаемых от реализации контрабандного сырья, идет на закупку оружия, предназначенного для формирования и поддержки боевиков. В этих целях нелегалы переправляют за границу дорогостоящие и компактные алмазы, получившие название «конфликтных» или «кровавых», взамен на оружие, амуницию и боеприпасы. Причем это снаряжение вполне современное, включающее легкое стрелковое оружие и тяжелую боевую технику.

В результате в районах концентрации полезных ископаемых сохраняется нестабильная обстановка, негативно влияющая на созидательные процессы не только в стране, но и в Центральной Африке. В то же время природные ресурсы страны продолжают эксплуатироваться, принося определенным группам людей баснословные прибыли. По оценкам экспертов, более 80% экономики ДРК остается «теневой» и выхода из этой драматической ситуации пока никто не знает или попросту не ищет. И не только потому, что деятельность нелегалов трудно поддается контролю. Слишком тесно сплетены невиданные нити горнодобывающего бизнеса, начиная от обездоленных добытчиков до богатейших компаний Африки, Европы и Америки.

Фахрутдинова Н.З.
Институт Африки РАН, Москва, РФ

Религиозный аспект конфликтов в Судане и Алжире

В большинстве конфликтов в мире принято искать религиозные корни. И их всегда находят, особенно если эта религия ислам. Действительно, религиозное мировоззрение в мусульманских странах является господствующим, и именно оно служит мотивацией всего поведенче-

ского спектра населения. Однако анализ конфликтных событий в Судане и Алжире, пути поисков мирного урегулирования сложных социально-экономических и политических проблем и интернационализация этих конфликтов дает повод усомниться в расхожем мнении.

Пока 20 лет «трубили» о пагубности введения норм шариата в южных провинциях Судана, конфликт, сравнимый по своим масштабам с гуманитарной катастрофой, вспыхнул в Дарфуре, самом исламском регионе страны. (Подавляющее число населения – мусульмане. Правитель Дарфура – единственный, кто откликнулся на призыв Османской империи о священном джихаде против англичан в годы Первой мировой войны.)

В Алжире иная ситуация. Причина конфликта, лежащая на поверхности, – действия алжирских исламистов, стремящихся захватить власть. Но и здесь мотивы далеки от религиозных.

Вместе с тем сами мусульмане стремятся защитить себя и свою религию от обвинений в экстремизме и терроризме. Используя Коран в качестве основы, мусульманские юристы и философы развили правовую систему, доказывающую мирный характер своей религиозной идеологии и практики. Универсальная Исламская декларация прав человека заявляет, что человеческая жизнь «является священной, к защите которой должны быть приложены все усилия». В этой связи целесообразно упомянуть Мединскую конституцию, представляющую собой первый в истории документ, который выражает и регулирует цивилизованные правовые отношения между представителями различных конфессий: права иных религиозных общин в условиях мусульманского государства должны быть сохранены.

Религиозный аспект лежит на поверхности и является своеобразным фоном конфликтных событий. Истинные причины конфликтов в Судане и Алжире значительно глубже, и вскрыть их наша задача.

СЕКЦИЯ 8

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ РАЗВИТИЯ В УСЛОВИЯХ СМЕНЫ ОРИЕНТИРОВ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЭВОЛЮЦИИ

Руководители: к.и.н. Валентина Валерьевна Грибанова,
к.и.н. Наталья Александровна Жерлицына

Азербайев С.Г.
Казахский университет международных
отношений и мировых
языков имени Абылай-хана
Алматы, Казахстан

Казахстанские дипломаты в Африке и их деятельность по развитию культурных и экономических связей с СССР и Казахстаном

В докладе будет рассмотрен вопрос о деятельности казахстанских дипломатов, работавших в Африке (Египет, Мали, Марокко, Уганда, Эфиопия) по развитию культурных и экономических связей СССР с этими странами.

Будет показана роль руководимых ими советских культурных центров в изучении русского языка для подготовки африканской молодежи для обучения в вузах Советского Союза. Это дало возможность организовать подготовку профессиональных кадров для развития экономики африканских стран. Организация и проведение Дней СССР на примере одной из союзных республик способствовали ознакомлению широкой африканской общественности с жизнью народов СССР. Другой важной формой работы была организация породнения городов. Установление прямых связей между ними способствовало активизации культурного и экономического сотрудничества.

В докладе будет сделана попытка проанализировать опыт, накопленный за многие годы такого рода деятельности, с целью внедрения в настоящее время как уже известных, так и новых форм сотрудничества между отдельными африканскими странами и независимыми государствами на постсоветском пространстве. Это может придать новый импульс дву- и многостороннему взаимовыгодному сотрудничеству государств СНГ с африканскими странами.

Антошин А.В.
Екатеринбургский государственный
университет, РФ

***На путях в «Страну Мрака»:
Средневековый Урал в произведениях путешественников
и географов из Северной Африки***

История контактов России со странами и народами Африки давно привлекает внимание исследователей. Однако пока еще крайне мало работ, посвященных региональному аспекту этой проблемы. Между тем обращение к истории взаимодействия населения отдельных регионов России с народами Черного континента помогает существенно углубить наши представления об этой теме, увидеть региональную специфику развития подобных контактов. Одним из таких регионов является Урал.

Анализ сохранившихся источников и богатой исследовательской литературы показывает, что формирование представлений арабских географов и путешественников об Урале и его обитателях уходит корнями в глубокую древность. Анализируя известия арабских географов о «Стране русов» IX в., А.П. Новосельцев приходил к выводу, что эти данные могут быть связаны с Уралом. Еще некоторые историки XIX в. (Ж.Т. Рено, Д.А. Хвольсон) соотносили один из называвшихся арабами центров русов – Арсу – с Пермью. Версию о Чердыни как возможной исторической основе легенды об Арсе поддерживал известный немецкий историк Р. Хенниг. Следует отметить, что подобные известия о стране русов содержатся, например, в сочинении X в. Абу-л-Касима Ибн Хаукаля ан-Нисиби – выходца из Ирака, путешествовавшего по Северной и Центральной Африке. Наибольшую известность получило путешествие на Волгу в X в. Ахмеда ибн-Фадлана – секретаря посольства Багдадского халифа, описавшего в своем труде страну башкир. Он же указывает, что отдельные представители арабского мира в X в. постоянно проживали в Поволжье и могли почти ежедневно получать информацию о народах Урала и Приуралья. Сведения о реках и народах Южного Урала содержатся в сочинении известного арабского географа XII в. ал-Идриси, родившегося в Сеуте. Торговлю пушниной между арабами и «народами Йура» (которая обычно отождествляется с Югрой) описал живший некоторое время в Каире географ XIII в. ал-Гарнати. Пушная торговля со «Страной Мрака» привлекала внимание и знаменитого путешественника XIV в. Ибн Баттуты – уроженца Танжера, бывавшего в Алжире, Тунисе, Египте, посетившего Могадисио. Писал об «Острове Русов» и египетский автор XV–XVI в. Мухаммед ибн Ахмед ибн Ийас ал-Ханафи. Анализ этих сочинений показывает, что

уже в период Средневековья у арабских интеллектуалов Северной Африки начал формироваться образ Урала.

Банщикова А.А.
Институт Африки РАН, Москва, РФ

***К проблеме поиска «фараоновских» национальных корней
у европеизированной египетской интеллигенции
межвоенного периода***

Доклад посвящен некоторым аспектам формирования национальной самоидентификации в египетском общественном сознании XX века. С точки зрения автора, поиск национальных корней в доарабском «фараоновском» прошлом Египта частью египетской европеизированной интеллигенции был в значительной степени связан с местом Древнего Египта в представлениях самих европейцев и с распределением смыслов «цивилизация/варварство» по оппозиции «древнеегипетское/арабское» именно в европейском восприятии. Характерно, что на формирование указанного направления в среде египетской интеллигенции не оказала никакого влияния богатая собственно арабо-египетская традиция представлений о фараоновском прошлом Египта, и даже после сложения этого «древнеегиптизирующего» направления в египетской общественной мысли эта традиция никак не была им востребована. В этом лишний раз проявился вторичный, европейски ориентированный характер названного направления.

Воеводский А.В.
РГГУ, Москва, РФ

***Взгляды на межрасовые отношения африканских интеллигентов
и просветителей Южной Африки
конца XIX – первой трети XX века***

Проблема межрасовых отношений являлась ключевой в истории Южной Африки с момента начала голландской колонизации. В зарубежной и отечественной историографии эта проблема, как правило, рассматривается через призму колониализма нового времени и политики апартеида второй половины XX века. Взгляды самих африканцев на эту проблему преимущественно интерпретируются в духе Хартии свободы, принятой 26 июня 1955 г. Конгрессом народов Южной Африки.

В ней, в частности, провозглашалось, что Южная Африка должна принадлежать в равной степени как черным, так и белым, составляющим, по мнению авторов Хартии, единый южноафриканский народ. Однако, осознавая все значение, которое имеет этот документ для южноафриканской истории, нам хотелось бы обратить внимание и на другие аспекты взглядов представителей африканского населения, прежде всего образованной его части – интеллигентов и просветителей, на проблему межрасовых отношений. Период конца XIX – первой трети XX века, когда закладывается фундамент теоретического обоснования системы межрасовых отношений в Южной Африке времен апартеида, является, на наш взгляд, наиболее важным.

Для многих видных представителей африканского населения Южной Африки того времени достижение политического равноправия с белыми отнюдь не вело к нивелировке различий между расами. Несмотря на приверженность либеральным традициям, привнесенным в Южную Африку Великобританией, они не ставили себя на одну доску с белыми, но вполне осознанно отдавали им первенство в управлении страной. Африканские интеллигенты также в целом не выступали против существующей расовой иерархии в общественных отношениях, они лишь добивались ее некоторого смягчения в духе традиций так называемого «капского либерализма». Их мировоззрение определялось целым комплексом представлений, сформировавшихся под воздействием миссионерского окружения и исторических условий существования. Для многих из них было характерно убеждение, что африканцы еще не готовы к самостоятельному участию в политической жизни. Их кредо выражали слова С. Родса: «Равные права всем цивилизованным людям к югу от Замбези». Но при этом, воспринимая европейскую культуру, они стремились к сохранению своей идентичности, в конструировании которой расовая принадлежность также играла определенную роль.

Поэтому вполне понятна реакция африканской образованной элиты на распространение социалистических и коммунистических идей в Южной Африке после Первой мировой войны. В целом ее представители относились к ним враждебно и, чтобы предотвратить их распространение, сознательно шли на сотрудничество с властями. И такая ситуация сохранялась вплоть до 1940-х годов, когда на первый план политической жизни среди африканцев стали выходить новые силы, чьи представители сформировались как личности уже несколько в иной социокультурной и политической ситуации.

Грибанова В.В.
Институт Африки РАН, Москва, РФ

Развитие образования в странах юга Африки в колониальный период

История становления и развития школьного обучения в странах южноафриканского региона (таких, как Намибия, Ботсвана, Лесото, Свазиленд, Замбия и Зимбабве) берет свое начало с приходом миссионеров на эти территории. Спектр миссий, действовавших на юге Африки от различных религиозных организаций и церквей, поразительно разнообразен. Миссии Римско-католической, англиканской, и Голландской реформатской церквей, Лондонского и Уэслианского миссионерских обществ развернули свою работу во всех странах региона. Кроме того, в отдельных странах особенно активными были представители других, менее известных религиозных организаций. Так, в Юго-Западной Африке (Намибии) среди гереро и нама в основном проводили работу миссионеры Рейнского миссионерского общества, а среди овамбо – Финского миссионерского общества. В Басутоленде (Лесото) и Северной Родезии (Замбия) активно действовали сотрудники Парижского евангелического общества. В Свазиленде – миссии Объединенной церкви Южной Африки, а в Южной Родезии (Зимбабве) в отличие от других указанных стран региона – методисты и конгрегационалисты из США.

Цели, которые преследовали миссионеры, обучая африканцев, главным образом заключались в стремлении обратить их в христианство. Основным предметом изучения были основы религии. Но постепенно новообращенных стали приобщать и к европейской культуре, начинают складываться школьная программа. Большое значение придавалось трудовому воспитанию. Ученики получали профессии плотников, столяров, кузнецов, каменщиков. В целом цивилизаторская миссия служителей церкви заключалась в пропаганде европейского образа жизни. Еще одной важной задачей для миссионеров была подготовка проповедников из самих африканцев. Сначала их готовили при миссиях, но постепенно создаются духовные семинарии, послужившие основой будущих вузов.

После создания колоний и протекторатов на территории южноафриканского региона новая администрация оставила обучение местного населения в руках миссионеров, постепенно все более регулируя и контролируя их деятельность, вмешиваясь в вопросы приема учеников, квалификации учителей, учебные планы и т.д. Взамен новые власти предоставили субсидии миссионерским школам, их число значительно возросло. Кроме того, европейская администрация сразу взяла на себя

заботу об образовании детей поселенцев, на что выделялись большие средства. Появляется и законодательно закрепляется раздельная система обучения для белой, черной и цветной групп населения.

Жерлицына Н.А.
Институт Африки РАН, Москва, РФ

Борьба Туниса за национальную независимость и позиция СССР

Антиколониальное движение в Тунисе, с 1881 года лишенного Францией суверенитета, возглавила партия «Новый Дустур», созданная в 1933 г. Ее лидеры постоянно требовали от французской администрации решить вопрос о национальном суверенитете Туниса. В начале 1950-х годов положение в стране стало напряженным: в ответ на справедливые требования тунисцев французская администрация установила жесткий режим колониальной диктатуры, начались полицейские репрессии. «Новый Дустур» призвал население страны к активным формам протеста, произошли вооруженные столкновения.

Французская политика в отношении Туниса с осуждением была воспринята мировой общественностью. Группа африканских и азиатских стран внесла «тунисский вопрос» на рассмотрение ООН. Он обсуждался на VII, VIII и IX сессиях Генеральной Ассамблеи в 1952–1953 годах. Советский Союз при обсуждении в ООН вопроса о Тунисе последовательно выступал за право его народа на самоопределение и независимое развитие. Делегация СССР решительно отвергла попытку исключить из компетенции ООН вопрос об отношениях между метрополиями и колониями, предотвратив, таким образом, намерение сорвать рассмотрение тунисской проблемы. В прениях по тунисскому вопросу представители СССР привели убедительные примеры разорения страны французскими монополиями, раскрыли картину полицейского террора и нарушения Францией своих обязательств по Уставу ООН.

Поддержка Советским Союзом народа Туниса, несомненно, оказала положительное влияние на его борьбу за свободу. В 1956 г. Франция была вынуждена признать независимость Туниса.

Нвака Джефри
Университет Абиа, Утуру, Нигерия

Традиция как современная стратегия: местные обычаи как ответ глобализации в Нигерии

В настоящее время глобализация воспринимается в Африке как новая версия уже известных форм внешнего вмешательства и эксплуатации. Весьма сомнительной представляется экономическая польза данного процесса, когда благосостояние продолжает распределяться крайне неравномерно, а прогресс замедляется или вовсе обходит многие так называемые развивающиеся страны. Маршалл Салинс справедливо отметил, что все народы нуждаются в «освоении процессов глобальной модернизации, приспособлении их под свои традиции», реальное воздействие глобализации во многом зависит от реакции на местном уровне. Как сделать глобализацию приемлемой и привлекательной для Африки, как совместить внешние влияния и местную культуру управления и развития, что произошло, например, в Японии и Восточной Азии, – эти вопросы являются сегодня основополагающими.

Долгое время африканские традиции и обычаи принято было считать иррациональными и несовместимыми с привычными формами стратегий развития. Но экономический кризис и политические провалы в 1980-х и 1990-х годах, а также текущая угроза глобальной рецессии продемонстрировали провал западной, неолиберальной модели развития, которая прежде навязывалась национальным правительствам международными агентствами по глобальному развитию. Из-за растущей обеспокоенности распространением бедности, неравенства и ухудшением экологической ситуации возобновился интерес к альтернативным моделям развития, учитывающим культурную составляющую, и к недооцененному ранее потенциалу местных знаний и традиций. В данном докладе рассматривается возможность использования этого потенциала в Нигерии, необходимость учета национальных приоритетов в программах развития и управления, особенно в таких важных областях, как сельское хозяйство, подготовка национальных кадров, совершенствование законодательства, разрешение конфликтов, образование, здравоохранение и борьба с бедностью. Национальные традиции должны использоваться для переосмысления программ развития, для вовлечения местного населения в эти процессы.

Автор приходит к выводу, что национальные традиции являются достойным ответом на вызовы глобализации и доминирования Запада, а также путем обеспечения культурной идентичности и культурного диалога в Африке в целом. В ходе глобализации требуется учитывать куль-

турные различия, создавать возможности для преодоления неравенства внутри нации и между ними, усиливая всеобщую солидарность.

Ронин В.К.
Институт им. Леонарда Лессия,
Антверпен, Бельгия

**«Все это не вернет нам Конго».
50-летие деколонизации и Бельгия**

Первые годы независимости бывшего Бельгийского Конго, с политическими потрясениями, вспышками насилия и быстрым упадком колониальной экономики, нанесли бельгийскому обществу тяжелую травму. Психологическая связь с бывшей колонией была подорвана. В 70–80-е годы, после «заиризации» экономики, разочарованные бельгийцы практически отвернулись от Африки. После 1990 г. даже многие программы помощи были свернуты, а политический диалог между Брюсселем и Киншасой заглох. Стало казаться, что последний интерес к Конго со стороны бельгийских медиа и общества иссякает. В университетах африканистика почти сошла на нет. Королевский Музей Центральной Африки в Тервюрене, под Брюсселем, прозябал, всеми забытый и мало посещаемый.

В 2000 г. парламентское расследование о роли Бельгии в убийстве Патриса Лумумбы, а в 2003–2004 гг. британский фильм о «геноциде» конголезцев при Леопольде II оживили ненадолго внимание бельгийцев к африканской странице их истории. Но в последующие годы лишь телепрограмма «Tout ça (ne nous rendra pas le Congo)», не имеющая ни малейшего отношения ни к истории, ни к Африке, еще напоминала франкоязычной части бельгийцев, что у их страны была когда-то колония. 100-летие официального провозглашения Конго бельгийской колонией (2008) прошло абсолютно незамеченным, если не считать выпуска посвященной этому событию почтовой марки.

50-летие независимости ДРК незамеченным не осталось. Май и июнь 2010 г. как во фламандских, так и в валлонских медиа прошли под знаком предстоящего юбилея. Поездке короля бельгийцев на торжества в Киншасу предшествовала бурная политическая полемика в парламенте Бельгии о том, уместен ли такой визит в государство, где царит коррупция и грубо нарушаются права человека. Книга «Конго: история» фламандца Давида Ван Реймбука (2010) заняла третье место в списке бестселлеров года. Однако что характерно для восприятия этого «юбилея без праздника» в бельгийском обществе?

– Отсутствие *исторического контекста*. События в Конго 60-х годов видятся как нечто уникальное, как нечто приключившееся только с «нами».

– «Бельго-бельгийский» характер дебатов о 50-летию деколонизации. В них доминировали *внутриполитические* конфликты (левые против правых; фламандское общественное мнение против общественного мнения во франкоязычной части Бельгии; ветераны колониального дела против равнодушной к прошлому молодежи).

– Явная или неявная *ностальгия*. В публикациях, документальных фильмах, на фотовыставках и даже в репортажах о путешествии журналистов по сегодняшней Центральной Африке преобладали воспоминания о «нашем» Конго, об эпохе до 1960 года и приоритетный интерес к тому, что от этой эпохи осталось. Интерес к Конго как таковому, вне связи с бельгийцами, было проявлено очень мало.

– *Негативистские, пессимистические* акценты в освещении 50-летнего пути независимого Конго и его современного положения. Ключевые слова – развал, упадок, плохое управление, выживание населения, предоставленного самому себе... Внимание к художественным достижениям конголезцев, их гражданским инициативам, системе образования и т.п. заметно лишь в среде специалистов.

– Всплеск интереса к бывшей колонии в 2010 г. оказался почти целиком *сконцентрирован* вокруг 30 июня, вокруг собственно юбилея. И, как можно констатировать полгода спустя, ничего не изменил в той глубокой отстраненности и безразличии, которые испытывает сегодня по отношению к Конго бельгийское общество, особенно молодежь. В октябре того же года королева бельгийцев, выходя из музея в Тервюрене, встретила группу франкоязычных школьников из Брюсселя. Их привезли в музей, но они не знали – какой. «C'est un musée de l'Afrique», – объяснила им королева. Школьники не поняли: «Un musée de la frite?»...

Рябова В.И.
Москва, РФ

Современные православные приходы на юге Африки

Православные приходы на юге Африки представлены греческой и русской церквями. Появились они лишь во второй половине XX века на фоне преобладания католических храмов. Мощным стимулом развития православия стало существование русской диаспоры. Первые православные общины возникли в ЮАР, Зимбабве, на Мадагаскаре и Маврикии, затем в Замбии и Мозамбике.

В 1967 г. диаспорой малоазийских греков с разрешения португальских властей была построена церковь архангела Гавриила. Этот приход в Мапуту, активно посещаемый русской диаспорой, подчинен патриархии Александрии. В 1990-е годы в связи с демократизацией общества в Мозамбике была объявлена свобода вероисповедания. До 2007 г. в церковно-административном отношении православная община находилась под юрисдикцией архиепископа Зимбабве Владимира (г. Хараре). В настоящее время в Мозамбике утвержден епископат. Поскольку русских православных в храме часто бывает даже больше, чем греков, эта церковь стала как бы резиденцией Русской православной церкви в Мапуту.

В Южной Африке в 1950-е годы центром церковной православной жизни стал город Йоханнесбург. В 1961 г. был арендован дом, в котором начала работать Свято-Владимирская церковь. Вскоре общины возникли в Дурбане и столицах окружающих стран: Солсбери (Родезия), Найроби (Кения), а также в Лоренцо-Маркише (Мозамбик).

Благоприятным условием для развития приходов стало подписание в мае 2007 г. Договора об объединении Русской православной церкви и РПЦ за рубежом, что положило конец расколу единой Русской православной церкви.

Еще в ноябре 2003 г. была создана Рабочая группа в качестве основного механизма координации действий МИД и РПЦ. За последние годы была проведена колоссальная работа по сохранению имеющихся храмов за рубежом. Помимо восстановления старых шло строительство новых храмов, в том числе Свято-Сергиевского храма в Йоханнесбурге. В 2003 г. митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл участвовал в освящении храма Сергия Радонежского.

Православные приходы на юге Африки являются существенной частью культурной жизни современной российской диаспоры, связующим звеном в системе Русской православной церкви в условиях изменения ориентиров в общественной жизни.

Сидорова Г.М.
Институт Африки РАН, Москва, РФ

Этнополитические противоречия и конфликты в Африке (на примере ДР Конго)

Этнополитические противоречия в Конго-Киншасе имеют давние корни. Они связаны не только с колониальным прошлым, когда были искусственно определены границы государств и родственные народы оказались разделены между собой, но и с давними территориальными

конфликтами. Особенно острая борьба между этносами ведется в восточных провинциях ДРК, например, между хема и ленду, где не затухают, помимо этого, и военные конфликты. Сегодня 70-миллионное население страны насчитывает более 450 этносов. Одни из них мирно уживаются с соседями, другие стремятся доминировать или вытеснить нежелательные этносы с их традиционных земель, как, например, хема и ленду в Восточной провинции.

Одной из проблем современного Конго-Киншасы остается вопрос о так называемых баньямуленге. Поселения баньямуленге в приграничных с Руандой, Бурунди и Угандой районах возникли в результате длительных миграционных процессов, начиная с XVI века. Сначала они были связаны с освоением обширных конголезских земель, в колониальный период – с вынужденным переселением их европейцами, в более поздний период – с геноцидом 1993 г. в Руанде, когда за власть боролись тутси и хуту. Баньямуленге насчитывается не более 1% от общего числа населения Конго-Киншасы. Тем не менее вопрос об их правах и защите постоянно муссируется в правительственных органах ДРК. Эта проблема настолько политизирована, что выходит порой за рамки всякой политкорректности. К примеру, дезертир армии генерал Нкунда не раз провоцировал вооруженные конфликты, выступая якобы в защиту баньямуленге.

Этнические проблемы Конго-Киншасы выходят далеко за границы собственной страны. Жестоким свидетельством тому стал геноцид в Руанде 1993 г., в результате которого погибли миллионы людей. Эхо тех кровавых событий отражается и сегодня на взаимоотношениях этих двух стран-соседей. Дело в том, что остатки руандийской армии, скрывающиеся от правосудия на территории Конго-Киншасы, принадлежащие к этносу хуту, на протяжении длительного времени продолжают бесчинства в отношении конголезцев. В то же время власти Руанды опасаются их принять в свое «лоно», поскольку боевики требуют не только репатриации, но и участия в политическом процессе страны. Вопрос этот – затянувшийся и, возможно, потребует более радикальных мер со стороны правительства Конго-Киншасы.

Этнические проблемы тесно связаны с вопросом о национальности, который до сих пор остается не решенным, несмотря на действующую Конституцию и принятый Закон о национальности. На политической повестке дня встают вопросы, например, о так называемой чистоте конголезской нации. Эти вопросы обсуждают в парламенте, на заседаниях специальных комиссий по национальному вопросу, но, как правило, заходят в тупик или откладывают их на неопределенное время.

Этнические проблемы создают благоприятную почву для различного рода политических манипуляций, интриг и военных конфликтов и в конечном итоге тормозят развитие демократических основ страны.

Отношение к животным в африканской культуре и мифологии

Животный мир Африки велик и многообразен. Животные играют большую роль в жизни людей. Фольклор, танцы, маскарадные действия, изобразительное искусство, религиозные верования африканцев наполнены образами животных. Звери и птицы – ближайшие соседи людей. Люди используют животных при проведении религиозных культов, обрядов, праздников, в медицине и в меньшей степени для питания и хозяйственных нужд.

Животный мир Африки состоит из домашних и диких животных. Многие народы Африки не проводят между ними четкого разграничения. Например, фульбе всех животных делят на три большие группы: домашние, водные и земные.

Согласно мифологическим представлениям африканцев, существует несколько классов животных: животные как вид, священные животные, животные духи и животные хама. Животные как вид не несут никакого культового и религиозного значения. Их используют для питания, одежды и других нужд и потребностей человека. К священным относятся животные, которым приписывают связь отдельного рода и человека. Африканцы, как и другие народы мира, использовали в качестве символа племенных групп животных. Священные животные были окружены строгой табуацией. Запрещалось их убивать, есть, а также было принято избегать соприкосновения с ними. Образ священного животного восходит к образу тотемического предка. Животные духи – это животные, которые являются объектами ритуалов и культов. Считается, что эти животные являются умершими родственниками, их почитают, называют дядей, братом и т.д. По мнению лега, панголин (Manisgigantean) есть старший их брат, он объединяет членов рода, а также родственников по материнской линии.

К животным хама относятся разного вида животные, непригодные к употреблению. Во-первых, это все плотоядные животные; во-вторых, «грязные животные», имеющие плохой запах, вызывающие неприятные ощущения (трупы животных, черви, паразиты). В-третьих, животные, которых не используют в пищу определенные слои людей или воздерживаются от употребления их во время какого-то ритуала или праздника. В-четвертых, это животные, имеющие двусмысленное значение т.е. полуживотное, полуптица, например, белка летяга. К этой категории часто относят змей, лягушек и жаб. Необычное поведение этих животных, которое не входит в общие правила поведения земных, водных или воз-

душных животных, расценивается как запрет на их употребление. Таким образом, животные являются неотъемлемой частью культурной, религиозной и обыденной жизни африканцев.

Камерун: культурное наследие и музейные коллекции

Одним из важных средств сохранения, изучения и репрезентации историко-культурного наследия народов Африки являются этнографические музеи. Собрания музеев служат источником для расширения наших знаний об африканских странах и их населении, об их прошлом и настоящем, отражают современные тенденции культуры африканцев. Более того, сами музейные коллекции могут выступать в качестве исторического документа, поскольку их состав и обстоятельства формирования свидетельствуют о соответствующих периодах истории народов и государств Африканского континента, будь то доколониальная, колониальная или постколониальная эпохи. Знакомство с этнографическими памятниками и современными артефактами способствует лучшему пониманию других культур и социумов и в конечном итоге становится необходимым условием для выстраивания международных отношений, налаживания культурных связей и общественных контактов, развития туризма.

Весьма интересен и показателен в этом плане пример Камеруна. В ряде стран мира коллекции по этнографии и искусству Камеруна входят в состав общественных и частных собраний по культуре африканских народов. Среди наиболее крупных камерунских этнографических музейных собраний – европейские (особенно в Германии) и североамериканские. Эти коллекции представляют наглядную демонстрацию этнокультурной мозаичности, богатства и разнообразия художественных стилей и традиций народов Камеруна.

В России в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук имеется довольно обширное и ценное в научном и эстетическом плане собрание этнографических предметов из Камеруна. Эти коллекции знакомят специалистов-исследователей и посетителей музея с социальной организацией, хозяйством, повседневным бытом, религиозными представлениями, искусством и другими сферами культуры народов различных регионов страны.

В самом Камеруне также функционируют музеи, в которых собраны предметы культуры и быта местных этнических групп. Эти музеи

служат важным фактором общественного и культурного развития населения Камеруна, формирования этнокультурных брендов регионов, привлечения туристов. Собрания камерунских музеев приобретают международную известность (например, памятники истории и культуры бамум, хранящиеся в музее при султанском дворце в г. Фумбан).

В докладе на конкретных примерах этнографических музейных артефактов рассматривается феномен сохранения и репрезентации памятников историко-культурного наследия африканских народов в условиях глобализации, затрагивается тема современных процессов общественных трансформаций.

Хачатурьян М.Л.
Институт языкознания РАН,
Французский университетский колледж,
Москва, РФ

Формирование традиционного африканского костюма под европейским влиянием

Темой данного доклада является история формирования традиционного костюма народов Африки под влиянием контактов с европейцами.

Доклад будет состоять из следующих частей:

1. Венецианское и богемское стекло. Стекланные бусины играли важнейшую роль в работоторговле в Западной Африке, поскольку служили основной бартерной единицей. Их популярность объясняется, с одной стороны, существовавшей в Западной Африке традицией использовать каури в качестве денежной единицы (таким образом, бусины оказываются «усовершенствованными каури»), а с другой стороны, дешевой производством. Расцвет торговли бусинами приходится на 1850–1940 гг. Бусины использовались не только в качестве украшения, но также в ритуальных целях. В 60-х годах в США возникла мода на бусины, так что примерно 75% бусин было вывезено из Африки, сейчас они в большой цене у коллекционеров, даже существует специальный рынок африканских бусин в Гонконге, ориентированный на японцев.

2. Чешский бисер в современной Африке. Обильно используется в национальном костюме зулусов, а также народов долины Омо в Эфиопии, причем в весьма различной форме: в Южной Африке это накидки, расшитые головные уборы, объемные браслеты на руки, на ноги, кольца, плетеные набедренные повязки, в Эфиопии это расшитые шкуры, бусы, а также простые диадемы и плоские браслеты. Количество бисера, используемого в том и в другом случае, отличается в разы, что наглядно демонстрирует различия в экономической ситуации. В Эфиопии бисер

начали использовать в 90-е годы XX века, это, очевидно, связано с изменением политической ситуации. Когда подобная традиция зародилась в ЮАР, источники не указывают. Очевидно, что во всех этих случаях бисер заменил местные материалы: скорлупу страусовых яиц, кусочки дерева, металла, бобы, семена, в Эфиопии наглядно можно наблюдать процесс замещения – например, племя нянгатом использует смешанные материалы.

3. Батик в Западной Африке. Традиционно изготавливается на Яве, в Африке появился во второй половине XIX века после того, как голландцы наладили его промышленное производство и безуспешно пытались продавать в своих индийских колониях. В Западной Африке, напротив, он приобрел огромную популярность и в некоторых областях практически полностью заменил традиционный текстиль. В последнее десятилетие к индустрии батика активно подключились китайцы, заполнив рынок «подделками», которые интересным образом встраиваются в систему социоэкономической интерпретации одежды.

4. Влияние на диаспоры. Традиционный африканский текстиль мигрирует вместе с самими африканцами в страны Европы и в США. Батик популярен в диаспорах выходцев из французских колоний, тогда как традиционный текстиль Ганы стал важным символом афроамериканской идентичности.

5. Европейская готовая одежда в контексте традиционной.

Хохлова В.П.
Институт Африки РАН, Москва, РФ

Некоторые аспекты пребывания россиянок в Африке в межвоенный период

Волею судеб на Африканском континенте в 20–30-е годы XX в. оказалось немалое число наших соотечественниц. По приблизительным подсчетам, – не одна тысяча. Их пути в Африку (в основном в страны Северной Африки) были очень разными. Многих заставили покинуть родину трагические события в России в 1917–20 гг. Будучи медсестрами в Добровольческой армии, дочерьми или женами офицеров, они последовали за ними в изгнание. Сначала переехав в Турцию или страны Восточной Европы, а затем, следуя за мужьями, получившими по контракту место врачей, инженеров, строителей, геологов и т.д., они оказывались в Африке. Кто-то попал на континент еще ребенком, некоторые побывали в качестве путешественниц или в составе гастрольных трупп.

Среди них было много широко образованных, знавших несколько языков, закончивших в России высшие учебные заведения, курсы, кон-

серваторию. Область их интересов была разнообразна. Они были художницами, писательницами и поэтессами, журналистами, врачами. Принимали активное участие в культурной жизни, устраивали благотворительные вечера.

Русские женщины разделили с мужчинами нелегкую участь эмигрантов. А, кроме того, они воспитывали детей так, чтобы те оставались русскими по духу, знали свою культуру и язык. Многие россиянки, оказавшись в Африке, были вынуждены сами зарабатывать на хлеб насущный.

Цель доклада состоит в том, чтобы осветить неизвестные ранее обстоятельства биографий россиянок, побывавших или живших в Африке в указанный период.

Чиняков М.К.
МПУ, Москва, РФ

Французские колониальные африканские войска в боевых действиях в Европе во время Первой мировой войны (1914–1918)

События Первой мировой войны (Великой войны) до недавнего времени представлялись отечественной историографией только прологом к Великой Октябрьской социалистической революции. Только в последнее время необычайно возросло внимание к детальному постижению многочисленных проблем, так или иначе связанных с Первой мировой войной, потрясшей до основания устои Европы и всего мира. Однако, несмотря на многие позитивные успехи в деле изучения военной истории Великой войны, до сих пор вне внимания российской исторической науки остаются вопросы, касающиеся участия различных воинских формирований стран Антанты в борьбе против войск Центральных держав на Западно-европейском театре военных действий, в частности, проблемы, связанные с участием французских колониальных войск.

В докладе будут рассматриваться такие вопросы, как формирование, набор во французские колониальные африканские войска; взгляды французских теоретиков на использование колониальных частей: до и во время войны; состав французских колониальных войск во время войны; участие в боевых действиях; общие боевые потери; особенности службы, быта, отношений с местным населением.

В целом доклад представляет собой первую попытку в отечественной историографии комплексного осмысления участия французских колониальных африканских войск и их огромного вклада в дело победы Антанты над Центральными державами.

СЕКЦИЯ 9

ГЕНДЕР И ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В АФРИКЕ XXI ВЕКА: НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Руководители: д.и.н. Наталия Леонидовна Крылова,
к.и.н. Наталия Александровна Ксенофонтова

Айо Пиманова Т.
Кот-д'Ивуар

Особенности гендерной политики в Кот-д'Ивуаре

Гендерные отношения в Кот-д'Ивуаре складывались на протяжении веков. Один из ярких примеров эффективной власти женщины уже в XVIII веке – деятельность принцессы Абла Поку. Во время колониального периода марш протеста в Кот-д'Ивуаре женщин в феврале 1949 г. в Гранд Бассам, требовавших освобождения своих мужей, свидетельствует об их политической активности. Характер гендерных отношений проявляется и в женских образах в современной литературе Кот-д'Ивуара («Women's destiny: between the fiction and reality of Ververe Liking and Tanella Boni», by Abomo-Moren Mary-Rose, 2007).

Сразу после получения независимости в Кот-д'Ивуаре активность женщин заметно возросла. Во многом это было связано с тем, что они получили право голоса; тогда же начали создаваться женские организации. Ассоциация женщин Кот-д'Ивуара (AIW), созданная в 1963 г., позволила привлечь женщин к социальной и политической деятельности. Следует отметить также Международную ассоциацию женщин в Кот-д'Ивуаре (IWACI), созданную в 1966 г. Она занимается проблемами женщин, права которых гарантированы Конституцией.

Желание правительства Республики Кот-д'Ивуар обеспечить достойное место женщине в экономических и социальных процессах развития страны осуществилось сразу же после ратификации ряда конвенций, соглашений и контрактов, как на местных, так и на международном уровнях (Конвенция ООН от 19 декабря 1995 года). Тогда же было создано более 20 женских неправительственных организаций; вместе они образуют густую сеть организаций ивуарийских женщин (IWon).

Министерство по делам семьи, женщин и социальных проблем включило в свою программу практические мероприятия по гендерному

взаимодействию, которое особенно важно в период кризиса. В 2005 г. при участии ООН была принята Программа развития Кот-д'Ивуара, направленная на содействие гендерному равенству (DegP) и гендерной самореализации. С 2006 г. DegP начинает претворять в жизнь Резолюцию ООН № 1325, согласно которой в государственных органах страны должно быть не менее 30% женщин. Комитет по борьбе с насилием в отношении женщин и детей, созданный еще в 2000 году, до ратификации резолюции № 1325, также активно занимается гендерными вопросами.

Беляков В.В.
Институт востоковедения РАН,
Москва, РФ

Политическое представительство женщин в исламском обществе: опыт Египта

Быстрое социально-экономическое развитие многих государств с преимущественно мусульманским населением все больше вовлекает женщин в общественную жизнь. Подобный процесс происходит и в крупнейшей арабской стране – Египте. Женщины не только трудятся практически во всех сферах народного хозяйства Египта, но и занимают крупные государственные посты, включая министерские. Однако их политическое представительство до последнего времени было равно практически нулю. Женщины не имели шансов быть избранными в Народное собрание (парламент) страны, что ущемляло их право участвовать в выработке законодательства по таким волнующим их вопросам, как брак и семья, защита материнства и детства, образование и здравоохранение.

Чтобы исправить ситуацию, руководство Египта сочло целесообразным установить квоту на представительство женщин в парламенте. Летом 2009 г. был принят закон, увеличивающий число избираемых депутатов Народного собрания на 64 человека (с 444 до 508, еще 10 назначает президент), причем все эти места отводятся женщинам. На основе этого закона в ноябре 2010 г. состоялись очередные парламентские выборы. В докладе анализируются результаты этих выборов и первые итоги работы «женской фракции» в египетском парламенте.

Гришина Н.В.
Институт Африки РАН, Москва, РФ

ЮАР: неравенство и бедность в гендерном измерении

С момента перехода государственной власти от Национальной партии к Африканскому национальному конгрессу прошло уже более 15 лет. За это время в стране на официальном уровне был провозглашен принцип равенства рас.

Однако разновекторные тенденции социального, политического и экономического развития страны показали несостоятельность этого принципа.

Принято считать, что наиболее бесправной частью южноафриканского общества являются чернокожие женщины в силу их ограниченного доступа к образованию и традиционно вторичной роли в принятии решений на всех уровнях.

Как правило, ситуация, сложившаяся в среде белых граждан страны, не рассматривается, т.к. эту категорию населения относят к относительно благополучной по сравнению с черными. В то же время нередки случаи, когда представители белой расы, как мужчины, так и женщины, серьезно ущемляются в своих правах.

Некоторые законы, принятые в последние годы, целенаправленно дискриминируют белое население.

Это касается права на выбор места жительства, работу и даже проведение досуга. Уровень жизни большинства белых граждан ЮАР постепенно и неуклонно снижается, что, в частности, приводит многих из них к решению эмигрировать целыми семьями в более безопасные и благоприятные регионы Африки и за ее пределы.

Таким образом, самая экономически развитая страна континента теряет в лице белых эмигрантов высококвалифицированные кадры: учителей, врачей, научных работников, фермеров.

Громова О.Б.
Институт Африки РАН, Москва, РФ

Торговля женщинами и детьми в Африке

Международное определение торговли людьми дано в Палермском Протоколе (к Конвенции ООН от 1997 г.) «О предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее».

Humantrafficking, или торговля людьми широко распространена в разных частях планеты, в том числе и на Африканском континенте.

Ежегодно через границы государств переправляется более 1 млн жертв торговли «живым товаром», а оценка торговли людьми внутри стран составляет от 2-х и более миллионов человек. Субсахарская Африка занимает одно из первых мест в мире по масштабам торговли людьми, превратившись в один из центров организованной деятельности в этом направлении.

Торговля людьми вызвана, прежде всего и в основном, расширением масштабов крайней бедности, безработицы и незанятости в регионе. Трафик людей – серьезный подрыв потенциала людских ресурсов как одного из необходимых условий социально-экономической трансформации и модернизации африканского общества.

Женщины и дети Африки – основные жертвы торговли «живым товаром» в целях сексуальной эксплуатации, принудительного труда и домашнего рабства. Торговля женщинами и детьми в Африке совершается как внутри страны, так и с пересечением государственных границ, на межстрановом и региональном уровне, с выходом за пределы континента. Большинство государств выступает одновременно как страны-реципиенты, поставщики и транзиторы. Особая ситуация с торговлей людьми наблюдается на Юге Африки. Криминальная торговля процветает в южноафриканском субрегионе с центром в ЮАР в качестве субрегионального «магнита» и основной страны приема женщин – жертв трафика (не только из прочих частей континента, но и других регионов мира).

Африканским правительствам пока не удастся существенно противостоять распространению торговли людьми на континенте. Этому мешает, в частности, ряд причин социально-экономического порядка, особенно растущая бедность и внушительные масштабы безработицы и незанятости населения.

Дронова Д.А., Бутовская М.Л.
Институт этнологии и
антропологии РАН, Москва, РФ

*Матримониальные отношения индийцев диаспоры Танзании (Дар-эс-Салам)**

При выборе брачной пары индийцы следуют жестким правилам, и чаще всего партнера ищут родители, после чего заключается брак поговору. Однако существуют некоторые региональные особенности в

матримониальной сфере. Так, в Северной Индии брак заключается в пределах эндогамной общности (касты или подкасты), но вне экзогамной группы (готры) (Куценков 1983: 31). В Южной Индии среди инду-сов и индийских мусульман распространены кросскузенные браки и брачные союзы между другими родственниками (Альбедиль 2005: 357). Описанная выше система действует в Индии. Что же происходит в индийской диаспоре Дар-эс-Салама? Для ответа на этот вопрос нами осуществлен сбор материала в ходе полевого экспедиционного выезда в Танзанию в августе-октябре 2010 г. Было собрано 235 анкет и записано более 30 интервью.

Было установлено, что традиционная система матримониальных отношений сохраняется и практикуется внутри индийской диаспоры Дар-эс-Салама в наши дни. Продолжается процесс брачной миграции. Не заключаются межэтнические браки с представителями как африканского, так и европейского населения, несмотря на то, что многие индийцы имеют друзей из числа местных жителей. Нами зафиксированы: тенденция к самостоятельному выбору партнера для брака, наличие расширенной семьи, патрилокальность, повышение возраста вступления в брак, снижение среднего числа детей на семью (семейная пара предпочитает иметь не более 2 детей). Наши данные свидетельствуют о том, что стратегии выбора брачного партнера представителями индийской диаспоры соответствуют эволюционным положениям. Мужские и женские предпочтения индийцев, подтвержденные в других обществах (Бутовская, Смирнов 2003; Бутовская и др. 2008; Buss 1989, 1998; Mealey 2000), согласуются с теориями сексуальных стратегий (Simons 1979) и родительского вклада (Kenrick 1990; Trivers 1972). Индийская культура вносит важные дополнительные критерии выбора брачного партнера, например, кастовая и религиозная принадлежность.

Ильина Н.Ю.
РУДН, Москва, РФ

Нигерийские писательницы о проблемах общества

В настоящее время в Нигерии наблюдается подъем женской литературы: существенный объем в литературном процессе этой крупнейшей западноафриканской страны занимает художественная проза, созданная нигерийскими писательницами. Нравственное пробуждение и социальное раскрепощение женщины являются главной темой произведений этих авторов, в которых они, обращаясь к читателям, обществу и государству говорят, что униженное положение женщины – нарушение

* Исследование выполнено при поддержке РГНФ, грант 08-01-00015а.

естественного права гражданина на свободу и имеет роковые последствия для общества.

Одна из крупнейших писательниц Нигерии, лауреат многих литературных премий Ифеома Окойе в книге «“Суд” и другие рассказы» (2005) обращается к злободневной для африканок теме – тяжелой судьбе вдовства и призывает ликвидировать такие пережитки прошлого, как воспитание детей после смерти отца семьей его родственников или вхождение женщины после смерти супруга в семью его брата на правах очередной жены, как того требовал традиционный обычай.

Молодая нигерийская писательница Кайн Агари, получившая несколько литературных премий у себя на родине за роман «Желтая-Желтая» (2006) возглавляет в Лагосе неправительственную организацию по защите прав человека и является главным редактором журнала, выпускаемого этой организацией. Роман «Желтая-Желтая» является художественным документом и социальным комментарием трагических событий, происшедших в годы правления генерала Абачи в дельте реки Нигер, когда в результате аварии на нефтепроводе были уничтожены гектары плодородной земли, и жители деревень остались без средств к существованию. В центре повествования – судьба Зилиефы, рожденной от союза матери-африканки и отца-грека (отсюда название произведения, говорящее о цвете кожи героини), экспата, работавшего в богатом нефтью районе дельты Нигера. Роман – о сложной женской судьбе, о поиске своего места в жизни. При вручении писательнице нигерийской премии по литературе в 2008 году за это произведение, председатель жюри профессор Айю Баньо отметил, что проблематика романа выходит за рамки двух важных тем современного нигерийского дискурса – трагических последствий экономической эксплуатации дельты реки Нигер и маргинального положения женщин в нигерийском обществе – и затрагивает серьезные экономические и исторические вопросы.

Профессор Акачи Адимора-Эзеигбо из Университета Лагоса является одной из самых ярких представительниц литераторов страны. В романе «Проданная» (2008) затронута актуальная тема продажи в сексуальное рабство молодых африканок и их вывоз путем обмана, шантажа и насилия в Европу. Героиня романа Ннеома проходит путь от неопытной наивной девушки, которую вывезли в Италию для проституции, до самостоятельной, зрелой женщины, которая возвращается домой, мечтает об университете и претворяет свою мечту в жизнь. А. Эзеигбо видит непосредственную связь между проблемой сексуальной торговли и распространением пандемии ВИЧ/СПИДА в Африке и говорит о необходимости заботы о здоровье и благополучии девушек и молодых женщин, в основе решения которой лежит образование.

Акачи Эзеигбо отмечает вклад своих соотечественников в решение проблемы. Так, в деятельности по моральной реабилитации нигерий-

ских женщин, втянутых в сексуальное рабство в Европе, в программе по их депортации на родину принимали участие госпожа Эки Игбиндион, супруга губернатора штата Идо, и госпожа Тити Атику Абубакар, супруга бывшего вице-президента Нигерии.

Писательница, создавшая за 17 лет 19 произведений, на презентации своих четырех книг в июне 2009 года в Университете Лагоса произнесла речь, в которой выразила чаяния всех литераторов Нигерии. Она отметила, что писатели счастливы, когда их работы признаны и оценены не только обществом, но и правительством; тогда литераторы получают стимул для долгой литературной деятельности, чтобы содействовать улучшению общества.

Крылова Н.Л.
Институт Африки РАН, Москва, РФ

Русские женщины в Африке: бороться или интегрироваться?

Тема доклада – общественный потенциал россиянок в развивающихся странах Африки. Это – весьма своеобразный контингент, и в структуре «зарубежья» в принятом смысле слова занимает особое положение, по некоторым чертам и признакам сближаясь с ним, но вместе с тем не тождественный последнему. В эту группу входят, прежде всего, природно русские и русскоязычные женщины, состоящие в браке с жителями африканских стран и постоянно проживающие на африканском континенте.

Известно, что уровень общественной активности женщин непосредственно определяется состоянием социально-экономических проблем в обществе, уровнем жизни самой женщины и ее семьи, страхом потерять работу или расположение семьи, ростом социальной напряженности в обществе, наконец, естественным стремлением матери защитить своих детей. Это сплачивает и объединяет женщин, ведет к необходимости участия в акциях социального протеста, в деятельности партий, различных движений, массовых объединений, особенно в переходные периоды общественного развития.

Исследуемая группа женщин заметно отличается своеобразием гражданского и социального статусов, объективно сужающих возможности борьбы за свои интересы теми способами, которые приняты у современных женщин, решающих свои проблемы на исторической родине или на родине мужа-африканца. На проявление общественной активности наших соотечественниц, пытающихся строить свои объединения за рубежом, воздействует ряд специфических факторов, создающих

дополнительную социальную и психологическую нагрузку. Среди них одно из первых мест занимает состояние взаимоотношений между их Родиной и страной пребывания. Также целая группа обстоятельств – историко-культурная и конфессиональная традиция принимающего общества, изолированность (вынужденная или сознательная) внутри семьи; индивидуальные особенности, зависящие от темперамента и характера конкретной женщины и проявляемые в условиях чужой культуры; учет профессиональных интересов и личных склонностей мужа-африканца и многое другое – определяют в конечном итоге решение женщины участвовать в подобных объединениях. Наконец, женщины не могут не осознавать, что при известном ухудшении общего социально-политического положения, росте социальной конкуренции такое сообщество может стать выпускным клапаном для недовольства местного населения, способно проявиться в любых формах. Эти и другие причины способны снизить уровень общественной активности данной общины.

Тем не менее современные формы ее самоорганизации, несомненно объединяющие своих членов общими интересами, общей идеей (как в длительном, так и в кратком временном пространстве), дают основание использовать в данном случае категорию «женское движение».

Ксенофонтова Н.А.
Институт Африки РАН, Москва, РФ

Гендерные исследования в контексте глобальных проблем современности

В последние десятилетия XX в. и в начале XXI в. гендерные исследования стали широко распространенным направлением в гуманитарной науке. Поворот к ним в мировой историографии свершился в середине 1970-х годов. В России же более или менее серьезные публикации на эту тему стали появляться лишь в 90-е годы.

К началу нынешнего века женская и гендерная проблематика стала почти обязательной темой многих международных и отечественных конференций, женские исследования (феминология) включены в Государственный образовательный стандарт; появились специальные периодические издания и научные серии, в том числе серия «Гендерные исследования Института Африки РАН» (на 2010 год выпущено 12 томов).

Представители отечественной африканистики (и в первую очередь сотрудники Института Африки РАН) оказались в первых рядах ученых, разрабатывающих эти темы и использующих гендер как новый метод и методологию научного познания.

Созданная 20 лет назад группа гендерных исследований сосредоточила вокруг себя не только энтузиастов из Института Африки РАН, но их коллег из других научных и образовательных учреждений России, ближнего и дальнего зарубежья, стран Африки, объединенных общими задачами и проектами. За этот период силами группы подготовлен не один десяток индивидуальных и коллективных монографий, сборников и докладов.

Толчком к возникновению интереса к гендерным исследованиям стали статьи и книги Л.Е. Куббеля, В.Б. Иорданского, И.В. Сеницыной, В.А. Бейлиса, Н.А. Ксенофонтовой и других ученых, опубликованные в 60–80-е годы прошлого столетия и заложившие фундамент нового научного направления в дискурсе африканских исследований.

Начиная с середины 80-х годов наступает новый период в разработке этих проблем отечественными африканистами, которые не ограничивались только изучением жизни женщин, а ставили вопрос шире – их интересовали проблемы *гендера*. То есть комплексное исследование особенностей развития общества посредством глубокого анализа взаимоотношения и взаимодействия полов и поколений в экономической и социальной, политической и духовной сферах жизни.

В это же время возникает еще одно очень актуальное направление – исследование историй русских женщин, в разное время вышедших замуж за африканских граждан и поселившихся в Африке, а также судеб женщин, волею случая попавших на чужбину в разные периоды эмиграции.

На протяжении последних 20 лет для подобных исследований характерен отход от описания чисто «женских историй», укрупнение проблемных тем, стремление к стереоскопичности описания действительности. Вот название некоторых тематических направлений: «изменение систем ценностей и статусно-ролевых функций мужчин и женщин на переломных этапах истории и культуры»; «изменение гендерного сознания и борьба женщин за равные права и возможности»; «“женские” и “мужские” интересы в контексте социально-политических и экономических изменений»; «женщины в политической системе общества и правовой аспект гендерных отношений»; «смешанные браки и проблемы отцов и детей», «взаимоотношение полов на перекрестке культур», «деятельность правительств мусульманских государств по созданию правового поля для гармонизации гендерных отношений».

Существенное отличие российских исследователей от многих западных феминологов состоит в том, что они активно откликаются на запросы времени. А представители афро-американской культуры часто упрекают американских и европейских феминистов в том, что они в своей практике и в построении научных концепций зачастую игнорируют социальные, расовые и этнические различия среди женщин.

Одной из актуальнейших тем, вставших перед учеными в последние годы, является проблема властных отношений, раскрывая которую сквозь призму гендерных связей, российские африканисты приходят к пониманию необходимости рассматривать африканские реалии в контексте общемировой истории. И это, в свою очередь, предполагает их повышенный интерес к общетеоретическим проблемам науки о гендере.

Достижения отечественных специалистов в области изучения гендера, отраженные в значительном количестве опубликованных работ, в разнообразии тем, в фундаментальности их разработок и выводов – свидетельствуют о том, что гендерные исследования вполне закономерно получили статус самостоятельного научного направления.

Кулькова О.С.
Институт Африки РАН, Москва, РФ

Африканская маскулинность в Африке и за ее пределами в эпоху глобализации

Африканская маскулинность изучается меньше, чем различные аспекты африканской феминности.

Между тем сейчас структура африканской мужской идентичности переживает процесс трансформации как в самой Африке, так и в диаспоре. Ценность возрастных инициаций переосмысливается, мужчины могут отказываться от них как от психотравмирующего опыта и предостерегать своих сыновей от следования традиции. Структура маскулинности африканцев зависит от уровня их образования и экономического статуса, а также возрастающей независимости африканок. Вместе с тем маскулинность в значительной степени определяет тенденции развития общества и государства в Африке, так как мужчины по-прежнему занимают преобладающие позиции во многих сферах жизни общества. Специфические черты мужского самовосприятия различаются от одной африканской страны к другой, и не одинаковы на континенте и в диаспоре.

Существуют негативные стереотипы африканской маскулинности, которые тиражируются западными СМИ. В России они также присутствуют. Вместе с тем сейчас мужчины африканского происхождения получают больше возможностей заявить о себе и своих взглядах через масс-медиа.

Данные исследований показывают, что африканские мужчины более открыты взаимодействию с представителями других культур, нежели африканские женщины. Больше молодых людей, нежели девушек, отправляются учиться за рубеж, они активнее заводят друзей из пред-

ставителей других рас и национальностей, лучше приспосабливаются к непривычным условиям, чаще вступают в брак с иностранками. Через увеличение числа межрасовых браков реализуется глобальная тенденция афро-азиати-зации мира.

Помимо исследований специфики африканской маскулинности в межрасовых браках, актуальным является осмысление гомосексуализма в среде африканцев, а также анализ африканской мусульманской маскулинности. Интересным вопросом является различие между демонстрируемой маскулинностью африканцев в чуждом обществе (своего рода «маской») и ее реальным содержанием.

Можно предположить, что история наложила серьезный отпечаток на формирование африканской маскулинности как на континенте (наследие колониализма), так и в странах Запада (рабство, сегрегация, борьба за гражданские права). Для афро-американцев выстраивание их маскулинности в эпоху глобализации – это преодоление исторически возникших социально-экономических и политических препятствий, движение «от жертвы к победителю». В России, где нет подобного исторического «груза» в отношении к африканцам и опыт взаимодействия с ними ограничен, – своя специфика проявления африканцами маскулинности и ее восприятия россиянами.

Мурнова Н.К.
Московский дом соотечественника,
Москва, РФ

Выпускники советских/российских вузов – потенциал для углубления отношений России с арабским миром и поддержки русского языка в странах их проживания (на примере Марокко)

В последние годы заметно возрос интерес высшего руководства России к налаживанию торгово-экономических и культурных связей со странами Магриба, в частности с Королевством Марокко.

В период существования СССР в промышленных и торгово-экономических проектах, осуществлявшихся СССР в арабских странах, были широко задействованы национальные кадры из числа выпускников советских вузов. В большинстве своем это люди, которые в молодые годы не только получили профессиональные знания, но и частично впитали русскую ментальность, культуру, являясь главными (если говорить о титульной нации) в сохранении и поддержке русского языка в своих странах. В значительной степени это связано и с семейным положением многих из них, вступивших в годы обучения в брак с россиян-

ками. Перечисленные факторы не могут не влиять на их готовность сотрудничать с российскими специалистами, реализуя свои профессиональные знания и навыки, полученные в СССР/РФ.

В данный момент в Марокко насчитывается около 6000 выпускников советских/российских вузов. Здесь действуют (с 1977 года) Марокканская ассоциация выпускников университетов и институтов бывшего СССР – АМЛЮИС, имеющая подразделения в Рабате, Касабланке, Мекнесе; Ассоциация преподавателей русского языка в Марокко – АПРЯМ (с 1991 года). Их целью является защита прав и профессиональных интересов своих членов, что в немалой мере свидетельствует о сохранении престижа российского образования. Изучение положения русского языка в Марокко показывает, что в поддержке русского языка в Марокко заинтересованы не только российские соотечественники, но и выпускники российских вузов (пример Университета Мохаммедии).

С распадом СССР заметно снизилось межгосударственное сотрудничество, в котором немалую роль играли марокканцы-выпускники советских вузов. Тем не менее многие из них выражают готовность к сотрудничеству с коллегами-россиянами, оказавшимися по долгу службы в Марокко. И Россия, считая эту страну одним из своих ведущих партнеров в Африке и арабском мире, «возвращается» в Марокко, как на государственном (выполнение соглашений, подписанных во время визита Президента РФ осенью 2006 года), так и на неправительственном уровнях.

Панов А.А.
Институт Африки РАН, Москва, РФ

***Страна победившего феминизма:
основные интенции правительства Руанды
в области гендерной политики***

В соответствии с конституцией Руанды, 24 из 80 мест в нижней палате парламента страны зарезервированы за женщинами. На парламентских выборах осенью 2008 года, помимо зарезервированных мест, еще на 21 место по общим спискам были выбраны женщины. Таким образом, по итогам выборов Руанда стала первым в мире государством, с преобладанием в национальном парламенте женщин. Женское представительство в Сенате, верхней палате парламента, составило 30%. На осень 2010 года из 26 членов кабинета министров 8 также являются женщинами, в числе которых Луиза Мушикивабо, занимающая пост министра иностранных дел и Моник Нсанзабаганво – министр торговли и промышленности.

Эти цифры красноречиво говорят о широком участии женщин в общественно-политической жизни современной Руанды. Борьба за достижение равенства полов и искоренение дискриминации по признаку пола стала одним из краеугольных камней политики, проводимой правительством Руанды с момента окончания геноцида и перехода власти под контроль Руандийского патриотического фронта в июле 1994 года. Только в постгеноцидную эпоху женщины получили право владеть землей и наследовать имущество, что санкционировало начало их деловой активности и, как следствие, быстрой эмансипации. За проведением в жизнь декларируемой правительством политики следят такие институты, как учрежденные в соответствии с конституцией страны Служба гендерного мониторинга и Национальный женский совет, а также Министерство гендерного и семейного развития, также возглавляемое женщиной.

Впечатляют и достижения руандийского правительства на пути утверждения гендерного равноправия в сфере образования: равное соотношение мальчиков и девочек на всех уровнях школьного обучения было достигнуто еще в 2000 году, за 5 лет до срока, установленного ООН в рамках международной программы достижения Целей развития тысячелетия.

В докладе показывается, что политика государственного феминизма в Руанде – следствие отнюдь не только желания соответствовать требованиям, предъявляемым мировым сообществом, но и стратегия, призванная решить социально-экономические, демографические, политико-имиджевые задачи, стоящие перед руководством страны. От успеха решения этих задач зависит будущее нынешнего амбициозного политического проекта «Новая Руанда».

Прожогина С.В.
Институт востоковедения РАН, Москва, РФ

Североафриканские писательницы в условиях поликультурализма

1. Магрибинский литературный билингвизм – не только культурное наследие колониализма, но и современная реальность, и перспектива интеграции магрибинцев в мировой культурный процесс. На протяжении последнего полувека литературное франкоязычие североафриканских писателей, став носителем разных культурных традиций, доказывало возможность постоянного художественного творчества в парадигме социальных, конфессиональных и политических вызовов современной эпохи.

2. Подтверждением этого процесса является марокканская «женская» литература начала XXI века, активно формирующая сегодня новую ветвь франкоязычной прозы Магриба, отмеченной острой проблематикой поисков выхода из противоречий традиционного общества и утверждением новой идентичности современной марокканки.

3. Алжирские писательницы в нелегких условиях гражданской войны (90-е годы XX – начало XXI века) в связи с усилением притязаний исламского фундаментализма, вынужденной политической эмиграции и в процессе интеграции в западную реальность также не снижают своей художественной активности и представлены сегодня выдающимися образцами франкоязычного литературного творчества. Традиционная алжирская бикультурность особенно ярко проявляется и в творчестве так называемых «франко-арабов» (или «бёров») – второго поколения североафриканских иммигрантов, где в теме «Восток на Западе» доминируют мотивы, связанные с психологическими проблемами культурной ассимиляции, социальной интеграции и поколенческой дезинтеграции родившихся во Франции мусульман-магрибинцев. Женский отряд литературы «бёров» создает исполненные особой психологической глубины свидетельства социальных, политических и культурных вызовов современной эпохи, где процессы глобализации сопровождаются поисками самоопределения и самоутверждения этнических меньшинств в условиях конфессионального противостояния, но и неизбежного взаимодействия Востока и Запада.

Прокопенко Л.Я.
Институт Африки РАН, Москва, РФ

***Представительство женщин во властных структурах:
успехи и проблемы (опыт стран южноафриканского региона)***

В 2000-е годы страны южноафриканского региона, прежде всего ЮАР, Мозамбик и Лесото, достигли значительных успехов в установлении в политике так называемой «гендерной симметрии», что свидетельствует о возрастании роли женщин в политическом процессе. Согласно данным Всемирного экономического форума (ВЭФ), в 2009 г. по равенству мужчин и женщин ЮАР и Лесото вошли в первую десятку государств.

Женщины находятся в высшем эшелоне власти, занимая посты заместителя президента (ЮАР), вице-президента (Зимбабве, Малави) и премьер-министра (Мозамбик). Им все чаще доверяют важные направления государственной деятельности, связанные с внешней политикой

и безопасностью. Позитивная тенденция наблюдается также на уровне представительства женщин в парламенте. Поступательный рост женского представительства в законодательной власти наглядно демонстрируют данные по составу парламента в ЮАР и Мозамбике.

Достижения ЮАР в области равноправия полов стали результатом 15-ти с лишним лет усилий правительства АНК, парламента и общественных организаций. Политическую волю правительства красноречиво демонстрирует тот факт, что за годы становления демократии принято более 30-ти законодательных актов, имеющих целью достижение женского равноправия. В то же время в Ботсване значительные успехи демократии пока не стали гарантом гендерной симметрии.

Современная концепция равенства женщин и мужчин в политике в ЮАР, Лесото, Анголе и Намибии на практике реализуется через использование системы квот женского представительства на выборных должностях. Закреплено квотирование и на региональном уровне: В 1997 г. САДК приняло специальную декларацию, поставившую цель до 2005 г. установить в странах-членах представительство женщин на руководящих должностях на уровне 30%. Позже была выдвинута новая цель – достигнуть до 2015 г. 50-процентного уровня представительства женщин в парламенте.

Серьезной проблемой представительства женщин во властных структурах (прежде всего, его качественного показателя) остается недостаточный опыт самостоятельной электоральной борьбы женщин. При всех успехах официальной гендерной политики в ЮАР на практике все же отмечаются проявления мужского шовинизма.

В государствах Юга Африки женщины занимают все более заметное место в политических элитах. Однако это пока мало влияет на улучшение социально-экономического положения женщин и, следовательно, на развитие общества в целом. Наблюдается расхождение между политико-правовыми установками, декларациями и реалиями жизни, что является общей тенденцией в развитии не только стран Африканского континента, но и многих обществ переходного типа.

Рубайло-Кудоло С.
Университет Ломе, Того

***Бедственное положение женского мобильного сообщества
приверженцев культа вуду на берегу Бенинского залива,
на примере города Ломе Тоголезской Республики***

Женщины, приверженцы культа вуду, отправляются из сельской местности на периодические заработки в столицу Тоголезской Республики

город Ломе. Среди миграционного населения столицы это сообщество находится в самом бедственном положении. Несмотря на то что их личность вызывает одновременно уважение и страх ввиду их спиритуально-могущества, приверженцы этого культа буквально отвергнуты современным городским обществом как носители архаичной культуры.

В течение их периодических пребываний в городе они должны обеспечить себе самый минимальный прожиточный минимум, собрать некоторые средства для помощи своим близким, а кроме того, накопить деньги для проведения будущих церемоний своего культа в родном селении.

В городе они занимаются самыми тяжелыми и неблагодарными работами: переносят на головах тяжелые грузы, убирают мусор, стирают белье. В вечернее время, после тяжелого труда, они собираются на ночлег под навесами рынков, в развалинах домов или в укрытиях, собранных из старых кровлей и циновок. До сих пор общественные организации не обращают никакого внимания на это женское сообщество, окруженное их маленькими детьми.

Целью этого междисциплинарного исследования является показ бедственного положения приверженцев культа *вуду* в условиях социально-экономических и культурных трансформаций. Кроме того, исследование стремится разработать методы и средства, способствующие улучшению положения этого мобильного сообщества. В этом плане появление новых интеркультурных программ и осуществление конкретных социальных акций будут способствовать защите прав приверженцев этого культа.

Исследование проводилось в столице Тоголезской Республики, тем не менее оно отражает в целом социокультурные изменения в регионе Бенинского залива, отличающемся общими культурными особенностями и схожим процессом развития в течение XX столетия.

Сухов Н.В.

Руководитель представительства
Россотрудничества в Марокко,
Директор Российского центра науки
и культуры в Рабате

«Смешанная» семья в аспекте глобализации (на примере Марокко)

Гуманитарные аспекты глобализации включают весь спектр семейных отношений, поскольку целостность и структура семьи – один из естественных показателей взаимодействия традиционного и современного в социокультурной реальности мира. Поэтому современные проблемы семьи не могут рассматриваться вне глобализационного контекста.

Если в качестве примера брать русско-марокканские «смешанные» браки, то, несмотря на более чем полувековую историю их появления на этносоциальных картах обеих стран, сегодня просматриваются новые тенденции, несомненно порожденные глобализационными процессами. Так, первые подобные браки в середине XX века заключались в основном между советскими женщинами и марокканскими студентами вузов СССР. По окончании обучения в подавляющем большинстве случаев эти семьи отправлялись на родину супруга. Редким исключением были случаи, когда марокканец оставался в стране жены.

С началом глобализационных процессов в мире в формирование «смешанных» русско-марокканских семей привносятся изменения, связанные как с гражданско-правовым статусом ее членов, так и с географией размещения. Сегодня законодательные базы обеих стран, более лояльно толкующие перемещения из страны в страну, предоставляют возможность обоим супругам в межэтническом браке более свободно перемещаться не только к родине мужа на родину жены, но и в третьи страны в поисках более комфортабельных условий жизни. Кроме того, благодаря современным средствам коммуникаций и Россия, и Марокко полноценно включены в мировое информационное пространство, что облегчает супругам, находящимся вдали от родины, общение с близкими.

Однако быть информированным – еще не значит понимать, а тем более принимать особенности чужого бытия, иной ментальности, а процессы, которые сегодня воспринимаются как производное глобализационных изменений, на деле могут являться следствием историко-культурной традиции того или иного региона.

Обе указанные выше равные по силе воздействия группы факторов могут двояко воздействовать на гендерные взаимоотношения внутри «смешанной» семьи. С одной стороны, они способствуют повышению женского статуса в семье и обществе, а с другой стороны, они могут подрывать позитивные элементы гендерных традиционных отношений, колебать морально-психологические устои населения, дестабилизировать современную семью.

Фахрутдинова Н.З.

Институт Африки РАН, Москва, РФ

Футува: путь к духовному возрождению мусульман Африки. Гендерно-демографический аспект

Во всех возрожденческих теориях, появляющихся сегодня в мусульманских странах, неизменной является идея возврата к истинным

духовным ценностям. Именно на пути совершенствования, в первую очередь, личности самого человека в древних религиозных традициях мусульмане видят возможности возрождения своего былого могущества. Движение футувва (в дословном переводе с арабского – молодечество, удаль, геройство), возникшее в период раннего Средневековья, показало, что высокая мораль и нравственность могут стать не просто лозунгами, но и идеологической основой политического движения или организации.

Футувва в мусульманском мире – идеал геройски удалой добродетели как истинно мужского качества. Ассоциации и объединения молодых мужчин, вдохновленных этим идеалом, давали обет быть благородными, великодушными, смелыми, предпочитать интересы другого собственным. Ячейками движения футувва, охватывающего один средневековый город за другим, становились ремесленные цеха и мастерские. В качестве эталона доблестного воина-мусульманина стал четвертый праведный халиф Али. Именно ему приписывают разработку духовного кодекса футувва:

- прощение, когда есть возможность наказать;
- сохранение кротости и мягкости, когда находишься в ярости;
- пожелание благого собственным врагам;
- предпочтение других людей самому себе, даже если сам находишься в нужде.

Члены футувва играли активную роль в обществе, не только призывали к соблюдению духовного кодекса, но и ориентировали на освоение и занятие определенным ремеслом. По мнению некоторых историков, футувва повлияла на развитие движения рыцарства в Европе, впервые крестоносцы появились в Палестине. Много общего в истории мусульманских пограничных стражей и воинов гази (так называли членов футувва, занимающихся безопасностью) с традициями украинороссийского казачества.

Футувва – движение, состоявшее из молодых людей и имевшее оппозиционный характер по отношению к властям. Оно выполняло цивилизаторскую миссию в Африке южнее Сахары, не уничтожая и не принижая этнические и культурные особенности местного населения. Сегодня многие мусульманские молодежные организации в Африке чтят традиции футувва.

Постколониальный феминизм

На сегодняшний день междисциплинарные исследования широко распространены в мире, и зачастую это бывает вызвано процессами взаимодействия между концепциями постколониализма, религии, политики, гендера и т.д. Одними из наиболее ярких и очень важных примеров в этом аспекте являются постколониализм и феминизм.

Постколониальный феминизм – это область феминистской теории, развиваемой теоретиками из стран третьего мира с 1980 года. Постколониальный феминизм проблематизирует национально-культурную идентичность женщины, язык и национальность в их связи с положением женщин в новых национальных государствах Африки, Азии и Карибского бассейна, формы женской саморепрезентации в постколониальных культурах и критическое отношение к западному («белому») феминизму.

Постколониальная Африка представляет собой атмосферу политической нестабильности и отсутствия жизнеспособной экономики, что не могло не отразиться на положении народов, ее населяющих. Фактически, произошла дегуманизация всего континента. Причин этого явления довольно много: военные действия, гражданские волнения, уничтожение семейных и общественных традиций, а также процессы глобализации и урбанизации. Однако большинство из них, в свою очередь, является следствием постколониальной борьбы и событий последних десятилетий.

Неудивительно, что в сложившейся ситуации особую актуальность приобрел вопрос о том, как может репрезентировать себя личность, находившаяся и находящаяся под мощным давлением со стороны государства, политических процессов и расовых предрассудков, зачастую прочно укореняющихся в культуре.

Реалии постколониализма (вопреки «романтическим» колониальным проектам) выявили сложность и несоответствия в стратегии культурных идентификаций, функционирующих в дискурсе под знаками «единого народа» или «единой страны». Поэтому теоретики постколониализма настаивают на критерии «измерения времени» в описании национальных политических сообществ, который призван заменить метод историзма. Такой методологический подход обеспечивает перспективу развития альтернативных форм представления постколониальных культур и субъектов — включая женскую субъективность.

Теоретики постколониального феминизма отрицательно оценивают интеграционные процессы в экономике, потому что, по их мнению, этот процесс приводит в конечном счете к установлению диктатуры западных моделей в развивающихся странах. В процессе капитализации общества одними из тех, кто страдает больше всего, являются женщины – они отстранены как от возможности принятия решений, так и от функционирования на рынке труда. В итоге женщины подвергаются двойной дискриминации: и как представители той или иной страны, и как женщины.

СЕКЦИЯ 10

ИНФОРМАЦИОННАЯ, ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ И ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА В СТРАНАХ АФРИКИ В СВЕТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И РЕГИОНАЛИЗАЦИИ

Руководители: д.и.н. Ватаняр Саидович Ягья,
к.филол.н. Константин Арсеньевич Панцеров

Ахвердян Г.К.
СПбГУ, Санкт-Петербург, РФ

Глобализация и регионализация: попытка теоретического осмысления

Слово «глобализация» прочно вошло в интеллектуальное обращение с крахом биполярной геополитической системы и уже в течение двух десятилетий неуклонно набирает обороты в научных и общественных дискуссиях. Здесь мы имеем дело с совокупностью процессов экономического, технологического, политико-правового и культурного характера, которые стали доминирующей линией современного этапа развития человечества.

Несмотря на исходное, достаточно простое значение слова «глобализация», определение этого понятия получило известную семантическую нагрузку. По формальной логике, «глобализация» должна являть собой некий процесс, ведущий к состоянию «глобальности». Однако в реальной жизни «глобальность» оказывается состоянием весьма приблизительным, к которому можно бесконечно приближаться. Получается, что в случае глобализации процесс есть «смысл» самого себя.

Основные научные дискуссии разворачиваются вокруг положений, касающихся не ее наличия, а ее глубины, охвата, революционности и т.д. Специфичность глобализационной проблематики заключается в том, что наращивание интеллектуального базиса ведет не к четкому пониманию предмета, а к повышению его неоднозначности.

Безусловно, концепция глобализма играет огромную роль в поддержке идеологической платформы, на которой ведутся современные глобальные экономические сношения. Однако, как мы полагаем, это не лишает процесс глобализации объективного начала, что заключается в ее коммуникационно-технологической стороне. Именно прогресс в этой

области порождает или усугубляет экологические, миграционные и демографические проблемы, стимулирует рост международной преступности, обостряет ситуацию во многих других сферах жизнедеятельности социума. Необходимость решения подобных задач, а также торгово-экономические приоритеты, базирующиеся на принципе «общего блага», приводят к скоординированным и синхронным действиям вовлеченных государств, институционализации международных отношений и интенсификации интеграционных процессов.

Межгосударственная региональная интеграция составляет ключевой элемент комплексного процесса регионализации, которая также включает не менее важную «неформальную интеграцию». В социально-политическом контексте под интеграцией нужно понимать образование единого целого посредством сложения частей; взаимопроникновение или объединение каких-либо элементов в процессе развития; процесс образования взаимосвязей и усиления взаимозависимости между различными элементами и их соединение в целостной, гармоничной системе. Следовательно, если процесс глобализации развивается в относительно автономном режиме, то исходным пунктом для регионализации выступает политическая воля национальных властей. Таким образом, при рассмотрении соотношения глобализации и регионализации следует исходить не из фундаментальной противоречивости, а параллельности этих взаимообусловленных процессов.

Болгов Р.В.
СПбГУ, Санкт-Петербург, РФ

Информационные и коммуникационные технологии в военном деле: политические аспекты

1. Новшества в области информационных и коммуникационных технологий (ИКТ) всегда оказывали существенное влияние на политическую и военную сферу. Изменения в военной сфере, вызванные появлением новых программно-аппаратных средств, позволяющих увеличивать боевые возможности, имеют ряд политических последствий.

2. Сегодня военные успехи, достигнутые с помощью вооружений на основе ИКТ, не всегда приводят к политическим успехам. В качестве примера можно привести войну в Ираке, начавшуюся в 2002 г. и продолжающуюся до сих пор. В то же время появляются возможности достижения политических целей без крупномасштабных военных действий.

Согласно прогнозу RAND, развитие ИКТ ведет к появлению сетевых войн, а это означает, что может увеличиться число «войн по изменению режимов».

3. ИКТ позволяют улучшить коммуникацию между военными группами, благодаря чему повышаются возможности операций, проводимых силами международных военных коалиций.

4. В связи с развитием высокоточного оружия на основе ИКТ уменьшается необходимость содержать массовые армии. Возникают перспективы сокращения ядерных вооружений. В то же время конфликт в Южной Осетии в августе 2008 г. показал, что роль обычной военной силы сохраняется.

5. Стратегические концепции ряда государств и организаций предусматривают удары с помощью обычных и ядерных вооружений в ответ на компьютерные атаки. Такие концепции могут оказать дестабилизирующее воздействие на международную безопасность. Важными аспектами остаются неурегулированность кибератак с точки зрения международного права, неконтролируемая торговля оружием, основанная на ИКТ – технологиях двойного назначения. Это может дать возможность усилиться слабым за счет создания ими асимметричных угроз сильному. Тут также возможен и противоположный эффект: подавляющее преимущество одного сильного актора в информационно-технологичных вооружениях может отбить охоту у слабых создавать новые виды оружия. Двойственный характер влияния ИКТ на международную безопасность проявляется также в том, что, с одной стороны, они способствуют демократизации, а следовательно, снижению конфликтности. С другой стороны, ИКТ являются питательной средой для сетевых форм преступности.

Виноградова С.М.
СПбГУ, Санкт-Петербург, РФ

Доклад Макбрайда: тридцать лет спустя

В 1980 г. на двадцать первой сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО в Белграде состоялось обсуждение доклада, широко известного под названием «Много голосов – один мир». Его представила Международная Комиссия, председателем которой был Шон Макбрайд. Выявив и всесторонне рассмотрев проблемы информации и коммуникации в различных странах и регионах мира, эксперты ЮНЕСКО выразили обеспокоенность дисбалансом в сфере международного обмена информацией, что было созвучно идеям сторонников «нового международного информационного порядка» (НМИП).

Первое десятилетие, прошедшее после завершения работы Комиссии, продемонстрировало, что, несмотря на определенные позитивные изменения в области информации и коммуникации, информационный

разрыв между развитыми и развивающимися странами сохранился. Возникло опасение, что в мировом информационном сообществе возникнут страны и регионы-аутсайдеры. Правда, в начале 1990-х годов большие надежды возлагались на новые технологии, которые откроют всем и каждому самый широкий доступ к информации, и необходимость борьбы за более справедливый мировой информационный и коммуникационный порядок отпадет сама собой.

На рубеже тысячелетий вопрос о плюрализме доступа к массмедиа приобрел новое звучание. В условиях формирования глобального информационного общества учеными была отмечена необходимость продолжения диалога «Север – Юг» и развертывания полилога между всеми участниками международного отношений. В Окинавской хартии глобального информационного общества, принятой 22 июля 2000 г. лидерами «Большой восьмерки», говорилось об исключительной значимости задачи преодоления электронно-цифрового разрыва внутри государств и между ними.

Несмотря на то что первое десятилетие XXI века продемонстрировало глубокие трансформации информационной карты мира, проблема информационных диспропорций и сейчас не снята с повестки дня. По данным Международного союза электросвязи (2010 г.), наиболее бедные страны, многие из которых находятся в Африке, продолжают оставаться в нижней части IDI (Индекса развития информационно-коммуникационных технологий – ИКТ).

Конечно, доклад Макбрайда уже принадлежит истории. Однако и сторонники, и противники содержащихся в нем идей постоянно возвращаются к положениям и выводам этого документа. Не потому ли, что, «перечитывая Макбрайда», мы лучше понимаем современность?

Панцеров К.А.
СПбГУ, Санкт-Петербург, РФ

Страны Тропической Африки на пути к равноправной интеграции в глобальное информационно-коммуникационное пространство

1. Сегодня все большее число африканских стран склонно видеть в современных информационных технологиях эффективный инструмент, способный решить наиболее насущные проблемы континента. Систему телекоммуникаций все чаще, в том числе и в Африке, именуют материальной основой глобализации.

2. Многие африканские государства выработали основы государственной информационной политики и провозгласили развитие соответствующих технологий одним из важнейших направлений своего соци-

ально-экономического развития. Однако большинство из них не располагает достаточными финансовыми и технико-технологическими ресурсами для создания надлежащей информационной инфраструктуры.

3. Для того чтобы обеспечить приток частных инвестиций в отрасль, африканские страны были вынуждены провозгласить идею партнерства между государством и частным бизнесом и объявить полную либерализацию данного сектора. Смысл такого партнерства состоит в том, что все национальное информационное пространство страны отдается на откуп частным компаниям, в задачу которых и входит создание, развитие и модернизация информационной инфраструктуры. За государством же закрепляются исключительно регулирующие функции, в первую очередь направленные на создание благоприятного климата для деятельности коммерческих предприятий в стране. Как следствие, в Африке появилось большое количество частных телекоммуникационных компаний, преимущественно с иностранным участием.

4. Чтобы сохранить контроль над национальным информационным пространством, африканским странам необходимо пересмотреть содержание партнерства между государством и частным бизнесом, которое должно сводиться к следующей форме: магистральные линии высокоскоростной оптоволоконной связи остаются в собственности государства. На частные же компании должна быть возложена задача поиска технических решений так называемой технологии «последней мили» для организации всеобщего доступа к сети Интернет проживающего в отдаленной местности сельского населения.

5. На сегодняшний день приходится констатировать, что страны Африки склонны идти по пути простой продажи своего информационно-коммуникационного пространства зарубежным инвесторам и в своей информационной политике ориентируются исключительно на сокращение глобального цифрового разрыва между Югом и Севером, но не на отстаивание интересов своих граждан в информационную эпоху и не на преодоление локального цифрового разрыва между крупными промышленными центрами и отдаленными сельскими поселениями.

Щербович А.А.
Государственный университет –
Высшая школа экономики, Москва, РФ

Африканский континент в контексте проблематики управления Интернетом

Проблема развития, крайне актуальная для Африканского континента, является основной для неполитических организаций системы

ООН. Управление Интернетом, являясь в достаточной мере новой темой мирового развития, особенно важно для Африканского континента. Фактически участие в данном процессе означает успешное выживание в условиях глобального информационного общества.

Форум по управлению Интернетом проводит ежегодные международные конференции в разных странах мира. Конференции нацелены на создание и совершенствование механизмов управления Интернетом, учитывающих принятые международным сообществом нормы и принципы о правах человека, и открыты для участия всех заинтересованных сторон, участвующих в глобальном процессе управления Интернетом. Форум по управлению Интернетом, чей мандат Генеральная Ассамблея ООН установила на 5 лет, проводится уже в пятый раз.

Начиная со второго этапа Всемирного саммита по информационному обществу (Тунис, 2005 г.) страны Африки принимают активное участие в организации и проведении Форумов по управлению Интернетом. Так, Форум 2009 г. прошел в Египте. Представители континента также активно участвовали в пятой встрече Форума в Вильнюсе с 14 по 17 сентября 2010 г. Это обусловило приоритетное обсуждение актуальных для Африки проблем в области управления Интернетом: управление Интернетом в целях развития (сокращение «цифрового разрыва», развитие гражданских прав и свобод в цифровую эпоху, в т.ч. свободы слова и права доступа к информации).

Еще одна приоритетная тема для Африки – развитие многоязычия в киберпространстве: эта задача актуальна, но в то же время трудноосуществима, так как многие народы Африки говорят на неписанных языках, что создает проблемы для доступа к киберпространству и для развития.

Все участники были единодушны в том, что мандат Форума по управлению Интернетом следует продлить как минимум еще на 5 лет. Если Генеральная Ассамблея примет такое решение, то следующий Форум пройдет в Кении – правительство этой страны выразило желание принять у себя шестую встречу Форума в 2011 г. Данный факт подтверждает актуальность проблемы управления Интернетом для всего континента.

Нестерова И.Е.
СПбГУ, Санкт-Петербург, РФ

***Информационное взаимодействие как новая форма
межгосударственного сотрудничества африканских стран
по проблеме трансграничных рек***

Экологические проблемы гидросферы стремительно нарастают во всем мире. Отсутствие доступа к водным источникам становится при-

чиной острых региональных конфликтов. Например, в Африке существует 60 речных бассейнов, каждый из которых занимает территорию, принадлежащую более чем одной стране. По данным Африканского банка развития, африканские страны эффективно используют всего 4% пресной воды континента.

Каждая страна со значительными водными ресурсами имеет органы государственного управления ими. И с точки зрения геополитики важно, чтобы в работе таких органов государственного управления особое внимание уделялось проблемам пограничного и трансграничного водопользования. Отсюда следует объективная необходимость развивать новые формы международного сотрудничества, направленного на решение водных проблем, а также повышать его эффективность при помощи активизации информационного взаимодействия в рассматриваемой области.

Здесь особо стоит отметить роль информационного взаимодействия африканских стран в рамках существующих сегодня региональных межгосударственных структур.

Примерами такого взаимодействия является деятельность таких механизмов сотрудничества, как созданная в 2007 году на базе Инициативы по бассейну реки Нил Комиссия по реке Нил, а также Экономическое сообщество стран Великих озер, Энергетика стран Великих озер, Организация по использованию и развитию бассейна реки Кагера.

Помимо этого, информационное взаимодействие среди африканских государств осуществляется при активном участии Организации Объединенных Наций. Речь идет об объявленном Генеральной Ассамблеей Международном десятилетии действий «Вода для жизни: 2005–2015 годы». Основной задачей Десятилетия «Вода для жизни» является поощрение усилий в целях выполнения принятых на международном уровне обязательств по вопросам воды и водоснабжения к 2015 году.

Таким образом, успешное сотрудничество в области управления совместными водными ресурсами может принести пользу на многих уровнях. Помимо того, что снижается потенциал конфликтов, оно может способствовать улучшению качества воды, росту благосостояния и созданию условий для более широкой кооперации.

Гусарова Е.В.
Университет Неаполя, Италия

***Роль письменных историографических источников
в формировании современного общества в Эфиопии***

В условиях социального уклада мультиэтнического общества немаловажную и, в некотором смысле, ведущую роль играет процесс само-

определения, осознания своей идентичности, своих корней и происхождения. Данный вопрос может быть наглядно рассмотрен на примере социального субстрата современной Эфиопии, включающей в себя разнообразие этнических групп.

Самосознание и самоосознание отдельно взятой этнической группы напрямую связано с ее историей и, по возможности, с письменными источниками, в которых она упоминается. В рамках данного исследования будут рассматриваться письменные источники историографического характера, имеющие отношение к народу оромо, представляющему значительную по численности часть населения страны. Данные, содержащиеся в рассматриваемых источниках, могут играть важную роль в отношении современного положения оромо в социальной структуре Эфиопии наших дней в различных слоях ее общества.

В этой связи немаловажна верная интерпретация источников. На данном этапе проблема состоит в том, что многие тексты остаются неизданными или издаются без учета классических критериев экзотики, применяемых в критическом издании текстов.

Без осознания собственной истории становится невозможной интеграция в современное глобальное общество и в какой-то мере теряется смысл новейших информационно-телекоммуникационных технологий.

Манага Азвинафели
Институт Африки Южной Африки, ЮАР

Эволюция государственной стратегии ЮАР, направленной на повышение развития человеческого потенциала

Развитие человеческого потенциала является целенаправленной деятельностью, которая повышает способность людей полностью раскрыть свои возможности. Развитие человеческого потенциала позволяет улучшить работу людей путем повышения их профессиональной квалификации, знаний и способностей.

Правительство Южной Африки с помощью различных институтов занимается созданием благоприятных условий для будущих ученых. Таким образом, развитие человеческого потенциала занимает важное место в повестке дня социально-экономического развития страны. Ключевым элементом в развитии человеческого потенциала и в стимулировании функционирования частного сектора является учреждение институциональной структуры, которая необходима для развития образовательной и научно-исследовательской сферы, а также связанной с ними деятельности. Это значит, что институты последующего послевузовского образования следует рассматривать в качестве главного инструмента,

направленного на повышение профессиональных навыков молодых выпускников.

Тем не менее на пути развития человеческого потенциала в Южной Африке встает немало проблем. Они связаны с недостатком динамического распределения человеческих ресурсов, необходимого для существенного повышения эффективности всех институтов, ответственных за макро- и микроэкономическое развитие. Именно развитие человеческого потенциала может стимулировать появление новых знаний, что приведет к повышению уровня квалификации рабочей силы. Таким образом, развитие человеческого потенциала позволяет максимизировать возможности индивида, а значит, принесет пользу обществу в целом. Экономическое и социальное развитие определяется налаженной системой поставки прошедшей надлежащую подготовку рабочей силы. Необходимое соотношение между техническим знанием и практическими навыками является жизненно важным для эффективного развития. Провал инвестирования в развитие человеческого потенциала частично свидетельствует о низком уровне экономики.

Цель доклада – обозначить важность развития человеческого потенциала для обеспечения устойчивого социально-экономического развития. Необходимой предпосылкой для экономического развития является создание институциональных структур.

В докладе использованы анкетные опросы и интервью как источник необходимой информации для анализа эволюции государственной стратегии Южной Африки, направленной на развитие человеческого потенциала.

Чернов И.В.
СПбГУ, Санкт-Петербург, РФ

Роль французского языка в становлении «нации» (на примере стран франкоязычной Африки)

Большинство бывших французских колоний в Африке получило независимость в искусственных границах, проведенных колониальной администрацией. Эти границы зачастую не совпадали с этнолингвистическими границами. Поэтому после получения независимости перед многими африканскими странами встал вопрос об «оправдании» своего существования и формирования единой «нации». Этот процесс должен был опираться на какой-то государственный язык. В колониальные времена единственным письменным языком в этом регионе был французский.

Ряд африканских элит сделали ставку на Францию в процессе модернизации и, кроме того, хотели на этой основе сплотить франкоязыч-

ные страны Африки. Представители новой независимой Африки копируют французский опыт. В этих условиях государственным языком новых складывающихся африканских наций естественно стал французский. Так, например, первый президент Сенегала Л. Сенгор пытался реализовать в стране идеи «негритюда» – синтезировать африканскую и западную цивилизацию. По определению Сенгора, негритюд – это проявление «гения африканского континента». Его задачей является «реабилитация» африканских ценностей, долгое время рассматриваемых как проявление «культурной отсталости». Причем уважение к африканским традициям должно сочетаться с открытостью к техническим достижениям западной цивилизации. Сенгор подчеркивал особую связь негритюда с французской культурой: «мы чувствуем по-африкански, но думаем по-французски». Таким образом, в Сенегале и других бывших французских колониях был поставлен социально-политический эксперимент по созданию франкоязычной африканской «нации».

К началу XXI в. стало очевидным, что реализация на африканском континенте «французской национальной модели» встретила серьезные трудности. Например, попытка властей Кот-д'Ивуара реализовать идею единой нации окончилась провалом – нация не сложилась. Не приходится удивляться, что в этих условиях в 2002 г. в стране началась гражданская война «христианского» Юга и «мусульманского» Севера. Не удалось реализовать и лингвистическую модель – подавляющая часть населения «франкофонных» стран не знает французского языка.

Таким образом, французский язык в современной Африке выступает в роли латинского языка в средневековой Европе. В рамках новых африканских «наций» сосуществуют образованное и обладающее властью франкоязычное *communitas* («общественность», сообщество) и огромное число этнолингвистических сообществ, находящихся «вне нации».

Амака Глория Амади
колледж Алван Икоку,
Оверри, Штат Имо, Нигерия

Нигерия: вызовы мультилингвизма и национального языка

Нигерия является многонациональным и мультилингвистическим государством, многочисленные нации которого были собраны воедино колониальной администрацией Великобритании. Разнообразие местных культур и языков имеет возможность обогатить многообразие национальной жизни и способствовать активизации межгрупповых отноше-

ний; но в то же время крайне тяжело удерживать национальное единство страны и развивать какой-либо один широко распространенный местный язык, способный потеснить английский, который по-прежнему остается официальным государственным языком.

Несмотря на то что английский в Нигерии широко распространен, он остается иностранным, чужим языком, активное использование которого угрожает сохранению, развитию и процветанию местного языкового и культурного наследия. 2008 год был провозглашен Международным годом языков, что подчеркивало важность развития местных, подвергнутых маргинализации, языков в каждой стране мира.

В Нигерии крайне сложно развивать единый местный национальный язык, который мог бы стать мостом, соединившим различные культурные группы страны и способствующим бы формированию общества, основанного на взаимоуважении и взаимопонимании культур. Общеизвестно, что английский, как и другие основные языки мира, лучше развит и приспособлен для нужд современно века Интернета и информационных и коммуникационных технологий. Таким образом, использование английского имеет много практических преимуществ.

Наиболее острым вызовом, стоящим перед такой страной, как Нигерия, как раз и является то, насколько хорошо можно использовать преимущества практической значимости английского языка, не подрывая богатое разнообразие местных языков; как адаптировать английский язык к местным условиям и развить самобытную языковую форму, вбирающую в себя богатое лингвистическое наследие, оставленное местными языками.

Цель настоящего доклада – внимательно изучив дебаты о создающихся в разных частях мира «Новых английских», постараться найти ответ на вопрос, как лучше осуществить эту задачу.

Ковалевская Н.В.
СПбГУ, Санкт-Петербург, РФ

Лингвополитические аспекты современной политики Эфиопии

Актуальность темы определяется возрастающим значением лингвистического фактора в мировой политике. Немало происходящего в мире связано с осуществлением идей монокультурализма, мультилингвизма, лингвогеноцида, нарушениями лингвополитического баланса общественных сил, национальными интересами государства в области языка и его места в мире, а также наличием или отсутствием лингвополитической напряженности в странах с языковым разнообразием. В данном контек-

сте интересна роль африканских государств, в частности Эфиопии.

Более чем 40-летнее пребывание Эритреи в составе Эфиопии (1952–1993) завершилось обретением Эритреей независимости. Но это не исключило последующих напряженных отношений между Эфиопией и Эритреей, доходивших не раз до вооруженных столкновений. Эритрея многократно предъявляла территориальные претензии к Эфиопии.

В самой Эфиопии не все спокойно в отношениях «центр – региональные штаты» и «региональный штат – внутрирегиональные административные территории».

Территориальная целостность Эфиопии подвергается новым испытаниям. Велика роль в достижении внутривнутриполитической стабильности этнического, лингвистического и религиозного факторов. Эфиопия становится страной с преобладанием мусульманского населения, но оно остается пока разрозненным.

Значительную роль в политическом и экономическом развитии играют эфиопы, возвращающиеся или возвратившиеся после многих лет эмиграции во время правления Дерга. Однако надо иметь в виду, что теперь во многих странах мира осели эфиопы-беженцы, служившие при Дерге и мигрировавшие после его падения. Они составляют непримиримую диаспору эфиопов, мечтающую о реванше. Эфиопские мигранты, приверженцы Дерга, ищут, кто недоволен режимом премьер-министра Мелеса Зенауи. Одна из причин недовольства – существенный разрыв между конституционными положениями и практикой этнического федерализма в Эфиопии.

Эфиопия в геополитическом плане находится в предпочтительной ситуации в сравнении со многими африканскими странами. Тем не менее имеется немало минусов, которые снижают её внешнеполитический потенциал и отбрасывают страну далеко от центра мировой политики. Однако на африканском континенте Эфиопия признается одним из политических лидеров.

Матемулане Жозе Закариаш Самуэл
Санкт-Петербург, РФ

Россия – Африка: эффективная образовательная политика как фактор укрепления международных отношений

В настоящее время Россия не до конца использует и даже упускает возможности укрепления своих позиций на Черном континенте, несмотря на то что большая часть квалифицированных кадров Африки являются выпускниками советских и российских вузов. В то же время

некоторые другие страны группы БРИК проявляют более высокую, чем Россия, активность, направленную на укрепление экономических отношений со странами Африканского континента. Так, например, свыше 70% строительных контрактов в Африке получают китайские и индийские компании, активную инвестиционную политику в Африке проводит Бразилия.

Распространение и укрепление российского экономического и культурного влияния в Африке связано с созданием двух фондов: кредитного «Русский фонд – Бизнес» и культурного «Русский фонд – Культура».

В докладе содержится предложение предпринять стратегические шаги в отношении африканских студентов, обучающихся в вузах России. Политико-психологическая рекомендация: более внимательно относиться к тому, что является главным козырем в политико-экономической игре на Африканском континенте – африканским выпускникам, обладателям российских дипломов.

Ягья В.С.
СПбГУ, Санкт-Петербург, РФ

Страны Африки и международные лингвополитические объединения

В Африке действуют различные лингвополитические объединения (Международная организация Франкофонии, организация испанофонии, Союз англоговорящих, лузофонии – Содружество стран португальского языка), или, как их порой называют, языковые союзы. Они участвуют в формировании англо-, франко-, лузо-, испано- и прочих политических пространств, отражающих пределы прежних колониальных империй. Это – один из доводов сторонников идеи возрождения прежних имперских пространств, где будут протекать уже обновленные, отличные от прошлого процессы «независимое государство – бывшая империя». Складывающиеся на этих пространствах отношения, базирующиеся на стержневом положении прежней метрополии, иного качества, чем в парадигме «колония – метрополия». За счет подключения к этим лингвополитическим объединениям стран, не бывших колониями европейских метрополий, чей язык распространился в их афроазиатских или латиноамериканских владениях, а ныне является стержневой основой такого союза, сфера влияния страны исходного носителя этого языка расширяется.

Их деятельность осуществляется преимущественно в гуманитарной и социальной сферах, реже в экономической области. В политическом

плане эти организации стремятся проводить общие решения касательно языковой политики, культурных мероприятий, совместных гуманитарных акций в мирополитическом контексте. Политическая составляющая таких объединений во взаимодействии с мировым сообществом приобретает все больший размах. При этом положение стран, которые не входили прежде в границы той или иной колониальной империи, в условиях выработки общих действий на мировой арене по понятным причинам осложнено. По-видимому, участие африканских стран в тех или иных лингвополитических объединениях при определенных условиях будет смягчать (если не устранять) обострившиеся/обостряющиеся национально-языковые отношения.

Некоторые шаги языковых союзов на мировой арене и во внутриафриканской жизни выпадают из мейнстрима континентальных усилий Афросоюза. В том же аспекте действует реализация евросоюзовского проекта «Союз для Средиземноморья», который, по-видимому, усиливает взаимосвязь, взаимоотяготение Северной Африки и ЕС, в результате чего наступит еще большее отчуждение Севера Африки от Африки южнее Сахары. Особое место в лингвополитической картине на земном шаре занимают страны арабского мира и усилия некоторых из них по арабизации Африки южнее Сахары (например, Эфиопии).

СЕКЦИЯ 11

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЛИТЕРАТУР И КУЛЬТУР АФРИКИ И АФРИКАНСКОЙ ДИАСПОРЫ: ЭТАПЫ, ТЕНДЕНЦИИ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Руководители: д.филол.н. Николай Александрович Добронравин,
к.филол.н. Анна Юрьевна Сиим

Завьялова О.Ю.
СПбГУ, Санкт-Петербург, РФ

Фольклор и культура манден: отражение и формирование мировоззрения

В изучении культуры любого народа особое место занимает фольклор, устная традиция. Для манден устная традиция – актуальный механизм культуры. Фольклорные тексты дают не только описание реалий жизни, но и отражают некоторые особенности видения мира и сценария поведения данного народа. Они же являются и механизмом адаптации и обучения для своих носителей.

У манден есть основные, базовые понятия существования в природе и социуме:

Ньяма – жизненная энергия.

Закон поддержания баланса между «своим» и «чужим» миром.

Взаимность поведения. «Относись к людям так, как ты бы хотел, чтобы они к тебе относились».

Принцип достаточности.

В обществе манден существует система, позволяющая поддерживать баланс, смягчать конфликты внутрисоциальные и межсоциальные – в частности, это джаму, деление на возрастные классы и сананкуя (шуточное родство). Данные институты не только сглаживают межэтнические и социальные противоречия, но и помогают спокойному прохождению индивидуумом всех этапов психологического развития, защищают его от стрессов и дезориентации.

В фольклоре главные персонажи являются носителями основных ценностей культуры, по их характеристикам и поведению мы можем судить, что действительно важно в данном обществе. Главные герои

эпоса не только фольклорные персонажи, но и героические фигуры прошлого, от них ведут отсчет многие семьи манден.

Ключевой характеристикой общества являются способы коммуникации и ее особенности. Здесь важную роль играет Слово в культуре, какую силу ему приписывают. Институт гриотов.

Ляхович А.В.
СПбГУ, Санкт-Петербург, РФ

***Пьеса «Покрыть себя позором»
как пример драматургии на языке хауса (Нигерия)***

Зарождение современной литературы на языке хауса относится к колониальному времени и связано с культурной политикой, проводившейся британской администрацией. Освоение новых художественных форм происходит, в частности, в области драматического искусства.

По мнению Х. Бирнива, британцы не считали нужным уделять отдельное внимание развитию драматургии у хауса, поэтому «неудивительно, что вплоть до 1978 года на языке хауса существовало всего 15 пьес» (очевидно, имеются в виду книжные издания), кроме того, часть этих произведений представляла собой переводы известных текстов арабской и английской литературы. В то же время к 1978 г. уже было опубликовано 130 художественных прозаических произведений и 40 сборников поэзии.

Приведенная статистика, на наш взгляд, отнюдь не указывает на замедленность темпов развития хаусазычной драматургии по сравнению с поэзией и прозой. Становление драматургии на языке хауса исторически было связано с театром, а также сферой радио и телевидения.

Шуа'ибу Макарфи, считающийся отцом хаусазычной драматургии, отмечает, что истоки его творчества лежат в многолетней работе в качестве продюсера и сценариста на радио. Из достаточно большого количества созданных им радиопостановок лишь две были в дальнейшем опубликованы. Писатель отмечает, что работа на радио является определенной формой творчества, позволяющей обратиться к более широкой аудитории, нежели читательская. Немаловажную роль играет также тот факт, что опубликование требует существенных финансовых затрат.

Освоение современных форм драматического искусства начинается стихийно в среде образовательных учреждений. Здесь большой популярностью пользуются сценические выступления и постановки (лишь несколько пьес было потом записано и издано).

Пьеса «Покрыть себя позором» была опубликована в 1969 г. и может быть причислена к ранним образцам драматургии на языке хауса. Рас-

сматриваемое произведение является одним из немногочисленных памятников литературы этого времени, что делает ее ценным источником для исследования особенностей становления хаусазычной драматургии.

Ляховская Н.Д.
Институт мировой литературы РАН,
Москва, РФ

***Традиция и новаторство в творчестве
ивуарийского романиста Ахмаду Курумы***

Самым дискуссионным вопросом в африканском литературоведении всегда был вопрос о национальной специфике современных европоязычных африканских литератур и о художественном методе африканских писателей.

В 80-е годы в фундаментальных трудах Макуты Мбуку (Makouta Mboukou «Introduction à l'étude de roman négro-africaine d'expression française») и М. Кана (Kane «Roman africain et tradition») возобладала концепция постоянной, неразрывной связи современных литератур с традицией (устная традиция и традиционные ценности). Заирский исследователь Лоша Матезо (Locha Matezo) в монографии «Африканская литература и ее критика» («La littérature africaine et sa critique») утверждает, что традиция прерывается в конце XX века.

Африканские франкоязычные романы, изданные на рубеже XX и XXI веков, свидетельствуют о том, что развитие африканских литератур осуществляется в двух направлениях: без связи с устной традицией, например романы Д. Бияулы (D. Biyaoula «Agonies»), Коси Эфуи (Kossi Efoüi «Polka», «La fabrique des cérémonies»), и путем трансформации устной традиции индивидуально-авторской фантазией.

Блестящим примером органичного художественного синтеза современной романной техники и трансформированной устной традиции являются произведения Ахмаду Курумы (Ahmadou Kourouma, 1929–2003).

Курума новаторски подходит к использованию устной традиции малинке. Его роман «Годы независимости» («Les Soleils de l'Indépendance», 1968) в жанровом отношении близок к европейскому роману «подведения итогов». Трагическая история жизни принца Фамы Думбуя (Fama Doumbouya), олицетворения традиции, не захотевшего и не сумевшего приспособиться к условиям жизни после независимости, передана по существу «метисным письмом». Курума включает во французский текст слова (названия предметов среды бытования), поговорки, пословицы, этикетные формулы, заклинания, сакральные молит-

вы, этнонимы, патронимы, топонимы на языке малинке. Такой способ нарратива позволяет автору глубоко проникнуть в ментальность (психологию, традиционные верования) народа малинке.

В романе «В ожидании голосования диких животных» («En attendant le vote des bêtes sauvages», 1998) Курума виртуозно имитирует фольклорный жанр малинке – донсоману (donsomane), хвалебное слово гриотов в честь правителя.

Используя некоторые мотивы африканской волшебной сказки и сказок о людях и животных (мотивы «чудесных предметов», «чудесных помощников»), Курума создал блестящую сатиру на определенный тип африканских политических лидеров, переродившихся из вождей национально-освободительного движения в кровавых диктаторов и деспотов.

Жанр последнего романа Курумы «Аллах не обязан...» («Allah n'est pas obligé», 2002) близок к жанру «hoŋgor» – «ужастик». Он написан в форме дневника ивуарийского подростка-солдата, насильственно втянутого в межэтнические войны в Либерии и Сьерра-Леоне. Речь мальчика (его устный рассказ записан) производит ошеломляющее впечатление шокирующим сплавом традиционного нарратива малинке (включая общинную лексику), традиционных мусульманских формул и научно-словарной лексики.

Куруму можно назвать классиком африканских франкоязычных литератур, а его романы – образцами формирующегося Большого стиля – социального реализма, обогащенного творческими открытиями в области заимствованных европейских жанровых форм и преображенной авторской фантазией устной традиции.

Рязова Е.А.

Институт мировой литературы РАН,
Москва, РФ

Национальная и личностная идентичность в эпоху глобализации (на примере кабовердианской романистики начала XXI века)

Постсоциалистический период развития лузоафриканских литератур, и в частности литературы кабовердианской, характеризуется в начале XXI столетия не столько сменой иерархии жанров, переходом от явного преобладания поэзии к господству художественной прозы во всех ее разновидностях, сколько – что гораздо важнее – радикальной сменой ориентиров, переоценкой ценностей. И главным достижением этого времени перемен является в кабовердианской прозе все более отчетливо проявляющееся внимание к простому человеку, обыкновенно-

му креолу, жителю Островов, стремление определить его национальную и личностную идентичность, причем в поле зрения писателей попадает прежде всего идентичность личностная.

Об этом свидетельствуют наиболее самобытные произведения кабовердианцев, относящиеся к романному жанру: «Идентичность» (2002) Вириато де Барроса; «Любовь на Островах и в других краях» (2004) Камилы Монрон (псевдоним Ондины Феррейры); «Сельский ребенок» (2005) Вириато Гонсалвес и «О море с бурными волнами» (2006) Энрике Тейшейры де Соузы.

Хотя кабовердианская литература двуязычна (она создается как на португальском, так и на креольском языках), все эти романы написаны на португальском языке с более или менее интенсивным вкраплением креольских речений, пословиц и поговорок, придающих тексту приметы национальной характерности.

Все четыре произведения легко вписываются в жанр романа воспитания. Их создатели, следуя установившейся традиции, выстраивают сугубо линейное повествование с соблюдением временной последовательности и четко обозначенной причинно-временной связи: становление и формирование характера ребенка, подростка, затем юноши, молодого человека под влиянием определенной среды и жизненных обстоятельств. Воспитательная функция – одна из важнейших на данном этапе развития кабовердианской романистики, и потому в начале XXI века она насыщена дидактикой и морализаторскими сентенциями, чего не было прежде.

Еще одна новая ее черта – это резкая критика установившегося в стране после провозглашения независимости режима, не способствующего, по мнению литераторов, полноценному развитию человека, его национальной и личностной самобытности.

Сиим (Москвитина) А.Ю.

Музей антропологии и этнографии
им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН,
Санкт-Петербург, РФ

Пьер Верже: фотографический миф об афробразильцах

Практически в каждой области региональной этнографии и антропологии есть исследователи, основывающие изучение на образах чувственного восприятия культуры, практикующие полное погружение в ее среду. Ученые этого типа становятся мифотворцами и популяризаторами избранной ими культуры. Под их влиянием носители изучаемой

культуры начинают заново изобретать собственную историю и сакрализуют личность своего открывателя. Для йоруба в Западной Африке и афробразильцев такой фигурой стал француз Пьер Фатумби Верже (Pierre Fatumbi Verger) – один из основоположников этнографического научного фоторепортажа, автор множества фотоматериалов, статей и книг о синкретических культурах афробразильцев.

Проработав в ряде стран Европы, Азии и Африки фотокорреспондентом, в 1946 г. П. Верже приехал в г. Салвадор (Бразилия), где жил и работал до конца жизни (1994 г.). Прошел посвящение в жрецы культа ифа-ориша в Африке под именем Фатумби, став одним из первых инициированных среди европейцев. Один из учредителей Museu Afro-Brasileiro (Афробразильского музея) в центре г. Салвадор (1982 г.), где размещены собранные им образцы традиционного африканского искусства. Фигурирует как эпизодический персонаж в романах Ж. Амаду: писатель упоминает о появлении в ряде сцен П. Верже – живой легенды Салвадора и народного героя. Одним из первых обратил внимание на сходство культов ифа-ориша в районах проживания народа йоруба и синкретических культов кандомбле и умбанда в северо-восточных штатах Бразилии. Опубликовал во Франции ряд компаративных исследований культовых практик йоруба и афробразильцев. Первым получил доступ к съемкам сцен посвящения в кандомбле. Благодаря его деятельности афробразильские культы стали объектом пристального внимания антропологов, культурологов и религиоведов в Бразилии, Франции и других странах Европы. Большинство его фоторабот посвящены афробразильцам и метисам, т.е. типичным представителям особой «бразильской метарасы», описанной автором государственной идеологии Бразилии Ж. Фрейре.

Фонд Пьера Верже (Fundacao Pierre Verger), учрежденный им в 1988 г. в Салвадоре, – авторитетный центр африканистики и афробразильских исследований (религиозные практики, этномузыковедение, этнографическая фотография), а также координатор мероприятий по сохранению афробразильского культурно-исторического наследия.

Добронравин Н.А.
СПбГУ, Санкт-Петербург, РФ

***Креолизация и мусульманский календарь:
дни и месяцы в рукописи Жуакина, наго из Баии (Бразилия)***

Креолизация рассматривается нами как комплекс процессов этнокультурной интеграции и дезинтеграции в лузофонных и испанофонных странах Южной Америки и Африки. Этнокультурная интеграция в

указанных странах была напрямую связана с колонизацией и вызвала появление новых общностей и новой номенклатуры социэтнонимов. Помимо локальных наименований, широкое распространение получило название «креолы».

В Бразилии и других странах Южной Америки креолизация создавала барьер между африканскими рабами, родившимися в Африке, и вторым «афrolатинским» поколением. Первые были известны под различными названиями, преимущественно этническими или географическими (наго, жеже, конго, ангола, калабар и др.) или собирательно как «африканцы». Второе поколение могло сохранять этнические или географические наименования, но преобладающим становилось наименование «креолы».

Африканцы-мусульмане, попадавшие в Бразилию, быстро теряли родной язык, но сохраняли относительную обособленность благодаря собственной письменной традиции (в арабской графике, обычно на арабском языке). Почти все сохранившиеся до наших дней арабские документы бразильских рабов-мусульман оказались в архивах после восстания 1835 года.

Один из памятников афробразильской мусульманской культуры – календарь, найденный полицией у Жуакина «из нации наго». Составитель перечисляет большинство месяцев и дней недели мусульманского календаря. Язык рукописи можно описать как «фонетический арабский», либо как «мусульманский йоруба».

Попов В.А.
Музей антропологии и этнографии
им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН,
Санкт-Петербург, РФ

Креолы Сьерра-Леоне: истоки этнической культуры

Креолы Сьерра-Леоне, или криолы (эндоэтноним – крио) сформировались в XIX в. в результате смешения детрибализованных африканцев – бывших рабов, вернувшихся в Африку после отмены рабства в конце XVIII – середине XIX в. из Америки (США, Канады, британских владений в Вест-Индии) и высланных с Ямайки марунов, а также т.н. освобожденных африканцев. То есть выходцев из различных регионов Западной Африки, освобожденных при захвате англичанами невольничьих судов и доставленных во Фритаун (большинство из них – представители народов современной Нигерии: йоруба, игбо, фульбе и др.).

Наиболее многочисленной группой (1,2 тыс. чел) среди первых переселенцев были новошотландцы – бывшие рабы, участвовавшие в

составе британских войск в войне Великобритании с ее колониями в Сев. Америке (1775–1783), а затем размещенных в канадской провинции Новая Шотландия. Маруны появились в 1800 г. Это была группа из 500 рабов, восставших против плантаторов на Ямайке и несколько лет сражавшихся против английских войск, а потом депортированных в Новую Шотландию.

После 1808 г. наиболее многочисленными стали освобожденные африканцы. Они еще сохраняли память о своем этническом происхождении, языке и обычаях. В 1840-е годы поток освобожденных рабов прекратился, и потомки поселенцев, родившиеся в Сьерра-Леоне, стали по численности превосходить уроженцев других регионов. Началось формирование единого креольского этноса.

Сначала криолами называли только потомков новошотландцев, марунов и освобожденных рабов, родившихся в Сьерра-Леоне, но уже в 1870-е годы так называли все африканское население колонии иммигрантского происхождения, обладавшее определенным культурным единством и существенно отличавшееся от обитателей внутренних районов Сьерра-Леоне. Община криолов с самого начала была гетерогенной в этническом отношении, но ядром культурной консолидации для освобожденных африканцев и их потомков стали новошотландцы, при этом культура нового этноса обрела некоторые африканские черты, а родным языком стал крио, который сложился на основе креолизованного английского языка британских колоний Северной Америки с элементами франко- и португалоязычного пиджинов, а также языка йоруба.

До 1890-х годов криолы в этнокультурном отношении ощущали свою близость к жителям Британии и называли себя «черными англичанами». Лишь в конце XIX в. в результате политики «культурного превосходства» британцев и введения строгой территориальной и бытовой сегрегации начался рост антибританских настроений. Постепенно у криолов сформировалось осознание себя африканцами. В настоящее время большинство их сознает себя «африканцами», «сьерра-леонцами» и даже «нигерийцами» и частично ассимилируется с автохтонным населением.

Вместе с тем крио ведут вполне европеизированный образ жизни, отличаются высоким уровнем образования, по вероисповеданию – англикане (за исключением небольшой группы мусульман – аку). Их численность в Сьерра-Леоне составляет (по оценке 2010 г.) не менее 700 тыс. чел., но, несмотря на свою малочисленность (менее 2% населения Сьерра-Леоне), крио занимают многие руководящие посты в государственном управлении, в медицине и образовании, много их также среди ИТР и бизнесменов. Следует заметить, что из их среды вышли первые идеологи panaфриканизма и заметные политические деятели ряда стран, бывших британскими колониями (Нигерия, Гана, Гамбия).

СЕКЦИЯ 12

ИСЛАМСКИЙ ВЫЗОВ СОВРЕМЕННОМУ МИРОПОРЯДКУ: ОТ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ К ВСЕМИРНОМУ ХАЛИФАТУ? ОПЫТ РЕГИОНОВ МУСУЛЬМАНСКОГО МИРА

Руководители: д.и.н. Анатолий Дмитриевич Саватеев,
к. философ. н. Энвер Фридович Кисриев

Кисриев Э.Ф.
Институт Африки РАН, Москва, РФ

Природа исламского политического радикализма

Обсуждение глобальных политических процессов современного мира ныне невозможно без анализа проблематики радикальных исламских движений. Исламский фундаментализм, радикализм и терроризм подвергаются анализу практически на всех международных политических форумах, в выступлениях государственных деятелей, статьях и книгах политических экспертов. Между тем обстоятельных научных работ, вскрывающих природу этого явления, по-прежнему недостаточно. По всей видимости, именно практическая актуальность и политические интересы препятствуют беспристрастному научному изучению этого круга проблем.

Наиболее оправданный, по мнению автора, подход к осмыслению данной проблематики сформулирован Самуэлем Хантингтоном. Он считает, что самые глубокие противоречия, приводящие к конфликтам, обусловлены не идеологией и не экономикой, а фундаментальными различиями в культуре, порождающими *конфликт цивилизаций*. Другой видный американский политический теоретик Даниэль Пайпс полагает, что речь должна идти не о *конфликте цивилизаций*, а о конфликте *между цивилизацией и варварством*.

В этом смысле Северный Кавказ как раз представляет объект исследования процессов радикализации ислама, осмысления ее причин, природы и характера. Здесь на протяжении последних 20 лет отчетливо проявились вначале тенденции реисламизации ислама, затем наблюдались процессы дифференциации исламских течений, менялась диалектика отношений исламистов с властью и др. В последние годы мы на-

блюдаем на Северном Кавказе активизацию деятельности экстремистских подпольных группировок, противопоставивших себя не только официальной власти, но и всему современному гражданскому и социокультурному порядку.

Указанные процессы изучались нами на всем протяжении их развития, начиная с первых признаков оживления религиозной жизни и заканчивая нынешними трагическими коллизиями. Исследования проводились с использованием методов включенного наблюдения, социологических опросов. Серьезное внимание уделялось ознакомлению с наиболее значимыми деятелями, с аппаратными и административными аспектами эволюции конкретных ситуаций, конструированию типологий рассматриваемых явлений.

Исследования позволяют сделать определенные выводы о социальной природе радикализации религиозного сознания у населения региона, об определяющей роли экзистенциальных факторов, способствующих массовому интересу к исламской теологии, принятию значительной частью кавказской молодежи радикальных вариантов интерпретации священных текстов и поведения.

Карпачёва О.В.
Институт Африки РАН, Москва, РФ

Проект возвращения халифата в свете идейных истоков исламского фундаментализма

Взгляды теоретиков современного исламского фундаментализма формировались на базе идейного наследия мусульманских философов, живших в разные периоды истории мусульманской цивилизации. Основными духовными прародителями современных исламских фундаменталистов не без основания считают хариджитов, возникновение движения которых относится к I веку мусульманской эры. Примечательно, что даже современные официальные круги часто именуют исламских фундаменталистов хариджитами, тем самым подчеркивая неисламский характер их происхождения.

Истоки исламского фундаментализма тесно связаны с идеями халифата, которые выдвинули мусульманские реформаторы в конце XIX – начале XX в. Среди богословов, чьи идеи оказали решающее влияние на зарождение современного исламского фундаментализма, можно назвать Джамалаяд-Дин аль-Афгани, Рашида Рида, Мухаммада Абдо и Абд ар-Рахмана аль-Кавакиби.

С 1924 г., когда в Турции умер султан Абдул Маджид II, прекратил свое существование и исламский халифат. Халиф, подобно папе рим-

скому, являлся символом единства и сплоченности исламского мира: во времена правления халифов исламская Умма распространилась от Марокко на западе до Индонезии на востоке, достигнув районов Советского Союза на севере и некоторых африканских стран на юге. Оглядываясь назад на свою историю, современные мусульмане обращаются не только ко временам пророка в Медине, но и к периоду Умара ибн аль-Хаттаба и Умар ибн Абдуль-Азиза, когда, по их мнению, в обществе царил справедливость: «Мечта о возвращении халифата, где бы объединились все мусульмане и жили с достоинством в условиях социальной справедливости по заветам Корана, является идеальным обществом, своеобразной утопией, взывающей к чувствам большинства мусульман».

В 1952 г. «Братья-мусульмане» приобрели участок земли на горе Мукаттам в пригороде Каира с намерением создать там некое идеальное общество, где бы проживали 30 000 семей. Однако этот план провалился, когда Г. Насер два года спустя экспроприировал землю. А. Шукри Мустафа, основатель организации «Общество мусульман», прозванного в СМИ «Ат-такфирва-ль-хиджра», вывел своих людей в пустыню для создания идеального мусульманского общества, и ему удалось привлечь на свою сторону порядка 5000 последователей, несмотря на абсурдность замысла в глазах многих египтян.

Мечта о возвращении к халифату, о создании всемирной исламской Уммы, казалось бы неосуществимая с позиции рационального мышления, с точки зрения страстно верующего человека выглядит вполне реализуемой.

Ланда Р.Г.
Институт востоковедения РАН, Москва, РФ

Исламизм в России: проблемы и перспективы

О внутрироссийских факторах, способствовавших «постсоветскому» взлёту исламизма, у нас написано много. Вкратце это: 1) распад столь мощного государства, как СССР, и вместе с ним его гигантского управленческого, военного и партийного информационно-пропагандистского аппарата; 2) тяжёлое экономическое положение и массовое социальное недовольство во всех регионах СССР до 1991 г. и во всех республиках СНГ, включая Россию, в первой половине 90-х годов; 3) небывалый идейный кризис, последовавший одновременно с политическим и социально-экономическим, породивший вместе с вакуумом власти идеологический вакуум, каковой в мусульманских регионах, естественно, заполнил ислам; 4) ошибки новой российской власти в 90-х годах, во многом

двигавшейся ощупью, по никому неведомому пути возврата «из социализма в капитализм»; 5) неспособность этой власти не только решить острые проблемы мусульманских регионов в короткий срок, но даже быстро взять под контроль политическую и военную ситуацию в этих регионах; 6) явная недооценка властями России в 1991–1995 гг. всё нарастающей угрозы исламизма вследствие событий 1978–1979 гг. в Иране, неудачи СССР в Афганистане и роста воздействия на Россию «внешнего ислама» после 1989 г.

Отдельно надо сказать о суфийских братствах, представляющих собой духовные ордена полусредневекового типа со своими доктринами, обрядами и дисциплиной, предусматривающей абсолютное повиновение мюридов (послушников) своим муршидам (наставникам). Всего в мире таких братств – свыше 300. И многие из них (Кадирийя, Шазилийя, Накшбандийя, Ясавийя) действуют одновременно на Кавказе, в Центральной Азии и в Поволжье. Причём возникают и новые братства, например, Хакканийя, имеющие филиалы в США, Великобритании, на Северном Кипре и в Дагестане. Внутренняя жизнь этих братств, объединяющих десятки и сотни тысяч людей, является тайной для всех непосвящённых.

Надо добавить к этому ошибочное решение в декабре 1994 г. начать войну в Чечне без учёта истории чеченцев, дважды (в 1817–1864 гг. и в 1944–1956 гг.) пострадавших от российской власти, а в 1989–1994 гг. живших в условиях самой массовой в России безработицы. Проигнорированы были проведённые осенью 1991 г. изменения в руководстве Чечни, осуществлённые в 1991–1994 гг. военные приготовления, характер созданных там боевых формирований, общенародный настрой на борьбу, наконец – профессиональный опыт лидеров Чечни Дудаева и Масхадова, долго служивших в нашей армии, знавших её недостатки, а главное – её ослабление после 1989 г.

Дальнейший ход событий известен. Многие упущения и промахи 90-х годов исправлены. Однако не все проблемы решены. Социальная неустраенность части населения постоянно поддерживает определённый уровень недовольства. Результатом этого и является терроризм, подпитываемый извне и идеологически подкрепляемый исламизмом. Хотя исламисты понесли значительные потери и их влияние существенно сократилось, у них ещё есть сторонники и, очевидно, они сохраняются, если проблемы, имеющиеся в регионе, не будут решаться или будут решаться медленно и фрагментарно.

Кризис традиционной идентичности и поиски «нового ислама»: опыт Северо-Западного Кавказа

Традиционная идентичность населения Северо-Западного Кавказа основана на общекавказской парадигме: народы Кавказа живут в однотипных природных условиях (горно-предгорно-равнинных). Для всех них характерно осознание своего культурного и духовного единства с народами Северного Кавказа, высокая ритуализация повседневных взаимоотношений, символическое преобладание «мира мужчин» над «миром женщин» и т.д.

В то же время характерной особенностью идентичности народов Западного Кавказа является система *Адыгэ Хабзэ* – совокупность как этических и морально-нравственных норм, так и мировоззрения, определяющего повседневное поведение и мотивации. *Адыгэ Хабзэ* была самой прочной и стабильной системой, регулирующей не только весь комплекс взаимоотношений в рамках адыгского общества, но и его связи с другими народами. Ни одна из мировых религий – ни христианство, проповедь которого велась здесь со времен Римской империи через самые различные культурные каналы, ни ислам, интенсивно распространявшийся у черкесов в период Кавказской войны, не могли по силе воздействия сравниться с *Адыгэ Хабзэ*.

Исламские институты, сложившиеся у черкесов к моменту окончания Кавказской войны, в сравнении с адыгскими все же были относительно неразвитыми и неоформленными структурами. Они подверглись модернизации дважды: в первый раз, когда Российская империя формировала лояльные мусульманские элиты и для этого создавала новую социальную реальность, где формируемая система управления духовной жизнью мусульман Западного Кавказа была нацелена на предотвращение появления нового имама Шамиля. Второй раз – в советский период, когда ислам был вытеснен на периферию социальной жизни и стал реликтовым явлением, функции которого, по существу, ограничивались поминальной обрядностью.

Период конца 1990-х годов, характеризовавшийся изменением политической и социальной обстановки, кризисом традиционной культуры, усложнением адыгского общества, повышением мобильности народа, завершился формированием новой идентичности. Она основывается на признании ислама как единственно возможного для черкесов надэтнического проекта, который многими рассматривается в качестве ответа на вызовы глобального либерального проекта и, как полагают, дает

возможность преодолеть узкие рамки национальной ограниченности. Ярким представителем этого направления был убитый весной 2010 г. Анзор Астемиров, кадий «Имамата Кавказ». В среде так называемых «новых мусульман» можно выделить два крыла: умеренное, приверженцев которого можно отнести к умеренным салафитам, и радикальное крыло, проповедующее вооруженный джихад.

Шлапентох Дмитрий
Университет Индианы,
США

Чечня в свете моделей революционных движений

Большинство революционных движений будет следовать путем «национал-большевизма». Большая их часть по своим целям и лозунгам, как правило, носит мессианский и универсалистский характер, по крайней мере в самом начале своей истории. Национализм отвергается как иноземное и опасное вероисповедание. Примером здесь может служить большевистская революция. Тем не менее после ее победы произошли кардинальные изменения: самобытное революционное учение с его универсалистской идеей было включено в исконный национализм, как это было в сталинском СССР. То же самое можно наблюдать в поздний период Китая времен Мао и в постреволюционном Иране. Ситуация может быть иной, если до победы пока далеко. В этом случае рождающийся национализм с его ограниченными и четко определенными целями может преобразоваться в мессианский универсалистский символ веры. Именно так произошло с Чечней, где националистические побуждения Дудаева превратились в мессианский универсалистский джихадизм.

Саватеев А.Д.
Институт Африки РАН, Москва, РФ

Исламский фундаментализм в Тропической Африке: единство теории и различие практики

Исламский фундаментализм в Африке южнее Сахары существует с 1950-х годов. Он обладает общими чертами, присущими всем фундаменталистским течениям в исламе: признает в качестве идеальных те духовно-религиозные и социально-культурные принципы, которыми

якобы руководствовалась община единомышленников, сплотившаяся вокруг Пророка Мухаммада. В этом смысле приверженцы фундаментализма представляют собой определенную целостность. Однако в социально-профессиональном отношении, в теории и методах действий они заметно разобщены.

Среди сторонников возврата к порядкам первородного ислама можно выделить две базовые группы, которые условно можно назвать «теоретиками» и «практиками». К первым относятся возникшие почти в каждой стране с мусульманским населением многочисленные, но узкие группы университетской интеллигенции и студенчества, получивших светское образование. Для них ислам, прежде всего, духовно-культурное наследие, укоренившееся в народе; это единая, универсальная ценностная система, обладающая в то же время собственным потенциалом общественного развития. Заповеди Аллаха, переданные Мухаммадом, воспринимаются ими как идейное оружие, которое можно противопоставить западным, светским теориям общественного развития как собственное, самобытное учение построения общества на основах взаимопомощи, справедливости и чистоты нравов.

Вторые, «практики», – улемы, в большинстве своем получившие глубокое образование в исламских университетах Северной Африки и Ближнего Востока и пользующиеся большим уважением у единоверцев благодаря высокому уровню благочестия, познаниям в области исламских наук и умению истолковать правовую, бытовую или иную жизненную ситуацию в соответствии с мусульманскими законами. Но, в отличие от «теоретиков», ислам для них – не столько средство, сколько всеобъемлющая сила, преобразующая социальную жизнь во всех ее проявлениях, включая замену светской государственности на теократическую. Вся общественная деятельность, все сферы человеческого бытия должны вершиться в соответствии со священными заповедями Корана. Кроме того, улемы, как правило, ближе к народу; вращаясь в его гуще, испытывая те же лишения и порой несправедливости властей, которые вдобавок нередко ассоциируют себя с глобальным правительством, они лучше понимают чаяния и беды людей, и потому именно они становятся во главе мусульманских социально-религиозных бунтов, охватывающих время от времени то одну, то другую страну. Этой категории поборников важно в первую очередь уподобить всю систему организации жизни в африканских странах тем нормам, которые демонстрируют теократические режимы Ближнего Востока.

Стремясь установить непосредственную исламскую демократию, «практики» уже тем самым входят в противоречие с идеальными устремлениями фундаменталистски настроенной интеллигенции, не предполагающей, какая судьба ее может ожидать, если в стране установится

режим, подобный тому, что планировало движение Майтаине в Нигерии. Однако различия в стане «практиков», заметно сглаживаются, если в Афганистане окончательно победит Талибан. Что в то же время обострит отношения с тарикатами, представляющими здесь подавляющее большинство правоверных.

Долгов Б.В.
Институт востоковедения РАН, Москва, РФ

Исламский вызов в Европе (на примере Франции)

Арабо-мусульманская диаспора во Франции – самая многочисленная в Европе. Часть ее восприняла европейские цивилизационные ценности. Однако многие мусульмане привержены своей религии и культуре. Для них ислам – основа цивилизационной идентификации. Во Франции есть последователи классического ислама, индивидуального ислама, движение светских мусульман. Действуют неорационалистские течения, лидеры которых проповедуют коммунотеризм, то есть замкнутое существование мусульманской общины в замкнутом пространстве в полном соответствии с шариатом. Неосалафиты и последователи движения *таблига*, отвергающие европейские ценности, стремятся полностью обособиться от «безбожного общества». В результате исключения из экономической и социальной жизни и соответственно высокого уровня безработицы части данной категории мусульман, особенно молодежи, происходит ее геттоизация и частичная маргинализация, что способствует усилению влияния джихадистской идеологии. Около 1 тыс. из этой категории мусульманской молодежи по всей Франции являются членами закрытых и полуподпольных исламистских организаций, представляющих потенциальную опасность.

Противостояние между различными течениями ислама во Франции – реальность. Это касается, прежде всего, взаимоотношений Движения светских магрибинцев, ратующего за модернизацию ислама и демократические ценности и выступающего против фундаменталистов и исламистов, представленных в основном Союзом исламских организаций Франции и Партией мусульман Франции. Вместе с тем для значительной части арабо-мусульманской диаспоры исламская идентификация является не столько религиозной, сколько культурной. Арабо-мусульманская диаспора в Европе, и в частности во Франции, является частью как французского общества, так и мусульманского мира. Она играет и будет продолжать играть все возрастающую роль во французской социальной и общественно-политической жизни как в силу тен-

денции к постоянному увеличению ее членов, так и в силу значимости той ниши во французском обществе, которую занимает достаточное число представителей мусульманской общины.

Ладан Усман
Университет Ахмаду Белло,
Нигерия

Исламский бунт «Боко Хаарам» в Северной Нигерии: фронт глобального джихада Аль-Каиды или восстание против местной несправедливости?

В докладе анализируется происхождение и природа недавнего исламского восстания «Боко Хаарам» в Северной Нигерии. Бунт начался 25 июля 2010 г. в Баучи и распространился на штаты Борно, Йобе и Кано. За неделю насилий погибло свыше 700 человек, включая 39-летнего лидера этой секты, который был убит в полицейском изоляторе. Месяц спустя, когда официальные лица в правительстве и руководители службы безопасности праздновали победу, члены секты перегруппировались и возобновили нападения на полицейских и их гражданских сотрудников. За более чем 12 предпринятых атак в трех штатах были убиты пять полицейских и шесть гражданских лиц.

По мере того как драма продолжает разворачиваться, становится ясно, что «Боко Хаарам» – не тряпичная армия раздраженных боевиков, а организованное движение, насчитывающее свыше 500 тыс. членов.

В докладе ставится вопрос: является ли эта секта филиалом Аль-Каиды, борющимся за глобальный джихад, или это доморощенное восстание против местной несправедливости? В нем доказывается, что между Аль-Каидой и «Боко Хаарам» еще нет связи, корни секты произрастают из широко распространенной нищеты, коррупции и социального разложения, вина за которые возлагается на вестернизацию и дурное управление. Тем не менее непрекращающиеся преследования со стороны нигерийского государства в отношении временно разбитых боевиков могут подтолкнуть наиболее упорные элементы из мятежной среды в объятия Аль-Каиды и ее движения глобального джихада. В докладе делается вывод, что если это произойдет, то богатое наследие исламского преображения в Северной Нигерии и его исторические культурные связи с арабским миром могут слиться с социальным недовольством, и тогда этот стратегический перекресток Западной и Центральной Африки может обратиться в главную опору Аль-Каиды.

**Исламский призыв в Великобритании:
новые тенденции и перспективы**

При всем многообразии форм ислама в Великобритании последние десятилетия ее истории ознаменовались активизацией в первую очередь фундаменталистских движений. Используя светский характер политических институтов и свободу, обеспеченную правовыми нормами, ислам не «секуляризовался», а, напротив, начал настойчивее утверждать свою религиозно-культурную самобытность. Свобода в религиозной сфере привела к укреплению наряду с умеренными радикальных позиций в среде мусульман страны. В религиозной мозаике «британского» ислама выявились и новые феномены, например, *салафизм*, который начал утверждаться в Великобритании приблизительно с середины 1990-х годов. Для *салафизма* характерна апелляция к опыту ранней мусульманской общины при решении как сугубо религиозных вопросов, так и проблем, не относящихся к религиозным. Причем *салафизм*, в рамках которого обращает на себя внимание жесткое навязывание признания необходимости *джихада*, стал выступать в роли альтернативы всем остальным традиционным движениям и направлениям ислама. Он успешно «перетягивает» на свою сторону молодых мусульман и, не в последнюю очередь, за счет активной пропаганды в Интернете.

Однако главным и имеющим наиболее сильные позиции среди суннитов Великобритании фундаменталистским движением является *Джамаат-и-ислами* («Исламская община»). Движение ведет активную миссионерскую и социальную деятельность среди различных групп и слоёв мусульман Туманного Альбиона. Для этого был создан ряд организаций, которые, формально заявляя о своей независимости, на самом деле подчиняются *Джамаат-и-ислами*, координируют с движением свои действия и имеют идентичную с ним структуру.

Движение *ахл-и-хадис* также пользуется влиянием среди мусульман Британии. У него не так много мечетей в стране, но оно привлекает к себе повышенное внимание британской общественности (и в том числе мусульманской) активной агитацией в СМИ в пользу размежевания, вплоть до отделения *Уммы* от немусульман.

В целом можно говорить о радикализации взглядов мусульманской общины в Великобритании. Радикализм привлекает в первую очередь молодежь. Британская *Умма* молода, а молодость – время страстей и склонности к нетерпению, к революционным взглядам. Дополнительным «раздражителем» в нарастании фундаменталистских настроений

мусульман в Великобритании является ее участие в войне в Афганистане и Ираке, а также поддержка Израиля в палестинском конфликте.

Ханафитская Эфиопия

В Эфиопии ханафизм исповедует многомиллионная масса коренного населения. История ислама в Эфиопии уникальна. С середины IV в. в этой стране распространялось христианство, а в области оз. Тана – также иудаизм. При жизни Пророка Мухаммада в Аксум, столицу христианской империи, занимавшей половину Эфиопии и Эритрею, прибыло много мусульман из Мекки, спасшихся от гонений. В конце IX–XI в. на этих землях формируется ряд мусульманских государств.

Дальнейшая судьба мусульманских народов и исламской цивилизации в Эфиопии была драматична. В XV – первой половине XVI в. названные выше государства (кроме восточной части Йифата – Харэрского и Черчерского плато, стран исса и афаров) были частично заселены христианами, составившими здесь привилегированное меньшинство. В 1529 г. начался новый джихад мусульман Йифата и сомалийских племен под предводительством имама Ахмада Левши (Грань, Гуре). В ходе этой тридцатилетней войны была сначала разгромлена христианская Эфиопская империя, значительная часть ее населения приняла ислам, но затем она возродилась и разгромила мусульманский Йифат. Те, кто временно принял ислам, в большинстве вернулись в христианство, но некоторые новые мусульмане стали шихидами и даже святыми.

Возрождение ислама в Эфиопии происходило на фоне более мощного возрождения ислама и сомалийского народа на Африканском Роге, арабизации и исламизации Судана и расцвета Сеннарского султаната. Маликитский Судан и шафиитское Сомали с его характерными, отличными от эфиопской, формами народного ислама, стали главными соседями Эфиопии. Из Судана распространялся маликитский мазхаб, из Сомали, Аравии и Египта – шафиитский.

Существуют разные оценки численности мусульман в Эфиопии. Согласно данным переписи 2007 г., из 75,1 миллиона населения этой страны 62,8% исповедуют христианство и 33,9% – ислам. Если предположить, что ханафиты составляют около 40% мусульман Эфиопии, то это (с учетом роста населения) примерно 11–12 миллионов человек. Нигде в Африке нет столь многочисленной и полиэтнической общины суннитов ханафитского мазхаба, как в Эфиопии.

Это явление нуждается в подробном изучении, как в историческом, так и в социально-культурном и этнографическом плане.

Додхудоева Л.Н.
Институт востоковедения и
письменного наследия АН РТ,
Таджикистан

Особенности исламизации в современном Таджикистане: между универсальным и локальным

1990-е годы стали для Таджикистана временем жесткого гражданского противостояния, связанного с поиском путей обновления общества, принципов построения независимого государства (секулярность или шариат). В 1992 г. столкновение позиций вызвало гражданскую войну, завершившуюся в июне 1997 г. подписанием мирного договора, в положениях которого были учтены интересы противоборствующих сторон, по существу определявшие дальнейшее общественно-политическое развитие страны и повлиявшие на жизнь всего региона.

Безусловным достижением таджикостанского общества в преодолении кризиса можно считать тот факт, что важнейшим пунктом этого договора стали легализация деятельности Партии исламского возрождения Таджикистана, ее вхождение в политическую жизнь страны, в частности участие в работе парламента (Маджлиси Милли маджлиси намояндагон), издание официального печатного органа – газеты «Наджот» («Спасение»), выходящей с некоторыми перерывами с 1997 г.

Таким образом, Таджикистан дает уникальный материал для анализа особенностей процесса исламизации социально-политической жизни в стране, имевшей опыт секуляризма.

В последнее десятилетие Таджикистан испытал значительное влияние различных исламистских групп и течений («Хизб ут-тахрир-и ислами», салафизм, «Таблиг-и джами'ат-и ислами» и проч.), при всем различии в программах, целях и методах деятельности имеющих общую идею возвращения к «светлому исламскому прошлому», универсальности мусульманской уммы и проч. За это время в страну вернулась молодежь, сформировавшая свое мировоззрение в различных религиозных центрах (от ал-Азхара до полуправильных курсов в Пакистане) и мало отягощенная чувством гражданственности. Вскормленные на разных хлебах, эти люди вносят весьма своеобразную ноту в общий мусульманский хор в стране.

Сегодня перед таджикостанским мусульманским сообществом, сформированным как «старыми» мусульманами, стремившимися отсто-

ять идентичность таджиков как истинных мусульман в рамках национального государства в период перестройки, и «новыми» мусульманами, рассматривающими проблему развития ислама с мусульманских ойкуменистических позиций, встает вопрос о балансе местного и универсального в новой социальной реальности.

Кампания, проводимая в последнее время политической элитой страны, свидетельствует о ее явной обеспокоенности примерами нарушения баланса между универсальными исламскими идеями и интересами национального государства.

Орлов В.В.
ИСАА МГУ, Москва, РФ

Марокканское государство и умеренные исламские партии в 2000-х годах: союзники или соперники?

Умеренные исламские партии возникли на политической арене Марокко в конце 90-х годов XX в. Крупнейшая из них – Партия справедливости и развития (ПСР, *Хизб ал-'адала ва-т-танмийа*) – была основана в 1998 г. на базе малочисленной светской партии Народно-демократическое конституционное движение (НДКД) и исламистской группы «Реформа и обновление» (*Ал-Ислахва-т-таджид*). Фактическая легализация исламистов произошла в Марокко на парламентских выборах 1997 г., где союз НДКД – «Ал-Ислах» завоевал 9 депутатских мандатов. В ходе избирательных кампаний 2002 и 2007 гг. парламентское представительство исламистских сил возросло: завоевав 42 мандата на выборах 2002 г. и 46 – в 2007 г., ПСР вошла в «клуб» общенациональных партий наряду со старейшими в Марокко партиями – Истикляль и Социалистическим союзом народных сил (ССНС). После двукратного успеха ПСР партийно-политическая система Марокко основывается на трех основных блоках: 1) блоке левоцентристских партий, группирующихся вокруг ССНС; 2) блоке центристских «дворцовых» партий во главе с Национальным объединением независимых (НОН); 3) исламско-традиционалистском блоке во главе с ПСР. При таком раскладе сил Истикляль, идейно близкая к ПСР, обладает возможностью для политического маневра, поддерживая контакты как с исламистами, так и с дворцом.

На протяжении 2000-х годов долговременный альянс с ПСР позволил королевскому режиму присвоить лозунги социальной защиты, популярные у левых партий, и в то же время расколоть ряды исламской оппозиции радикального толка. ПСР уже более 10 лет обладает легаль-

ным статусом, вовлекается в коалиционную политику, идет на политические компромиссы с правительством, неизменно оказывает трону поддержку в отстаивании позиций Марокко в западносахарском вопросе. Лояльность ПСР вознаграждается наличием крупной фракции в парламенте, широкомасштабным присутствием в Интернете и средствах массовой информации, активными контактами с исламскими силами в Марокко и за рубежом. Впрочем, во второй половине 2000-х годов марокканские власти негласно ограничили возможности ПСР, возвращая ее конкурентов. В июне 2005 г. с согласия двора была создана левоисламистская партия «Цивилизационная альтернатива» (ПЦИ, *Хизб ал-бадил ал-хадари*), а в декабре того же года в Рабате состоялось учредительное собрание исламистской Партии возрождения и благодати (ПВБ, *Хизб ан-нахдава-л-фадила*). Конкуренцию умеренным исламистам на выборах составляет и созданная королевской администрацией в 2008 г. проправительственная структура – Партия подлинности и современности (*Хизб ал-асалава-л-му'асара*), выступающая с критикой исламистских воззрений.

Бобохонов Р.С.
Институт Африки РАН, Москва, РФ

Талибан – афганский вариант торжества исламизма

«Талибы» (араб. – учащиеся) – основная сила исламского афганского движения Талибан. Опорой Талибана являются учащиеся духовных школ-медресе сельских районов Афганистана и Пакистана. Зародившись в юго-восточной части Афганистана в 1993 г. в среде пуштунов-дуррани, оно затем приняло массовый характер, включило выходцев из племен гильзай и других восточных пуштунов, а также бывших членов фракции «Хальк» НДПА, ряд афганских полевых командиров с их отрядами и даже пакистанскую молодежь. Талибам удалось создать два государства: Исламский эмират Афганистан (1996–2001) и Исламское государство Вазиристан.

В 2010 г. силам коалиции войск НАТО в Афганистане противостояли 27 тысяч боевиков движения «Талибан», часть которых являются активными членами Аль-Каиды.

На подконтрольных территориях Талибан вводит нормы шариата, выполнение которых строго контролируется. Под запретом находятся телевидение, музыка, музыкальные инструменты, изобразительное искусство, компьютеры и Интернет, шахматы, белая обувь (белый – цвет талибского флага). Женщинам не разрешают работать, лечиться у вра-

чей мужского пола, появляться в общественных местах с открытым лицом и без мужа или родственника мужского пола. Мужчинам следует обязательно носить бороду определенной длины. Талибы выступают за запрет женского образования (в 2001 г. девочки составляли только 1% учащихся школ). Широко практикуются шариатские виды наказаний, включающие публичные телесные наказания, за воровство отрубают руку, за супружескую неверность забивают камнями. Отличаясь крайней религиозной нетерпимостью, эти приверженцы суннитской формы ислама преследовали и шиитов, из-за чего отношения талибов с соседним Ираном резко ухудшились.

Идея экспорта «талибской революции» в этом движении присутствовала как естественное продолжение политики, которая понималась как восстановление власти ислама в мусульманском мире и за его пределами. В качестве главных были избраны три региональных направления: на северо-восток (в страны Центральной Азии и далее в Россию), на восток (в Пакистан, а затем в Индию) и на юго-восток (через Белуджистан в Иран и далее к Персидскому заливу). Однако в осуществлении этого стратегического плана талибам помешало активное сопротивление узбекской оппозиции (во главе с Дустумом) и таджикского северного альянса (во главе с Масудом), а также вторжение войск НАТО в Афганистан.

Многие талибы, будучи активными членами Аль-Каиды, так или иначе причастны ко многим террористическим актам, совершенным этой организацией по всему миру, в том числе в Африке.

Исаев Л.М.
Государственный университет –
Высшая школа экономики,
Москва, РФ

Переворот в Египте и его возможные последствия для России

После бегства в Саудовскую Аравию президента Туниса Зана Аль-Абидина бен Али волна антиправительственных народных выступлений захлестнула практически весь арабский мир. Король Иордании Абдалла в результате демонстраций на улицах Аммана вынужден был распустить правительство, уже несколько недель продолжаются беспорядки в Алжире и Йемене. А 11 февраля ушел в отставку президент Египта Хосни Мубарак, положение которого еще совсем недавно казалось незыблемым и которого оппозиция даже называла «фараоном», поскольку он находился у власти с 1981 г.

Вряд ли кто-либо полагал, что режим Мубарака падет под напором народного гнева, у которого нет ни организатора, ни исполнителя. Однако это произошло. В результате власть в стране перешла в руки Высшего совета вооруженных сил. Но трехнедельные беспорядки на улицах египетских городов в первую очередь сыграли на руку Братьям-мусульманам – старейшей исламской ассоциации. Режим Мубарака впервые за годы своего существования был вынужден начать диалог с исламистами: вице-президент Омар Сулейман сел за стол переговоров с оппозицией, среди которой были и Братья.

О своем намерении в дальнейшем сотрудничать с Братьями-мусульманами высказались два наиболее вероятных претендента на пост президента Египта: Мухаммед аль-Барадеи и Амр Мусса, чей срок полномочий на посту Генерального секретаря Лиги арабских государств заканчивается весной 2011 г. С большой долей вероятности можно предположить, что на президентских выборах поддержка со стороны Братьев-мусульман того или иного кандидата может сыграть решающую роль.

Очевидно, что Братья-мусульмане станут частью будущего политического истеблишмента: часть министерских портфелей, как и мест в Национальном собрании, скорее всего, достанется им. В этой связи не стоит забывать известную формулу, которая гласит: то, что произошло в Египте, рано или поздно, в той или иной степени неизбежно происходит во всех арабских странах.

Это обстоятельство, в свою очередь, может оказать влияние на политическую ситуацию в России, где с каждым годом усиливаются межконфессиональные противоречия и конфликты. Премьер-министр Великобритании Дэвид Кэмерон уже заявил на Мюнхенской конференции о том, что эксперимент с созданием мультикультурного общества в Британии провалился. Осознавая серьезность складывающейся ситуации, президент Дмитрий Медведев провел заседание Президиума Госсовета в Уфе, посвященное межкультурным и межконфессиональным отношениям в России. А за несколько часов до этого встретился с Верховным муфтием Башкортостана Талгатом Таджуддином и призвал лидера мусульман и других духовных лиц пресекать проявления радикализма среди мусульман России.

Ислам и политика в современном Алжире

Алжир – страна, в которой исламские ценности всегда принимались всем коренным населением. На политическую арену здесь ислам вышел только в конце 1980-х годов, совпав и став свидетельством кризиса правящего режима. До этого мусульманские организации не представляли угрозы для политического режима, поскольку придерживались принципа «пассивного сопротивления».

В 1988 году, когда в стране начались антиправительственные выступления, исламисты впервые выступили организованной группой и попытались взять протестное движение под контроль, намереваясь использовать его в своих целях. После событий 1988 года исламисты стали пользоваться большой популярностью, о чем свидетельствовали результаты муниципальных выборов, на которых партия Исламский фронт спасения (ИФС) получила 65% голосов. Но исламисты не смогли воспользоваться плодами своей победы на выборах: против них выступила алжирская армия – оплот светской власти. Экстремистские методы, которые использовали исламисты для достижения власти (а в ход были пущены запугивания и расправы с наиболее упрямыми противниками) оттолкнули или отрезвили и часть избирателей, вначале поддержавших исламистов. Столкновения сторонников и противников создания исламского государства (а ИФС именно так поставил вопрос) привели к началу гражданской войны, в которой светское правительство и вооруженные силы в течение нескольких лет сражались с приверженцами установления в Алжире теократического режима.

Чтобы нанести поражение исламистским силам и остановить боевые действия на территории страны, правительство предприняло ряд мер. Во-первых, ему удалось добиться раскола исламистского движения, начав диалог с его умеренными представителями. Во-вторых, оно принудило исламистов, состоявших в армейских подразделениях, отказаться от вооруженной борьбы. И только против тех, кто упорствовал в своем сопротивлении правительству, были приняты репрессивные меры.

О том, насколько удачным был накопленный светской властью опыт борьбы с исламистами, можно судить по событиям января 2011 года, когда правительство смогло легко покончить с народными выступлениями, а исламистам так и не удалось воспользоваться возникшей нестабильностью, чтобы хотя бы попытаться обострить обстановку.

***Ислам в Дарфуре в XVII–XVIII вв.
(по памятнику Ибн Дайфаллаха «Табакат»)***

В государстве Дарфур, которое существовало в западной части современного Судана, местные властители окружили вниманием и почетом появившихся там в период позднего Средневековья мусульманских духовных лиц: учителей, суфийских наставников (*муриидов, шейхов*) и проповедников. Эти духовно-религиозные лица получали возможность находиться при дворе султанов. Некоторые из представителей правящей династии сами становились приверженцами суфийских братств (*тарикатов, орденов*) и активно пропагандировали их идеи и мистические практики.

Особенностью Дарфура, отличавшей его от государств-султанатов севера и восточной части Судана, было то, что среди первых носителей идей братств были не только арабы, но и принявшие ислам представители Западной Африки, прежде всего Мали. Они нередко останавливались здесь на пути в Мекку и Медину или возвращаясь из хаджа на родину. Они имели достаточную степень учености и посвящения, что позволяло им выступать с проповедями и приобщать местное население к исламским знаниям. Некоторые из суфийских ученых оставили письменные свидетельства о жизни мусульманской общины.

Наиболее интересным письменным источником по истории суфизма и суфийских орденов в Дарфуре стал заверченный в начале XIX в. письменный памятник «Табакат», принадлежащий перу Ибн Дайфаллаха. «Табакат» представляет собой агиографический словарь, содержащий сведения о жизни и деятельности более чем 200 суданских праведников и шейхов. В нем также содержатся сведения о различных сферах жизни того общества трехвековой давности. Но особое внимание уделено прозелитской деятельности и распространению вероучения, которое осуществляли суфийские проповедники. В этом документе имеется информация о шейхах, среди которых выделяется Таджад-Дин ал-Бахари – первый эмиссар братства Кадирийя в Судане, а также Абу Сурур ал-Фадли ал-Джаали, Бадуивалад Абу Диллик, Арбаб ибн Али ибн Аун ибн Амир ибн Асбах ал-Хашин.

Историко-культурный и духовно-религиозный памятник «Табакат» позволяет глубже изучить особенности распространения ислама в Дарфуре того времени, расширить представления о взаимодействии тарикатов с верховной властью в султанате. Документ, написанный Ибн Дайфаллахом, дает возможность понять роль братств в социальной консолидации народов северо-западных суданских территорий и этапы их приобщения к арабо-мусульманской культуре.

***Самоубийства, убийства и религиозность в исламских странах
Северной Африки в кросснациональной перспективе***

С использованием методов корреляционного и дискриминантного анализа нами была исследована взаимосвязь между такими социокультурными показателями, как уровень религиозности, число убийств и самоубийств на 100 тыс. чел., в странах мира в целом и, в особенности, в исламских странах Северной Африки. Используемые нами данные включили в себя информацию базы данных Всемирной организации здравоохранения ООН по самоубийствам, данные всемирного обследования *World Values* по уровню религиозности и информацию 9-го и 10-го криминологического обследования ООН. Проведенный анализ позволил выявить целый ряд кросскультурных паттернов. Так, было выявлено отсутствие значимой корреляции между религиозностью и числом убийств на 100 тыс. чел. при наличии выраженной цивилизационной кластеризации. В то же самое время прослеживается достаточно сильная ($r = -0,526$) и значимая ($p < 0,001$) отрицательная корреляция между числом самоубийств на 100 тыс. мужчин и уровнем религиозности. Особенно сильна отрицательная корреляция между числом самоубийств на 100 тыс. женщин и уровнем религиозности ($r = -0,646$, $p < 0,001$). Исламские страны Северной Африки образуют исключительно тесный кластер вместе с остальными исламскими странами (по которым в нашем распоряжении имеются все данные, необходимые для анализа). Как выяснилось, «исламский кластер» характеризуется сочетанием крайне высокого уровня религиозности с исключительно низкими уровнями убийств и самоубийств на 100 тыс. чел. В целом наше исследование показывает, что политически стабильные исламские страны характеризуются исключительно низкими уровнями не только самоубийств, но и убийств, что выделяет их относительно других цивилизационных кластеров. Например, латиноамериканский кластер, подобно исламскому кластеру, характеризуется высоким уровнем религиозности и низким числом самоубийств на 100 тыс. чел. населения; но, в отличие от исламского кластера, число убийств на 100 тыс. чел. здесь исключительно высоко. В докладе рассматриваются социально-политические последствия выявленных характеристик исламских обществ.

СЕКЦИЯ 13

ЯЗЫК В КОНТЕКСТЕ СМЕНЫ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ПАРАДИГМ В АФРИКЕ

Руководители: д.филол.н. Виктор Алексеевич Виноградов,
д.филол.н. Виктор Яковлевич Порхомовский

Бабаев К.В.

Институт языкознания РАН, Москва, РФ

*О возможности реконструкции глагольной морфологии для праязыка манде**

Задача реконструкции праязыка манде, поставленная в рамках международного проекта «Нигер-конго: сравнительный анализ и реконструкция», стоит на повестке дня уже несколько десятилетий. Работы по построению системы регулярных фонетических соответствий и реконструкции фонологической системы пра-манде появились в 1970-е годы [Bird 1971, Bimson 1978], однако лишь в последние годы были предприняты первые попытки реконструкции системы морфологии праязыка, прежде всего в работах [Выдрин 2006] (морфонология, показатели множественности, элементы системы именных классов), [Kastenholz 1996] (морфонология), а также [Dwyer 2005] (количественные числительные). Система глагола осталась практически не затронутой сравнительным анализом и для праязыка не реконструирована.

Большинство языков манде характеризуется аналитическим строем грамматической системы. Грамматические категории глагола (полярность, аспект, время, наклонение), как и согласовательные категории его аргументов (лицо, число) выражаются в них с помощью клитических показателей, предшествующих глаголу или (реже) следующих за ним. Многие языки (ЮМ, ЮЗМ) аккумулировали показатели ТАМ-значений в рамках серий личных показателей, возникших в результате слияния предикативных клитик с различными значениями и нередко даже не имеющих сегментной формы. Некоторые грамматические значения глагола могут быть выражены суффиксальными показателями.

* Работа выполнена в рамках проекта «Интегральное описание южных языков манде: словари, грамматики, корпуса глоссированных текстов», грант РФНФ 08-04-00144а.

Особенно многочисленны суффиксы в языках западной ветви манде: группы ЮЗМ, ваи-коно, сусу-джалонке.

Сравнительный анализ глагольных систем необходимо проводить на двух уровнях: на уровне типологии грамматических значений глагола и их возможного диахронического развития, а также на уровне сравнения конкретных грамматических показателей.

При анализе грамматических значений возникает довольно компактный список граммем (в основном видо-временных и модальных), которые типологически распространены в абсолютном большинстве языков манде. Прежде всего это характерные «кластерные» ТАМ-значения: фактатив, перфектив (пунктив, комплетив), имперфектив (прогрессив, хабитуалис, проспектив и близкое к нему значение будущего времени), ирреалис (будущее ~ проспектив, кондиционалис, а также различные виды отрицательной полярности). Такие сходства, впрочем, легко могут быть объяснены ареальной близостью языков и не могут сами по себе являться материалом для реконструкции.

Сегментные формы показателей этих и других глагольных значений демонстрируют широкое разнообразие. Процессы утраты старых и грамматикализации новых показателей происходят в языках манде чрезвычайно быстро и, по-видимому, для праязыка можно сделать лишь ряд общих выводов о характере глагольной системы и реконструировать очень ограниченный набор грамматических показателей, имеющих соответствия в нескольких группах языков семьи. Среди них показатель имперфектива *ma*, перфектива *ala / da*, ирреалиса *le / te / ta* и др.

Виноградов В.А.

Институт языкознания РАН,
Москва, РФ

Некоторые черты грамматической структуры языка кеньянг

Кеньянг принадлежит к южнобантоидным языкам, группа мамфе, и насчитывает, по данным Дж. Уоттерса и Ж. Леруа, порядка 40 000 носителей (*Watters J.R., Leroy J. Southern Bantoid // Bendor-Samuel J. (Ed.) The Niger-Congolanguages. Lanham, MD: University Press of America, 1989. P. 401–420*); кеньянг – основной компонент этой группы, называемой также ньянг.

Для именной грамматики кеньянг характерно текущее упрощение категории именных классов, проявляющееся на морфологическом и синтаксическом уровнях в речи молодого поколения (до 25 лет), представителем которого был мой информант. Так, лексема ‘человек’ отмечается в двух формах – *mù m̀m̀*, вторая из которых (с префиксом 1 класса *m-*) является грамматически основной (но проясняется она при

медленном словном произнесении предложения), а краткая форма характерна для нормального произношения с соблюдением интонационно-синтагматического членения. Иначе говоря, эти две формы начинают восприниматься как *фонетические* варианты, обусловленные произносительным стилем. Еще одна особенность классной грамматики связана с некоторыми терминами родства. Например, существительное *ci* 'отец' относится к 1 классу (мн. ч. по 2 кл.: *bàci*), тогда как его синоним *tá* (полная форма *é(tá)*) принадлежит 9 кл. и имеет девятивную числовую корреляцию 9 / 2: *é(tá) – b(tá)* с нетипичным плюральным префиксом *b-*.

На синтаксическом уровне также наблюдаются отклонения от типичного для банту «классного стандарта», ср. следующую поговорку:

ànè ci mɔ́ ci
 этот быть ребенок отец
 'Этот есть сын (своего) отца'

Здесь отсутствуют грамматически ожидаемое согласование глагола «быть» (*ànè à-ci*) и посессивная частица *áv* именной генитивной конструкции (*mɔ́ á ci*). Очевидно, такая поверхностная аграмматичность может объясняться тем особым формульным характером рассматриваемого фразеологизма (к тому же с внутренней рифмой!), который присущ устной речи, где, как видим, стилистика может доминировать над грамматикой.

Выдрин В.Ф.
 Музей антропологии и этнографии
 им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН,
 Санкт-Петербург, РФ

Тональный артикль в бамана: семантика и функции

Артикль в центральных языках манден (бамана, манинка, дьюла) в настоящее время проявляется как плавающий низкий тон. Этот тон реализуется перед паузой как нисходящий контур на конце слова, он нейтрализуется перед последующим низким тоном, а в позиции перед высокотоновым словом вызывает пониженную реализацию следующего за ним тона. Таким образом, имеет место грамматикализация *downdrift* – явления скорее интонационного характера. На более раннем этапе реконструируется сегментный артикль, имевший вид гласного *-o* с низким тоном (в таком виде артикль существует и поныне по всей периферии зоны манден – в языках мандинка, хасонка, кагоро, некоторых говорах Кот-д'Ивуара, в марка-дафин, а также, в остаточном виде, в северо-восточных диалектах бамана).

В орфографии для языков манден на латинской основе тоны, как правило, не обозначаются, что исключает изучение тонального артикля на больших текстовых массивах. Тонированные тексты на бамана (особенно такие, в которых обозначен и тоновый артикль) очень малочисленны.

Правила употребления тонального артикля (далее – ТАР) в бамана, тем не менее, известны в общих чертах по лингвистическим работам. В общих чертах, они сводятся к следующему:

1) по умолчанию, существительное (или ИГ атрибутивного типа) употребляется с ТАР. Маркированным следует считать его употребление без ТАР;

2) отсутствие ТАР отмечается в следующих контекстах:

– в отрицательном или вопросительном высказывании для ИГ под отрицанием/вопросом наличие или отсутствие ТАР становится значимым: безартиклевая форма имеет генерическое (нереферентное) значение, артиклевая – референтное;

– в одной из двух основных стратегий релятивизации релятивная клауза помещается справа от главной, при этом релятивизируемое имя остаётся *in situ* в главной клаузе и не имеет ТАР.

В ходе работы с информантом-бамана были выявлены неизвестные ранее контексты, в которых возможно употребление безартиклевого имени:

– наличие/отсутствие ТАР значимо для некоторых названий старших родственников: так, *nfà* (без ТАР) означает 'мой собственный отец', а *n fã`* (с ТАР) – 'один из моих отцов' (упрощая ситуацию, можно сказать, что в группу «отцов» входят отец и его братья);

– в некоторых других случаях наличие/отсутствие ТАР указывает на близость/удалённость объекта или ситуации от говорящего.

Выявление ранее неизвестных контекстов распределения ТАР свидетельствует о насущной необходимости создания, в рамках электронного корпуса текстов на бамана, подкорпуса с подробной тоновой разметкой.

Выдрина А.В.
 СПбГУ, Санкт-Петербург, РФ

Соотношение морфологического пассива и лабильности в северо-западных диалектах языка какабе*

В докладе будут рассмотрены особенности употребления показателя пассива в северо-западных диалектах языка какабе. Противопоставление двух групп диалектов – северо-западных и юго-восточных оказы-

* Работа выполнена в рамках проекта «Интегральное описание южных языков манде: словари, грамматики, корпуса глоссированных текстов», грант РГНФ 08-04-00144а.

важется принципиально важным в отношении пассива. В юго-восточных диалектах морфологического показателя пассива нет, но зато очень широко распространена лабильность: большая часть глаголов может употребляться и переходно, и непереходно. При этом непереходное употребление может иметь как пассивное значение (агенса не выражен, но присутствует на семантическом уровне), так и декаузативное значение (агенса не подразумевается) – иными словами, в юго-восточных диалектах есть немаркированный декаузатив и пассив. Что же касается северо-западных диалектов, то наряду с лабильностью здесь есть также и морфологический показатель пассива суффикс *-ma*, что само по себе очень необычно для языков манде – на данный момент не известно ни одного другого языка манде с морфологическим пассивом.

Доклад посвящен сопоставлению лабильности и морфологического пассива в северо-западных диалектах какабе. Частично лабильность и пассив распределены лексически. Если опустить те глаголы, которые могут употребляться только непереходно, глагольная лексика делится на лабильные глаголы, например, *dinbi* ‘трясти(сь)’, *difen* ‘убивать/умирать’, и глаголы, которые могут употребляться непереходно только с показателем пассива, например, *bintan* ‘толочь’, *fitan* ‘подметать’. Лабильные глаголы также могут присоединять показатель пассива, и тогда немаркированная непереходная форма имеет декаузативное значение, а форма с показателем пассива – пассивное, например, *bintan* ‘гореть’ vs. *bintan-ma* ‘быть подожженным’. Однако проблема соотношения немаркированного непереходного употребления и пассивной формы на семантическом уровне не исчерпывается противопоставлением пассивного и декаузативного значений. Некоторые глаголы, которые в силу особенностей своей лексической семантики не могут иметь декаузативного значения, тем не менее, могут употребляться непереходно без показателя пассива, и тогда возникает значение тщательности или полноты совершения действия. Например, глагол *dāa* ‘изготавливать, мастерить’ может употребляться непереходно со значением ‘быть тщательно, хорошо сделанным’.

Громова Н.В.
ИСАА МГУ, Москва, РФ

Суахили-английский новояз в СМИ

Экспансия английского языка в современную эпоху глобализации оказывает заметное влияние на языки массовой культуры, и суахили в этом плане не исключение. Словарный состав национальных языков подвергается определенным изменениям за счет включения в него англо-

зычной лексики. В результате формируется некий «новояз», смешанный суахили-английский язык, получивший название «сванглиш». В отличие от шенга, который формировался как язык низших городских слоев в Кении, сванглиш в Танзании используется чаще представителями образованной элиты, а затем агрессивно проникает в СМИ. Влияние английского языка прослеживается на разных уровнях языка-реципиента.

На фонетико-просодическом уровне большинство англоязычных вклиниваний подвергается фонетической адаптации (действует правило открытости слога: *ko-mi-ti-me-nti*<commitment; замена сложных английских согласных простыми: *bradha/braza*<brother); но возможны отступления от общих правил.

На лексическом уровне – это многочисленные окказионализмы, не зафиксированные лексикографами: определенную группу составляют неадаптированные варваризмы типа *ku-serve*, *-endashopping*; заимствуются не только отдельные слова, но и целые выражения: *wansiendiforoo*<once and for all.

На уровне морфологии – практически при полном соблюдении грамматических норм суахили в сванглише встречаются глаголы с нестандартным окончанием на *-o*: *kukontroo*< to control.

Наиболее устойчив синтаксис, не допускающий пока серьезного нарушения порядка слов. Однако принцип согласования соблюдается не всегда, в частности не согласуются прилагательные-неологизмы (ср. *mirangomibovu* ‘плохие планы’, но *mirangoθ-endelevu* ‘прогрессивные планы’).

Современные тенденции развития суахили ведут к формированию гибридного идиома, не учитывающего национально-культурные традиции суахилийского социума.

Дьячков М.В.
Институт языкознания РАН,
Москва, РФ

Функции и особенности английского языка в ЮАР

В докладе рассматривается функционирование, структурные особенности и контакты с другими языками варианта английского языка Южной Африки как одного из местных языков.

В результате многолетних языковых контактов, особенно с языками африкаанс и зулу, сформировался местный вариант английского языка, обладающий фонологическими, фонетическими, грамматическими и лексическими особенностями.

После падения апартеида язык африкаанс перестал господствовать в общественно-политической жизни страны и, более того, стал рассматриваться многими жителями как язык, тесно связанный с режимом прошлого. Местный английский язык все больше рассматривается как язык межъязыкового общения, язык образования в системе единой начальной и средней школы, как преобладающий язык администрации.

Это расширяет его контакты с другими языками Южной Африки, что, естественно, влияет на его внутреннюю структуру, придает ему еще большую самобытность.

Желтов А.Ю.
СПбГУ, Санкт-Петербург, РФ

Изменения по аналогии или субморфная нейтрализация в прономинальных системах языков нигер-конго

Известно, что прономинальные системы играют важную роль при установлении генетических связей между языками. В то же время в них активно проявляется процесс субморфной нейтрализации, известный в исторической лингвистике как процесс изменений по аналогии. Этот процесс необходимо учитывать при сравнительном анализе прономинальных систем. Иногда языки демонстрируют тенденцию к сохранению формальных сходств между формами, а не сохранению самих форм. В докладе будут продемонстрированы отдельные примеры подобных процессов в языках нигер-конго. Так, некоторые близкородственные юго-западные языки банту демонстрируют существенное разнообразие форм местоимений, но очень похожую структуру субморфных нейтрализаций. Подобным образом, в суахили мы можем наблюдать, как процесс изменения форм, вызывающий утрату существующих субморфных нейтрализаций, ведет к восстановлению тех же самых семантических нейтрализаций, но для других элементов парадигмы. Данный процесс наблюдается и в некоторых языках манде, в которых мы можем видеть примеры формирования всей прономинальной парадигмы определенным набором субморфных признаков (гбан) и высокую стабильность субморфных формальных средств маркирования для локуторов. Важно также отметить, что тональные характеристики могут использоваться для тех же самых функций, что и субморфные характеристики.

Коваль А.И.
Институт языкознания РАН,
Москва, РФ

Именные классы как параметр внутренней классификации пулар-фульфульде*

Язык пулар-фульфульде, имеющий лингвогеографию типа обширнейшего «архипелага», отличается высоким уровнем диалектной раздробленности. Данное обстоятельство было замечено и отмечено еще на ранних этапах научного освоения этого языка (Сигизмунд Кёлле). Однако вплоть до настоящего времени задача общего представления диалектных образований пулар-фульфульде все еще отличается известной проблематичностью.

Касаясь вопроса о внутренней классификации языка, авторы руководствуются разными принципами – либо принципом простого перечисления диалектов, либо *иерархически группирующим* принципом. Перечислительный принцип заметно преобладает, особенно в работах, ориентированных монодиалектно, где изучаемый диалект освещается на фоне списка из нескольких (обычно шести) главнейших диалектов. В трудах, ориентированных мультидиалектно, номенклатура списка может разрастаться до нескольких десятков идиомов, учтенных автором (в частности, автором-лексикографом).

Построенная на иерархически группирующем принципе *тризональная* модель диалектного состояния пулар-фульфульде представляется и более адекватной, и более перспективной, как в плане синхронии, так и в плане диахронии. Членение общего ареала пулар-фульфульде на три диалектные зоны – западную, центральную и восточную – подтверждается показаниями подсистем именных классов, функционирующих в конкретных диалектах. Изучение и сравнение таких подсистем позволяет различать классы *устойчивые* (последовательно реализующиеся в разных диалектных подсистемах с сохранением своего системного статуса) и классы *не-устойчивые* (обнаруживающие диалектное варьирование). Поведение именных классов из разряда не-устойчивых выявляет их дистинктивную силу, обеспечивающую как самоё тризональную модель, так и последующее различение диалектов и субдиалектов в рамках каждой из зон.

* Работа выполнена в рамках проекта «Диахронические процессы и генетические отношения языков Африки», грант РГНФ 10-04-00269а.

Коношенко М.Б.
СПбГУ, Санкт-Петербург, РФ

*Система местоименно-предикативных показателей в гвинейском кпелле**

Язык кпелле относится к юго-западной группе семьи манде, распространенной в Западной Африке. На этом языке говорят в Либерии и Гвинее, причем либерийский и гвинейский диалекты кпелле достаточно сильно отличаются друг от друга.

Материалы для доклада были собраны мной в ходе лингвистических экспедиций в Гвинею в 2008–2009 гг., организованных В.Ф. Выдриным.

О языках манде принято говорить как о тяготеющих к аналитизму, т.е. имеющих бедную морфологию; чаще всего при этом имеются в виду языки типа бамана, принадлежащие к западной группе манде. Однако многие южные и юго-западные манде, в том числе язык кпелле, обнаруживают также случаи синтетического устройства словоформы. Речь идет о богатых системах местоименно-предикативных показателей (далее – МПП), возникших в результате фузии, а именно слияния субъектных местоимений с различного рода предикативными показателями (в западных манде эти маркеры сохраняются в «чистом» виде – см., например, [Выдрин В.Ф. Язык бамана: Учебное пособие. СПб., 2008] применительно к бамана). В результате мы получаем сложную систему морфем-портманто, которые, с одной стороны, согласуются с подлежащим по лицу и числу, а с другой стороны, выражают значения вида, времени, модальности и полярности.

В докладе будет рассмотрена морфологическая структура МПП в кпелле, набор значений, которые противопоставлены в рамках парадигмы этих показателей, а также конструкции, в которых они могут употребляться.

Косогорова М. А.
Институт языкознания РАН,
Москва, РФ

К вопросу о семантических воплощениях именных классов в языке пулар (диалект фула-джаллон)

Язык фула (или пулар-фульфульде) знаменит не в последнюю очередь своей системой именных классов. Она считается самой обширной

* Работа выполнена в рамках проекта «Интегральное описание южных языков манде: словари, грамматики, корпуса глоссированных текстов», грант РФНФ 08-04-00144а.

и насчитывает, в зависимости от диалекта, до 25 классов. Именные классы различаются по трём признакам – синтаксическому, морфологическому и семантическому. Вопрос о семантическом распределении классов исследуется уже достаточно давно, и на эту тему проведены исследования для разных диалектов. Однако четкой системы правил распределения семантических полей для всех именных классов пока не существует.

В настоящем исследовании делается попытка описать систему семантического распределения именных классов в пределах одного говора диалекта фула-джаллон. Основанием для такого описания служат как предыдущие исследования этого диалекта, так и полевые исследования говора. Целью исследования является сравнение семантических воплощений классов исследуемого говора с общефульской картиной.

Кузнецова О.В.
Институт лингвистических исследований РАН,
Санкт-Петербург, РФ

*Лабильность в языке гуро**

0. В гуро (манде > южные манде) представлено несколько типов лабильности: А-лабильность; конверсивная, рефлексивная и, прежде всего, декаузативная и пассивная лабильности.

1. Засвидетельствованы единичные примеры А-лабильности и конверсивной лабильности. Рефлексивная лабильность распространена несколько шире, но и она представлена небольшой группой глаголов, естественно ограниченных немногочисленностью прототипических рефлексивов. Рефлексивно-лабильные глаголы в гуро, как это нередко бывает в языках мира, имеют синонимические маркированные конструкции. Употребление маркированного рефлексива подчеркивает, что действие было совершено самостоятельно и/или осознанно.

(1a) È é bò tūó.
3SG.SBJ 3SG.REFL сам ранить.PFV

‘Он сам себя ранил (нарочно)’.

(1b) È tūó.
3SG.SBJ ранить.PFV

‘Он поранился (нечаянно)’.

2. Наиболее многочисленны классы декаузативно- и пассивно-лабильных глаголов. На распределение этих типов лабильности в гла-

* Работа выполнена в рамках государственного контракта № 02.740.11.0595.

Солнечная система в традиционном представлении зулусов

У африканских народов донаучное представление о небесных светилах и явлениях ничем не уступало аналогичным представлениям европейских народов на сходном этапе исторического развития. Можно допустить известное сходство этих представлений у народов всех континентов, не затронутых или слабо затронутых урбанизацией и современным образованием.

Все народы нгуни, к которым принадлежат и зулусы, имели сходное представление о небесных светилах, но из них только зулу и коса имели в этом отношении больше общего, так как с восточной стороны их земли омывались океаном. Таким образом, солнце – главное и дающее жизнь светило, считалось, по их мнению, выходящим непосредственно из воды и, пройдя свой путь в течение дня, скрытно возвращающимся ночью снова в океан, чтобы выйти из него утром. В обоих языках ‘солнце’ – *ilanga*, так же звучит и слово ‘день’, хотя для него есть еще два названия: *usukui* *umhla* (последние теперь употребляются больше в датах).

Луна (*inyanga*) считается вторым после солнца светилом, и у него существует несколько названий в течение всего лунного цикла.

Звезды, которые были известны зулусам, получили свои имена, например, *isiLimela* (Плеяды – звездное скопление в созвездии Тельца), *inKwenkwezi* (звезда в созвездии Арго), *umThala* или *uMlaza* (Млечный путь).

В отличие от стран, расположенных вблизи экватора и где есть только два сезона – дождливый и сухой, земли зулусов находились далеко на юге, и в отношении них уместно понятие «пора года». Поры года (*izikhathi zonyaka*) называются так: *intwasahlobo* – весна; *ihlobo* – лето; *ikwindla* – осень; *ubusika* – зима; а весь годовой цикл – *unyaka* (год).

Традиционный зулусский календарь состоял из 13 лунных месяцев, каждый из которых начинался с новолуния. Месяцы имели свои наименования. В настоящее время в качестве названий месяцев употребляются слова английского происхождения: *uJanuwari*, *uMeyi*, *uNovemba* и т.д.

Представление зулусов об окружающем мире (природа в целом) отличается лексическим многообразием, но с учетом современных требований языку необходимо преодолеть значительную терминологическую бедность.

гольной лексике влияют тип ситуации и её самопроизвольность, одушевлённость пациенса, способ каузации.

Глаголы, обозначающие в непереходном употреблении ситуации с неодушевлённым пациенсом, составляют ядро лабильных глаголов в гуру.

2.1. К пассивно-лабильным глаголам относятся только глаголы с неодушевлённым пациентивным участником. Большая часть декаузативно-лабильных глаголов также относится к этому типу. Исключениями являются глаголы, обозначающие физиологические процессы (типа *béli 1* ‘поправляться – лечить’), а также глаголы, обозначающие изменения в пространстве (типа *dǎlǎ 1* ‘распрямлять(ся)’), где в непереходном употреблении участник может быть как одушевлённым, так и неодушевлённым. В непереходном употреблении они имеют автокаузативное значение. Также к декаузативно-лабильным относятся глаголы с одушевлённым участником в непереходном употреблении (типа *bui 3* ‘поскользнуться – заставить поскользнуться’ (о скользких поверхностях), для которых характерна дистантная каузация. У таких глаголов в переходном употреблении каузатом, выраженным подлежащим, часто оказывается не одушевлённый агентивный участник, а причина или внешняя сила.

2.2. Некоторые глаголы с неодушевлённым пациентивным участником занимают промежуточное положение между пассивно- и декаузативно-лабильными и допускают оба варианта значения непереходной конструкции:

(2a) $\begin{matrix} \text{ǀ} & \text{vǀǀ} & \text{fiǀǀ.} \\ \text{1SG} & \text{рубашка} & \text{рвать.PFV} \end{matrix}$

‘Я порвал рубашку’.

(2b) $\begin{matrix} \text{ǀ} & \text{lē} & \text{vǀǀ} & \text{fiǀǀ.} \\ \text{1SG} & \text{Poss} & \text{рубашка} & \text{рвать.PFV} \end{matrix}$

‘Моя рубашка порвалась’ / ‘Мою рубашку порвали’.

3. Пассивная лабильность – типологически редкое явление. Говорить о развитии немаркированном пассиве можно прежде всего применительно к языкам семьи манде. Он засвидетельствован, в частности, в языках бамана, какабе, кла-дан.

В этих языках практически любая переходная конструкция может быть преобразована в непереходную, где исходное прямое дополнение перемещается в позицию подлежащего. Это даёт основания рассматривать пассивную лабильность как синтаксическую трансформацию и противопоставлять её другим типам лабильности, существующим в этих языках (декаузативному, рефлексивному, реципрокальному), поскольку последние зависят от лексического значения глагола.

В гуру конструкции со строго переходными глаголами не могут подвергаться пассивизации, поэтому пассивную лабильность в гуру нельзя считать синтаксической трансформацией. Подобно другим типам лабильности она распределена лексически.

*Превербные глаголы в языке кла-дан**

В языке кла-дан, помимо простых, существует значительное число превербных глаголов – глагольных лексем, образованных путем сложения глагольных корней с именными, называемыми превербами. В качестве именного компонента превербного глагола могут выступать корни ряда относительных и автосемантических имён, а также корни детерминативов. В качестве глагольного компонента превербного глагола, именная часть которого представлена корнем относительного имени или детерминатива, может выступать любой простой глагол; если же именная часть превербного глагола представлена корнем автосемантического имени, то в качестве глагольного компонента могут выступать корни ограниченного числа глаголов, некоторые из которых отличаются сильной многозначностью.

В связи с хорошей отделимостью преверба от глагольного компонента возникает необходимость поиска формальных критериев, которые позволили бы определить, является ли та или иная последовательность именного и глагольного компонентов превербным глаголом или сочетанием (вершины) ИГ в позиции прямого дополнения и глагола, ею управляющего, или же имеет место синтаксическая омонимия.

Выделяются критерии семантико-синтаксический и морфологические.

а) Семантико-синтаксический критерий

Если прилагательное или детерминатив, помещаемые в позицию между именным и глагольным компонентами, определяют именным компонентом, тогда последовательность из этих компонентов является сочетанием имени и глагола, где имя входит в ИГ прямого дополнения; если же они имеют сферой действия весь глагольно-именный комплекс, тогда он является превербным глаголом.

б) Морфологические критерии

А. критерий редупликации

Если последовательность из именного и глагольного компонентов может подвергаться такому типу редупликации с дистрибутивным значением, при котором редуплицируется полная последовательность из именного и глагольного компонентов, тогда данная последовательность

является единой словоформой превербного глагола, в противном случае – сочетанием прямообъектной ИГ и глагола, ею управляющего.

Б. критерий каузативного показателя

Если при образовании каузативной формы глагола показатель каузатива располагается слева от именного компонента, тогда эта последовательность является превербным глаголом, в противном случае – сочетанием прямообъектной ИГ и глагола, ею управляющего.

Мищенко Д.Ф.
СПбГУ, Санкт-Петербург, РФ

*Грамматикализация слова *tà* «поверхность» в лоома (юго-западная группа манде)**

В данном докладе мы рассмотрим несколько этимологически связанных единиц с означающим *tà*, которые представляют разные этапы грамматикализации автономной словоформы.

Этимологически исходным является употребление *tà* в качестве локативного существительного со значением «поверхность». Оно может сочетаться только с одушевлёнными объектами; с неодушевлёнными объектами употребляется слово *ɔ̀*, ср.: *sóóimààvɛ* «поверхность тела животного», но *tábàli ɔ̀vɛ* «поверхность стола». Морфологически и синтаксически *tà* обладает всеми признаками существительного: оно присоединяет определённый локативный суффикс *-vɛ* и способно употребляться в генитивной и атрибутивной синтагмах. Невозможность образования формы мн. ч. связана, по-видимому, с абстрактностью его семантики.

Следующая ступень грамматикализации представлена послелогом *tà*. Основным его значением является общелокативное; кроме того, он участвует в кодировании аргументов некоторых предикатов, в основном участников с ролью адресата или стимула.

Преверб *tà* восходит к послеложному употреблению этой единицы. С точки зрения морфологического статуса, эта единица является формантом, т.к. не обладает свойствами автономности, отделимости и переместимости, но всегда может быть опущена, т.к. она не привносит дополнительного значения в семантику глагольной лексемы: *nàà nà sóóimágbàzù / gbàzù* «Я мою своего коня». По всей видимости, от таких случаев следует отличать ситуации, когда *tà* модифицирует значение

* Материалы данной работы были собраны в ходе ежегодной экспедиции в республику Кот-д'Ивуар и Гвинею в рамках проекта «Интегральное описание южных языков манде: словари, грамматики, корпуса глоссированных текстов» при поддержке РГНФ, грант 08-04-00144а.

* Работа выполнена в рамках проекта «Интегральное описание южных языков манде: словари, грамматики, корпуса глоссированных текстов», грант РГНФ 08-04-00144а.

глагола: *gìli* «привязывать», *mà'yìli* «одевать». В этом случае *mà* является словообразовательным аффиксом. К числу основных значений префикса *mà* относятся значение взаимодействия с поверхностью объекта и производное от него значение неполноты действия.

Формант *mà* способен присоединяться также к существительным и квалитативным глаголам. В этом случае его функция состоит в переводе единицы из одного грамматического класса в другой. Так, относительные существительные со значением частей тела становятся автосемантическими и приобретают способность употребляться без указания на посессора. Квалитативные глаголы с этим формантом переходят в разряд существительных; они начинают обозначать объект, наделённый некоторым свойством.

Таким образом, благодаря тому, что в системе лоома синхронно представлены несколько единиц, находящихся на разных стадиях грамматикализации, мы можем проследить процесс утраты этой единицей статуса автономной словоформы и лексической связи с исходным значением «поверхность» и приобретения синтаксического значения.

Найденова Н.С.
РУДН, Москва, РФ

Эволюция концепции негритюда и ее роль в современной франкоязычной африканской литературе

В современных исследованиях все более широкое распространение получает так называемый цивилизационный подход. Одной из его центральных проблем является проблема взаимодействия цивилизаций, «традиционного» и «современного», рассматриваемая как встреча культур, в результате которой возникают новые структуры, процессы, явления, отличные как от исходных местных, так и от исходных привнесённых. Тропическая Африка предоставляет богатейший материал для исследований, проводимых в подобном ключе. Культура Тропической Африки на современном этапе предстает как контакт двух разных в стадийном, формационном и цивилизационном отношениях культур: традиционной африканской и современной западной. Проводником европейской культуры в странах Черной Африки является импортированный в колониальный период французский язык, который, оказавшись в среде, совершенно чуждой для ареала своего первоначального распространения, претерпел значительные изменения.

Концепция негритюда, созданная Л.-С. Сенгором, Э. Сезером и Л. Гонтраном-Дама, определяется как совокупность культурных ценностей мира африканских негров. Впоследствии понятие «негритюд» ста-

ло трактоваться более широко – как мировосприятие африканцев, т.е. понимание ими окружающего мира, природы, людей, событий. Сегодня термин «негритюд» зачастую заменяется понятием «мигритюд», апеллирующим к интенсивным миграционным процессам и усвоению европейских ценностей без полной ассимиляции при сохранении собственных культурных установок. В рамках данного подхода происходит становление франкофонной литературы нового поколения (так называемой *Afrique-sur-Seine*), представители которой говорят о формировании новой культурной идентичности, равноудаленной как от африканской, так и от французской.

16 марта 2007 г. в газете *Le Monde* был опубликован Манифест, подписанный 44 франкоязычными писателями, ознаменовавший появление нового термина *littérature-monde* по аналогии с английским *world literature*. Манифест призывает возвести писателей, пишущих на французском языке, в один ранг с французскими, отказавшись от дискредитировавшего себя термина *francophone*, что позволит познакомить более широкие читательские круги с их творчеством и тем самым преодолеть кризисную ситуацию, сложившуюся в замкнувшейся на себе французской литературе. Таким образом, концепция *littérature-monde* призвана помочь африканской литературе выйти на принципиально новый уровень, а французскому языку послужить средством для описания современного мультикультурного пространства.

Перехвальская Е.В.
Институт лингвистических исследований РАН,
Санкт-Петербург, РФ

*Эвиденциальность в южных манде (муан и дан)**

Тропическая Африка традиционно считается областью, для которой наличие эвиденциальности как особой категории не характерно. Однако существуют языки, в которых значения эвиденциальной зоны оказываются грамматикализованными.

Язык дан-гуэта. Презумптивная эвиденциальность (вывод, сделанный на основании общих рассуждений) выражается специальной формой местоименно-предикативного показателя «эвиденциальной серии» [Vydrine, Kességbéu 2008: 25, 28-29]. Типичный контекст употребления этой формы:

* Исследование выполнено в рамках гранта Президента РФ для государственной поддержки ведущих научных школ «Школа общего языкознания Ю.С. Маслова» НШ-3688.2010.6.

<i>Yii</i>	<i>dʒ</i>	<i>sʌ</i>	<i>wāä</i>	<i>nü</i>
3SG.NEG.PFV	ставить	хорошо	3PL.EVI	прихо-
дять-NEUT				

<i>lòò'</i>	<i>Yäämüsókłǝǝ</i>
приходить-INF	Ямусукро
'Наверное, они уже приехали в Ямусукро'.	

Язык муан. Формы прогрессива и результата в своем значении несут эвиденциальный компонент. В данном случае выражается прямая визуальная эвиденциальность. Формы прогрессива обозначают действие, развертывающееся «на глазах» говорящего. Так, форма прогрессива от глагола *nü* 'идти': *ɲ nü zı Bijà* «я иду в Абиджан» возможна лишь, если говорящий физически находится в процессе движения. Значения типа «сейчас в этом здании врач делает операцию» по этой причине прогрессивом выражаться не могут.

Аналогично результативная конструкция обозначает только такой результат действия, который непосредственно наблюдается говорящим: *à yālālē ò* 'он сидит (результат действия «сесть）」, отсюда запрет на формы, где результат не может быть наблюдаем визуально (т.е. контексты типа «этот мальчик воспитан моим отцом», «он ушёл (ушёлши)» и т.п.).

Указанные языки используют совершенно различные стратегии выражения эвиденциальности и выражают разные типы эвиденциальных значений. Это свидетельствует о том, что эвиденциальные формы возникли в данных языках независимо, являются относительно недавними и не могут быть возведены к общему пра-мандейскому состоянию.

Понарядов В.В.
Институт языка, литературы и истории
Коми научного центра
Уральского отделения РАН, РФ

Вокализм арабских заимствований языков суахили и хауса в сравнении с тюркскими языками

Вокализм всех рассматриваемых в настоящем докладе языков-реципиентов является качественно более богатым, чем вокализм арабского языка. В связи с этим аллофонические позиционные варианты арабских гласных имеют тенденцию в заимствующих языках фонематизироваться и, таким образом, в заимствованной лексике происходит «расщепление» единого в исходной арабской форме гласного на несколько самостоятельных гласных. Можно заметить, что во всех тюркских языках, за исключением кумыкского, этот процесс получает зна-

чительно большее развитие, чем в африканских языках. С другой стороны, вокализм арабских заимствований в кумыкском оказывается очень сходным с таковым в суахили и хауса. Объяснить такую ситуацию можно, лишь если предположить исторические изменения норм функционирующей в общемусульманских масштабах «книжной» арабской орфоэпии, которая отражается в заимствованиях, проникающих главным образом не путем живого общения с носителями разговорного арабского языка, а через систему мусульманского образования.

Порхомовский В.Я.
Институт языкознания РАН,
Москва, РФ

О критериях генетической классификации языков Африки*

Генетическая классификация языков представляет собой отдельный и весьма специфический раздел сравнительно-исторического языкознания. С одной стороны, генетическая классификация языков является результатом сравнительного анализа родственных языков и реконструкции праязыковых состояний разных диахронических уровней. С другой стороны, методика сравнительного анализа применима только к родственному языку, поэтому перед тем как приступить к этому анализу необходимо иметь некоторое предварительное представление не только о наличии или отсутствии родства тех языков, которые предполагается изучать в плане сравнительного языкознания, но и об иерархии этого родства, т.е. о внутренней классификации этих языков. Таким образом, проблематика генетической классификации языков оказывается актуальной как на начальной, так и на заключительной стадиях сравнительно-исторического исследования.

В этом отношении ситуация в африканском языкознании является наиболее сложной среди языков мира. Здесь с самого начала научного описания и анализа богатейшего и разнообразного языкового материала чрезвычайно острой оказалась задача создания некоторой предварительной классификации этих языков задолго до того, как будут достигнуты достаточно надежные данные для обоснования этих классификационных гипотез. Данная необходимость вызывалась даже простой потребностью каталогизации постоянно увеличивавшегося в ходе полевых научных изысканий перечня африканских идиомов.

* Работа выполнена в рамках проекта «Диахронические процессы и генетические отношения языков Африки», грант РГНФ 10-04-00269а.

Таким образом, проблему теоретического осмысления методов генетической классификации языков следует рассматривать как существенную часть африканской лингвистики. Среди этих проблем следует выделить соотношение морфологических, лексических и фонетико-фонологических изоглосс как критериев для генетической классификации, возможность использования типологических критериев, а также аргументов, вообще выходящих за рамки лингвистики. Все эти проблемы реально проявились в истории африканского языкознания, в результате чего возникали многочисленные, часто полностью исключаящие друг друга классификационные схемы.

Прохоров К.Н.
Музей антропологии и этнографии
Им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН,
Санкт-Петербург, РФ
Университет им. В. Гумбольдта

**Тональная морфонология выражения именной множественности
в языке момбо (семья догон, Мали)**

В языке момбо (семья догон, Мали) множественное число выражается посредством показателя *-ge* или *-nge*. Показатель множественного числа присоединяется либо непосредственно к имени, в случае если у имени нет зависимых-прилагательных (1), либо (если таковые имеются) к последнему прилагательному в цепочке (2–3).

- (1) *débú-gè*
дом-PL
'дома'
- (2) *dèbù* *búnú-gé*
дом.L* красный-PL
'красные дома'
- (3) *dèbù* *kàndà* *búnú-gé*
дом.L новый.L красный-PL
'новые красные дома'

Только в первом случае в выражении множественности наблюдается определенная чувствительность к категории личности. Имена, обо-

значающие не-людей, образуют множественное число только присоединением показателя *-ge*, а имена, обозначающие людей, делятся на два морфологических класса, в зависимости от того, какой из двух суффиксов используется при образовании плюралиса. Принадлежность к одному из двух классов определяется лексически и не обнаруживает корреляции с семантическими группировками существительных, обозначающих людей.

Прилагательные присоединяют только показатель *-ge* вне зависимости от того, обозначает ли их вершина-существительное человека или нет.

При присоединении показателя множественного числа к существительному или прилагательному наблюдается тональное взаимодействие показателя с основой. При этом наблюдается два паттерна такого взаимодействия, которые можно обозначить как 'продвижение тонального контура' и 'поляризация'. В первом случае тональный контур основы, к которой присоединяется показатель множественного числа, распространяется на показатель, в результате чего весь комплекс из основы и суффикса выступает в качестве сегментного субстрата для реализации тонального контура. Во втором случае показатель плюралиса получает тон, противоположный тону последней морфы основы:

(4)	SG	PL
продвижение	<i>débù</i> 'дом'	<i>débú-gè</i> 'дома'
поляризация	<i>tálàgà</i> 'бедняк'	<i>tálàgà-gé</i> 'бедняки'

У существительных выбор тонального паттерна образования множественного числа задан лексически. У прилагательных присоединение показателя плюралиса всегда сопровождается продвижением тона.

Существуют основания полагать, что продвижение и поляризация соответствуют разным степеням единства основы и суффикса. Это различие проявляется в том, каким образом другие тонологические правила применяются к формам, содержащим показатель множественности. Форма, образованная при помощи продвижения тонального контура, функционирует как единое тонологическое слово, в то время как у форм, образованных поляризацией, основа и показатель плюралиса ведут себя как два отдельных элемента. В докладе рассматриваются несколько примеров, в которых проявляется это различие, а также приведены возможные сценарии происхождения двух морфонологических схем.

* В момбо существительное получает низкотональный контур основы, если за ним следует одно или несколько прилагательных ('L' в глоссах). В последовательностях прилагательных низкотональный контур получают все прилагательные кроме последнего. Ср. (3).

Презентативные указательные местоимения в языке дабида

Дабида (Кения, банту, E74a) относится к тем немногочисленным языкам банту, местоименные системы которых включают указательные местоимения (УМ) двух типов: а) собственно УМ ‘этот’, ‘тот’, ‘(э)тот упоминавшийся’ с их первичной адъективной и вторичной субстантивной функциями; и б) презентативные УМ ‘вот.этот/он’, ‘вон.тот/он’, ‘вот/вон.(э)тот/он’ – указательные дейктико-анафорические слова с уникальными функционально-синтаксическими свойствами, при том что их морфологические и семантические признаки позволяют рассматривать их в одном ряду с собственно УМ.

Тип (а) типичен для всех языков банту, тип (б) встречается в очень немногих из них, но широко используется языком дабида.

Содержательно презентативные УМ сопоставимы с русскими дейктическими частицами *вот* и *вон*, но помимо лексем, противопоставленных по признаку ‘близость~дальность’, в них наличествует лексема, содержащая грамему ‘близко от адресата’ и способная также соотноситься с уже известным объектом. Каждая лексема представлена 15 грамматическими формами (по числу именных классов).

В плане выражения презентативные УМ – это те же собственно УМ, но с дополнительной инициальной морфемой структуры *hV*.

Ср. парадигмы собственно УМ (Таблица 1) и презентативных УМ (Таблица 2).

Таблица 1

класс	этот	(э)тот упомянутый	тот
1	<i>uhu</i>	<i>uo/who</i>	<i>uja</i>
2	<i>aβa</i>	<i>aβo</i>	<i>βaja</i>
3	<i>ughu</i>	<i>ugho</i>	<i>ghuja</i>

Таблица 2

класс	вот он/этот (близко)	вот/вон. он/(э)тот (недалеко)	вон он/тот (далеко)
1	<i>hoyu</i>	<i>hoyo</i>	<i>hoja</i>
2	<i>haβa</i>	<i>haβo</i>	<i>haβaja</i>
3	<i>hoghu</i>	<i>hogho</i>	<i>hoghuja</i>
4	<i>heyi</i>	<i>heyo</i>	<i>heja / heyija</i>

Гласная *V* сингармонически уподоблена гласной следующего за ней классного показателя.

Морфема представлена тремя альтернантами *ha/ho/he* и содержательно является ‘предикатором’, превращающим собственно УМ в предикативные слова, в которых значение ‘находиться’ совмещается с указанием на степень отдаленности объекта.

Синтаксическая функция презентативных УМ – неглагольное изменяемое по классам сказуемое местонахождения. Услышать их можно только в диалогах, и их произнесение обычно сопровождается указанием на объект рукой или кивком головы. В отличие от прочих спрягаемых сказуемых они относятся только к реальному настоящему:

Zighana! *Zighe* *herija!Riacha* *nokunu*
смотри CL10-саранчи вон.есть-CL10-те.там они-идут сюда
‘Погляди! Вон там саранча! Они летят в нашу сторону’.

Старостин Г.С.
РГГУ, Москва, РФ

К вопросу о генетической классификации нубийских языков

Традиционно в рамках сравнительного изучения языков нубийской семьи признавалось существование двух основных ветвей – нильско-нубийской, с основными представителями нобин (махас-фадиджа) и кенузи-донголави, и горно-нубийской; статус особых ветвей имели также биргид (на сегодняшний день уже вымерший) и мидоб. Такая классификация основывалась на в целом согласующихся друг с другом данных фонетических, лексических и грамматических изоглосс и к тому же подтверждалась лексикостатистикой.

Примерно двадцать лет тому назад, однако, традиционная модель подверглась существенному пересмотру со стороны М. Беххаус-Герст, одного из ведущих специалистов в области сравнительной нубистики. Дело в том, что, хотя лексикостатистическая матрица и демонстрирует высокий процент совпадений между нобин и кенузи-донголави, средний процент совпадений между нобин и остальными нубийскими языками значительно ниже, чем аналогичный процент между этими языками и кенузи-донголави. Эту ситуацию Беххаус-Герст интерпретирует следующим образом: нобин на самом деле представляет собой наиболее рано отделившуюся ветвь общенубийского ствола (отсюда низкие проценты совпадений между нобин, с одной стороны, и горно-нубийскими / биргид / мидоб, с другой), а неожиданный «подскок» между нобин и кенузи-донголави следует объяснять как итог тысячелетнего конвер-

гентного развития, в основном принимавшего форму массивных лексических и грамматических заимствований из престижного нобин в менее престижный кенузи-донголави.

В докладе показано, что «лексикостатистической аномалии», зорко подмеченной М. Беххаус-Герст, можно на самом деле дать принципиально иную интерпретацию. Подавляющее большинство несопадений, якобы «архаизирующих» нобин, при тщательном анализе оказываются лишены каких бы то ни было внутринубийских этимологий и, скорее всего, представляют собой остаток иноязычного субстрата (одного или нескольких), на который, не ранее середины I тыс. до н. э., наложилось одно из нильско-нубийских наречий. Принятие этого сценария не только устраняет «аномалию» и освобождает нас от необходимости признавать «смешанный» характер кенузи-донголави, но также корректирует наше представление о пранубийской лексике и позволяет сформулировать новые гипотезы относительно языковой картины Северо-Восточной Африки в I–II тыс. до н. э.

Топорова И.Н.
Институт языкознания РАН, Москва, РФ

Некоторые особенности синтаксиса сказок банту

Синтаксис текста наряду с грамматикой и семантикой входит в обобщающее понятие «лингвистика текста» и воспринимается, как и синтаксис предложения, в качестве набора правил сочетаемости, правил соединения предложений в тексте. Для того чтобы получить более или менее полное представление о синтаксисе текста, а в нашем случае о синтаксисе фольклорных текстов (сказок), необходимо обратить внимание на совокупность целого ряда моментов, имеющих непосредственное отношение к данной теме. В данном конкретном случае речь идет о такой синтаксической особенности, как предикативность текста, т.е. о возможностях и степени использования глагола в текстах. Анализируя сказки банту с этой точки зрения, можно отметить два случая реализации употребления глаголов: во-первых, речь идет о повышенной (развернутой) предикативности, во-вторых, о невысокой степени предикативности (свернутой).

Повышенная предикативность (ПП) свойственна практически всем сказкам банту, в большей степени – лингала, курия, гузии, погоро. В большинстве случаев она связана с синтаксическими повторами предиката или целого фрагмента предложения, содержащего предикат, поэтому некоторые повторы синтаксических структур могут рассматри-

ваться как в данном разделе, так и в разделе «Синтаксические повторы». Повышенная предикативность включает также и случаи редупликации и тавтологии. Тексты сказок предоставили довольно большой материал с реализацией случаев ПП, например:

лингала:

Satonge *a-buni, buna, buna, a-lembi*

‘Стрекоза *она-боролась, бороться, бороться* (т.е. очень долго), *она-устала*’;

Na nsima *ba-fandi, ba-baboli nyama, ba-lambi, ba-lei, ba-nyiti isusu, ba-lali*

‘Потом *они-уселись, они-разделали* мясо, *они-приготовили* (его), *они-поели, они-закоптели* остатки, *они-улеглись*’.

гузии:

Kenyinsiagachakagoteera: *Na-rur-e, ge-kura-kura, na-rur-ege-kura-kura, ge-kuransege-kurairioba*

‘Кеньинси начала петь: *Я-вышла, поднялась-поднялась, я-вышла поднялась-поднялась, поднялась с земли поднялась к солнцу*’.

Так называемая *свернутая* (не подчеркнутая) предикативность сводится в большинстве случаев к отсутствию предиката (как правило, экзистенциального глагола) как предикативной связки и, в меньшей степени, к «слабому», «не активному» употреблению предиката. Далее приводятся некоторые примеры из текстов сказок.

аква:

O mboga mEni [e-di] ndago ohogo oto

‘В деревне той [он-есть] дом один лишь’.

курия:

Wiki mbana [ba-enge na] amarina gigikuria amakoro asansaba, atato agiegesaca na atato agiegekari

‘Также они-с [они-были с] именами курия старыми шестью, тремя мужскими и тремя женскими’.

Урб М.Р.
ИСАА МГУ, Москва, РФ

К вопросу о языковой ситуации в ЮАР: язык венда

Язык венда (чивенда, или лувенда) является местным «малым» языком и одним из 11 государственных языков Южно-Африканской Республики. Венда функционирует и сосуществует с двумя доминирующими языками, английским и африкаанс, которые являются государственными языками всего региона, а также с 8 африканскими язы-

ками – «официальными» на региональном уровне. В списке африканских языков ЮАР самую высокую позицию занимает язык зулу (около 22%), а венда оказывается на последнем месте, замыкая этот список (около 2%).

По классификации языков банту М. Гасри венда занимает позицию в зоне S в группе венда. Существует несколько диалектов венда, среди которых: пхани, тавхатсинди, илафури, мбедзи, манда, гуфху, лембету. Ареал распространения языка венда охватывает северную часть провинции Лимпопо (преимущественно район Вхембе), а также юг Зимбабве. Носители языка венда – народ венда, или вхавенда. Общая численность говорящих на венда составляет примерно 1,152 млн человек, из них в ЮАР – 1,022 млн человек, а в Зимбабве – 130 тыс. человек (2001).

В район современной провинции Лимпопо народ венда мигрировал из южных областей Зимбабве. Существовали достаточно интенсивные контакты с другими народами Южной Африки (сото, тсонга и зулу), что отразилось в заимствованиях в венда.

В XVIII веке территорию венда стали заселять буры. В языке венда можно обнаружить много слов, которые были заимствованы из языка африкаанс, главным образом, бытовая лексика.

С середины XIX века венда начинает испытывать воздействие английского языка, что проявлялось в обогащении лексического состава языка за счет заимствований в разных областях (производство, техника и др.).

После обретения венда статуса государственного стало ясно, что для выполнения всех многообразных функций необходимо преодолеть ряд серьезных языковых проблем и прежде всего – проблему терминологической бедности языка.

Языковая политика ЮАР направлена на поддержку всех государственных языков страны, однако возникает вопрос: возможно ли сделать африканские языки, в частности язык венда, способными осуществлять функции языков английского и африкаанс?

Урманчиева А.Ю.
Институт языкознания РАН, Москва, РФ

Нарративные стратегии с «эффектом присутствия» (на материале ньямвези)

В докладе речь пойдет о нарративных стратегиях – способах организации связного повествовательного текста, точнее, о том влиянии, которое может оказывать определенная нарративная стратегия на выбор

грамматических (прежде всего глагольных) форм внутри текста. Известно, что в основу нарративных стратегий могут быть положены разные принципы (подробнее см. применительно к языкам банту – [Плунгян В.А., Урманчиева А.Ю., 2009. Стратегии организации нарратива в языках банту. I. Секвентные и несеквентные формы // *Исследования по языкам Африки.*], [Плунгян В.А., Урманчиева А.Ю., 2009. Стратегии организации нарратива в языках банту. II. Фокусные и нефокусные формы // *Звук. Знак. Смысл. Сборник статей в честь 70-летия В.А. Виноградова.* Москва]).

В докладе будет рассмотрен оригинальный тип нарративной стратегии, представленный в языке ньямвези. При исследовании фольклорных и бытовых нарративов ньямвези, представленных в [Луцков, А.Д. 1984. Сказки ньямвези // *Африканская сказка I. Материалы к исследованию языка фольклора.* Москва] и [Maganga, Schadeberg 1992] мы обратили внимание на то, что в ньямвези в качестве основной повествовательной формы может использоваться либо форма с ТАМ-префиксом *ka-*, либо форма с ТАМ-префиксом *u-*. А.Д. Луцков определяет первую форму как «Перфект II», вторую форму – как прошедшее повествовательное время, в работе [Maganga, C., Schadeberg, T.C. 1992. *Kinyamwezi. Grammar, texts, vocabulary.* Köln: Rüdiger Köppe Verlag. Schadeberg 1992] эти формы определены как Narrative и Consecutive соответственно. В чем разница между этими двумя формами в функции нарратива? Мы обратили внимание на следующий любопытный факт: употребление первой формы коррелирует с употреблением косвенной речи при передаче слов героев, тогда как употребление второй формы коррелирует с употреблением прямой речи в той же функции. Тем самым, на наш взгляд, в ньямвези представлены две нарративные стратегии: первая из них является, неформально говоря, пересказательной, тогда как вторая, в которой употребляется прямая речь, ориентирована на создание «эффекта присутствия», создающегося у слушателя благодаря употреблению прямой речи.

Хабиров В.П.
Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, РФ

Характеристика социолингвистических зон республики Конго

В данной работе делается попытка применить модель типологического анализа этноязыковой ситуации Республики Конго. Для этого был разработан принципиально новый подход к типологическому анализу,

ключевым операционным понятием которого является коммуникативная среда (КС) [Виноградов В.А., Коваль А.И., Порхомовский В.Я. Социоллингвистическая типология. М.: URSS, 2007]. В Республике Конго нам представляется удобным на основе типологического изучения параметров социоллингвистического состояния отдельных коммуникативных сред осуществить их генерализацию в обширные социоллингвистические зоны, представляющие автономные образования более высокого порядка, чем КС, и состоящие из конкретных коммуникативных сред. Такое деление находит свое отражение в экономических, культурных, историко-социальных и политических традициях живущих там народов. Типологический анализ социоллингвистического состояния сложившихся в Центральной Африке КС позволяет выделить три большие социоллингвистические зоны. Такими зонами можно считать 1) береговую (или речную) социоллингвистическую зону, 2) прибрежную (или атлантическую) социоллингвистическую зону и 3) внутреннюю социоллингвистическую зону. В рамках этих социоллингвистических зон выделяют, принимая во внимание число носителей, санго-лингалаязычную (смешанную) коммуникативную среду, лингалаязычную коммуникативную среду и мункутубаяязычную (конголезскую) коммуникативную среду.

Хачатурьян М. Л.
Институт языкознания РАН,
Москва, РФ

*Низкотонный маркер изафета в языках манде**

Темой сообщения являются правила образования генитивной синтагмы в языках манде и употребление супraseгментной морфемы – грамматического низкого тона, показателя вершины синтагмы данного типа, выполняющего функцию изафетного маркера.

Данная морфема в том или ином виде встречается практически во всех группах языковой семьи манде, хотя конкретные правила ее употребления различаются. Такая широкая распространенность позволяет отнести ее к уровню пра-манде [Выдрин 2003], что является достаточно важным выводом, поскольку в языках манде существует, по-видимому, лишь немного морфем, которые можно реконструировать на таком уровне.

В начале доклада будет совершен краткий обзор морфологии и синтаксиса генитивной синтагмы в различных группах манде на приме-

* Работа выполнена в рамках проекта «Интегральное описание южных языков манде: словари, грамматики, корпуса глоссированных текстов», грант РФНФ 08-04-00144а.

ре одного-двух языков каждой группы. Будут выделены возможные стратегии оформления генитивной синтагмы: 1. нейтрализация тона неначального компонента (как в языках манден, сонинке), 2. присоединение (сверх)низкого тона как маркера синтаксической связи, при этом присоединять тон может как начальный компонент (боко), так и неначальный (сусу, ваи, южные манде), 3. выборочное присоединение (сверх)низкого тона неначальным компонентом, проявляющее чувствительность к семантике связи между составляющими генитивной синтагмы (некоторые южные манде: дан, мано).

Затем мы остановимся более подробно на синтаксисе генитивной синтагмы на примере языка мано, одного из южных манде. В качестве генитивного определения в мано могут выступать:

– существительные (часть из них требуют присоединения изафетного маркера, часть – не требуют в зависимости от семантики связи между ними и вершиной синтагмы);

– отглагольные существительные с зависимыми (синтаксис таких определений достаточно сложен, низкий тон всегда присоединяется);

– прилагательные, которые, находясь в препозиции, также всегда требуют присоединения изафетного маркера (порядок Adj – N крайне редко встречается, если вообще возможен, в других языках манде).

Шлуинский А. Б.
Институт языкознания РАН,
Москва, РФ

*Каузативные сериальные конструкции в языках ква в ареально-генетической перспективе**

Известно, что в языках ква каузативное значение выражается (в качестве единственного или возможного способа) при помощи нестандартного типа сериальных конструкций с частичной грамматикализацией каузативного глагола с исходным значением ‘давать’ (как *ta* ‘давать’ в акан, *na* ‘давать’ в эве). И каузативный глагол, находящийся в левой части конструкции, и лексический глагол, следующий за ним, финитны, что и позволяет рассматривать данную конструкцию как частный случай сериальной.

Выясняется, что языки ква неоднородны как в степени распространения данных конструкций, так и в их синтаксической организации.

* Работа выполнена в рамках проекта «Диахронические процессы и генетические отношения языков Африки», грант РФНФ 10-04-00269а.

Во-первых, каузативная сериальная конструкция может быть единственным или базовым средством для выражения каузативного значения или в большей или меньшей степени периферийным и сосуществующим с другими конструкциями.

Во-вторых, значения, выражаемые каузативной сериальной конструкцией, могут покрывать большую или меньшую часть семантической зоны каузатива, в частности, включать прескриптивное значение (собственно 'заставить') или допускать только пермиссивное ('разрешить').

В-третьих, у каузативных сериальных конструкций могут быть разные ограничения на сочетаемость с лексическими глаголами – в частности, они могут допускать или не допускать использование в качестве лексического глагола неконтролируемого предиката.

В-четвертых, у глагола 'давать' в каузативной сериальной конструкции возможны, но не обязательны признаки формальной грамматикализации.

В-пятых, именная группа, соответствующая субъекту каузируемого события, может быть морфосинтаксически оформлена как дополнение при глаголе со значением 'давать' или как подлежащее при лексическом глаголе.

В докладе на материале языков ква, для которых имеются доступные данные, проводится сопоставление данных параметров и проверка их корреляции друг с другом и с ареально-генетическими факторами.

СЕКЦИЯ 14

БЛИЖНИЙ ВОСТОК И СЕВЕРНАЯ АФРИКА: МОДЕРНИЗАЦИЯ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Руководитель: к.э.н. Александр Алексеевич Ткаченко

Кобищанов Ю.М.
Институт Африки РАН, Москва, РФ

Процессы формирования арабских наций в глобализирующемся мире

Глобализация – это невиданное прежде умножение инфосвязей независимо от расстояний. Условия, в которых протекают этнические, культурные и социальные процессы, унифицируются. Диаспоры еще никогда не были так связаны со своими национальными очагами. Вместе с тем незавершенные этнические процессы продолжают продолжаться.

Арабы изначально составляли этническую общность, делившуюся на родоплеменные группы (кланы, племена, племенные союзы); со временем к ним прибавились этноконфессиональные группы. Арабы ассимилировали многие народы Западной Азии, Северной и Северо-Восточной Африки. Эти народы частично трансформировались в этноконфессиональные группы. В XVIII – начале XX в. в арабских странах Африки происходил процесс формирования новых этноконфессиональных общностей в рамках *турук* – исламских духовных орденов; в Аравии аналогичную роль играла *ваххабия*.

Со второй половины XIX в. в наиболее развитых арабских странах начался процесс формирования наций. Дальше всего он продвинулся в Египте, Тунисе и Сирии, но и в Египте и Сирии сохранились арабоязычные этноконфессиональные группы. В ряде других арабских стран каждая большая этноконфессиональная группа развилась в ядро нации (в Саудовской Аравии – ваххабиты, в Омане – ибадиты, на Бахрейне – шииты-бахарина, в Ливии – синуситы). В другой группе стран (Ирак, Ливан, Йемен и др.) борьба между этноконфессиональными группами (а в Судане, Чаде, Ираке, Омане – также с неарабскими народами) периодически обостряется до боевых действий. В двух странах Магриба – Алжире и Марокко – сохранилась проблема берберских народов.

В последние 60 лет появились новые факторы интеграции внутри арабской общности: массовое среднее и высшее образование на едином арабском языке, все возрастающее воздействие СМИ, массовые трудовые миграции. Наиболее мощными СМИ обладает Египет – крупнейшая по численности населения и культурно развитая арабская страна. Влияние египетских СМИ ощутимо повсюду в арабском мире, но в каждой стране есть собственные телевидение, радио, газеты. В ряде стран наблюдается влияние французских СМИ, в странах Персидского залива – индийских, пакистанских, иранских и др. В то же время арабские диалекты во Франции и других европейских странах образуют новые общности, оказывающие влияние на историческую родину.

Смирнова Г.И.
Институт востоковедения РАН, Москва, РФ

Трансформация ливийского общества в условиях глобализации

Для современного периода развития характерны беспрецедентное увеличение финансовых, торговых и информационных потоков, рост производственной кооперации, диверсификация экономических связей, расширение сотрудничества в других сферах – политической, военной и др. Происходит переход к новой экономической системе, основанной на знаниях и информации. Развивающимся странам приходится приспосабливаться к новым требованиям мировых рынков и международной конкуренции. В условиях резкого ускорения научно-технического прогресса, увеличения частоты обновления технологий в различных областях деятельности ограничение контактов с мировым рынком неблагоприятно отражается на темпах экономического роста.

Эта проблема особенно актуальна для Ливии, которая в течение довольно длительного периода времени после американских бомбардировок в 1986 г., введения торгового эмбарго со стороны США, а затем, в 1991 г., Советом Безопасности ООН экономических санкций оказалась в изоляции от мирового сообщества. Это пагубным образом сказало на ее экономическом развитии из-за невозможности доступа к новым технологиям. Многие отрасли хозяйства, в частности нефтегазовая, устарели и требовали модернизации. Все это обусловило необходимость возобновления и расширения торгово-экономического и научно-технического сотрудничества с другими странами.

Ливия после свержения королевского режима и провозглашения республики 1 сентября 1969 г. прошла довольно сложный и противоречивый путь и несколько этапов социально-экономического развития.

Развитие Ливии в условиях развернувшегося процесса глобализации потребует структурной перестройки национальной экономики, установления рационального соотношения между государственным и частным секторами, совершенствования управления, использования специфических местных форм организации производственного процесса, привлечения частного капитала в производственную сферу, чтобы он внес свой вклад в повышение конкурентоспособности товаров и услуг на мировом рынке, создание благоприятных условий для привлечения иностранных инвестиций.

Мохаммед Фадель Мохаммед
РУДН, Москва, РФ

Проблема Западной Сахары: возможно ли решение?

В течение более 40 лет продолжается конфликт между фронтом ПОЛИСАРИО Западной Сахары и Королевством Марокко. Марокко после обретения независимости (1956 г.), считая Западную Сахару своей незаконно отторгнутой национальной территорией, предъявило на нее свои права. Народ Западной Сахары выступает за предоставление независимости. В 1976 г. фронт ПОЛИСАРИО провозгласил создание Сахарской Арабской Демократической Республики (САДР).

Принята Конституция САДР. Ее основные органы, в том числе парламент и правительство, располагаются в г. Тиндуф (Алжир). САДР признали более 80-ти государств. Попытки решить вопрос военным путем не принесли сторонам желаемых результатов. Мировое сообщество (ООН, ОАЕ и другие) долгие годы настаивало на проведении референдума относительно будущего Западной Сахары. Были выработаны многочисленные предложения и планы по урегулированию конфликта (например, план ГА ООН под номером S/2001/613, S/2002/178, и др.). ООН не признает притязаний Марокко, считает Западную Сахару «не самоуправляемой» территорией и поддерживает законное право западносахарцев на самоопределение.

Марокко называет Западную Сахару своими «южными провинциями». Основной причиной упорного нежелания Марокко решить западносахарскую проблему являются природные богатства Западной Сахары (фосфаты, уголь, железная руда, уран, золото, морепродукты и пр.). На континентальном шельфе обнаружены месторождения нефти и природного газа. Западносахарское руководство стремится добиться независимости и использовать богатый ресурсный потенциал в интересах собственного народа.

Поиски справедливого взаимоприемлемого для всех заинтересованных сторон, а также мирового сообщества решения этого затянувшегося конфликта продолжают. Все вовлеченные стороны отдают себе отчет в том, что иного решения проблемы, кроме переговоров, нет. При этом необходимо учитывать, что, согласно международному праву, народ Западной Сахары имеет все основания добиваться самоопределения, независимости и создания собственного государства.

Сенькович В.В.
Институт Африки РАН,
Москва, РФ

Новые явления в экспансии ТНК в Северную Африку в условиях глобализации

1. В условиях глобализации Северная Африка продолжает оставаться объектом активной экспансии ТНК. На сегодняшний день в регионе осуществляют свою деятельность такие ТНК, как Halliburton, Total, ExxonMobil, Unilever Bestfoods и др. Интерес инвесторов к Северной Африке вызван не только крупными запасами природных ресурсов, но и стратегически выгодным местоположением. Суммарные ПИИ, включая инвестиции ТНК, в регион за последние 10 лет имеют два тренда. Если с 2000 г. по 2007 г. ПИИ возросли на \$20 млрд, с \$5 млрд до \$25 млрд, то в период 2008–2009 гг. по причине мирового экономического кризиса объем привлекаемых в регион ПИИ заметно сократился и составил в 2009 г. приблизительно \$17 млрд.

2. Основными объектами экспансии ТНК из развитых и развивающихся стран являются энергетический, телекоммуникационный, банковский и др. секторы. Наблюдается тенденция увеличения капиталовложений ТНК из развивающихся стран в создание специальных экономических зон, в развитие инфраструктуры и трудоемкое производство в Северной Африке, что позволяет разнообразить ассортимент выпускаемой продукции и повышать ее технологичность. Благодаря участию ТНК североафриканские фирмы получают дополнительные возможности выхода на мировой рынок.

3. С конца 1990-х годов в регионе наблюдается изменение политики правительств в отношении к ТНК по сравнению с периодом 1970–1980-х годов. Отмечено возрождение интереса к конструктивному сотрудничеству с иностранным капиталом в целом и транснациональным в частности. Например, согласно пятилетнему плану социально-экономического развития Алжира на 2006–2010 гг., в развитие нефтегазовой отрасли планировалось привлечь \$33,2 млрд, из которых 74%

приходилось на госкомпанию Sonatrach, а 26% – на заинтересованные иностранные компании.

4. Обратной стороной активного привлечения ТНК является стремление этих мощных игроков влиять на внутренние политические и экономические процессы в Северной Африке. В этом проявляется диалектика общемировых закономерностей глобализационного процесса, при котором страны, выигрывая по некоторым технологическим направлениям, объективно вынуждены уступать часть своего суверенитета транснациональным силам.

Костелянец С.В.
Институт Африки РАН,
Москва, РФ

США, Китай и суданская нефть

По некоторым оценкам, Судан обладает запасами нефти, близкими по объемам к резервам Саудовской Аравии, а попутно огромными запасами природного газа, урана и меди. Безусловно, поверить в наличие столь богатых нефтяных месторождений без проведения более тщательной геологической разведки пока не представляется возможным, но уже и подтвержденные запасы почти привели к началу «холодной войны» за «черное золото» между США и Китаем.

Ясно, что именно нефть находится в центре американских интересов в Судане. Однако в отличие, например, от Саудовской Аравии, суданское правительство продолжает сохранять свою независимость от Вашингтона в «нефтяных» вопросах. Неспособные контролировать суданскую нефтяную политику, США – посредством введения санкций на экспорт суданской нефти – не только тормозили развитие этой отрасли, но и способствовали обострению в стране региональных противоречий. Можно сказать, что в течение двух десятилетий США поддерживали сепаратистское движение на юге Судана, где были обнаружены значительные запасы нефти. Не умаляя значения гуманитарной помощи, оказываемой США Дарфуру и Южному Судану, следует все-таки признать, что именно нефть, ее существующие и потенциальные запасы, – предмет особой заботы американцев в этом регионе. Американцы не уходят из Судана, напротив, предоставляют стране, как центральному правительству, так и регионам, материальную, военную и гуманитарную помощь.

США стремятся утвердиться в качестве нейтрального посредника в Судане и, с большим или меньшим успехом разыгрывая дарфурскую карту и частичное сохранение экономических санкций, продолжают

оказывать давление на центральное правительство с целью получения более крупных нефтяных концессий, хотя бы в перспективе.

Китай, в свою очередь, не задаваясь гуманитарными вопросами или задаваясь ими лишь «постольку-поскольку», осуществляет поставки в Судан технологий для добычи нефти, строительства трубопроводов и закупает местную нефть в сравнительно больших объемах.

Интерес Китая к Судану определяется огромной и постоянно растущей потребностью дальневосточного гиганта в нефти, которая вынудила Пекин к проведению агрессивной долларовой дипломатии. Обладая колоссальными валютными резервами, Китай начал активную нефтяную геополитику, причем именно Африка является его главной целью, а суданско-чадский регион – приоритетным районом на континенте. Это определяет линию «нового фронта холодной войны» за обладание главными нефтяными ресурсами, начавшейся между США и Китаем сразу после американского вторжения в Ирак в 2003 г. До сих пор Пекин разыгрывал свою карту эффективней, чем Вашингтон.

Китай уже выступил с целым рядом инициатив, направленных на сохранение под его контролем нефтяных месторождений, даже тех, которые будут разрабатываться лишь в отдаленной перспективе, в одном из самых богатых «черным золотом» регионов планеты – в Африке. В рамках этих инициатив, которые не могут не вызывать недовольство Вашингтона, КНР предоставляет африканским странам, в том числе Судану, беспроцентные кредиты, попутно на собственные средства строит дороги, школы и больницы, а США в это время стараются контролировать африканскую экономику посредством Всемирного банка и МВФ, выставя жесткие экономические и политические условия. Неудивительно, что африканцы предпочитают сотрудничество с Китаем.

Китайская национальная нефтяная корпорация (КННК), расположенная в Пекине, – самый крупный суданский иностранный инвестор, уже вложивший 5 млрд долл. в разработку нескольких нефтяных месторождений. С 1999 г. Китай инвестировал в Судан более 15 млрд долл. Он контролирует 50% нефтеочистительных работ на предприятиях неподалеку от Хартума.

Основные запасы суданской нефти сконцентрированы на юге страны, и КННК уже построила нефтепровод, начинающийся в районе нескольких китайских концессий и заканчивающийся на Красном море в новом терминале Порт-Судана, где нефть заливается в танкеры с последующей отправкой в Китай. 8% всей импортируемой нефти поступает в Китай из южного Судана. Китай получает от 65 до 80% из добываемых здесь примерно 500 тысяч баррелей в день. Потребности Китая в нефти растут примерно на 30% в год, и именно это определяет китайскую политику в Африке.

Судан и Чад – примеры расширения американской «иракской» политики контроля над нефтью везде, где возможно. И так же везде, где возможно, Китай подрывает этот контроль, особенно в Африке.

Кхалаф М.
Центр стратегических исследований,
ОАЭ

Объединенные Арабские Эмираты: особенности стратегии экономического роста в условиях глобализации

ОАЭ обладают уникальными по своим масштабам запасами ископаемых энергоносителей, по этому показателю входят в первую пятерку стран мира. Вместе с тем страна географически удобно расположена, находясь на одном из самых оживленных воздушных «перекрестков» планеты и имея значительную морскую береговую линию. Для относительно небольшого государства это немало. В Эмиратах эти преимущества были использованы наиболее оптимально благодаря избранному экономическому курсу.

Со времен основателя федерации арабских эмиратов шейха Зайеда для страны характерна инновационная, по своему содержанию, стратегия хозяйственного развития, она не только постоянно корректировалась, но и была сориентирована на ведущие мировые тенденции экономического прогресса.

Современная стратегия хозяйственного развития в последние два десятилетия, когда интенсивно идут процессы глобализации, представляется оптимальной: последовательно усиливаются акценты на диверсификации отраслевой структуры национальной экономики, «освобождении» от нефтяного «проклятия», на формировании постоянно обновляющейся инфраструктуры мирового уровня, превращении ОАЭ в один из центров мировой индустрии туризма, приоритетном развитии человеческого фактора, предполагающем глубокую модернизацию социальной инфраструктуры, одно из центральных мест в которой занимает современная система образования.

В докладе содержится анализ основных показателей кратко- и среднесрочных программ социально-экономического развития Эмиратов в период 1990–2011 гг.

Ближний Восток и Северная Африка: особенности модернизации и процессы глобализации

Расширенный Ближний Восток и Северная Африка переживают с конца XX в. один из самых сложных периодов в своей истории. Проводимые в большинстве стран РБВСА социальные и экономические реформы, направленные на глубокую модернизацию национальных экономик и (частичную) демократизацию политической жизни, сталкиваются с беспрецедентными вызовами.

Глобализация – один из вызовов – отличается исключительной противоречивостью: она открывает широкие возможности в части экономического роста и социального развития, но при этом требует ряда важных условий и предпосылок.

Среди вызовов – обострение демографической проблемы, растущая нехватка ресурсов, в регионе БВСА прежде всего – водных и земельных, «утечка мозгов», отток за рубеж капиталов, массовая, беспрецедентная по своим масштабам безработица... В условиях глобализации в различных странах региона они по-разному сказались на процессах модернизации.

Промышленно развитые демократии расширяют партнерскую поддержку, главным образом, обширной наименее развитой периферии РБВСА в реализации программ модернизации и социальных реформ. В докладе рассматриваются как основные ее направления и достигнутые результаты, так и «узкие места» процесса модернизации.

Анализируется ход корректировки курса модернизации, инструментарий достижения поставленных целей.

Выдвинуты возможные сценарии развития различных групп стран региона в свете основных мировых тенденций и региональных, страновых особенностей.

Иванов А.Н.
Институт Африки РАН,
Москва, РФ

Роль и место этноконфессиональных групп в национальных процессах (на примере египетских коптов и российских кряшен и нагайбаков)

1. Этноконфессиональными группами обычно именуют общности, образуемые в результате тесного сопряжения какой-либо части этноса

или компактной группы этносов с той или иной религией. Наиболее распространен первый тип сопряжения (религия – часть культуры этноса). К этой разновидности, впрочем, могут быть причислены далеко не все религиозные группы внутри этносов, а только те из них, которые приобретают особые, только им присущие этнические свойства. Механизм сложения этноконфессиональных групп таков: с одной стороны, этнические явления, свойства в течение длительного времени взаимодействия впитываются культом, «конфессионизируются», с другой стороны, отдельные компоненты культового комплекса, проникая в национальные формы общественной жизни, приобретают характер этнических явлений, «этнизуются».

2. Исторически подобные общности могли расселиться как на этнической территории «материнского» этноса, образуя «внутреннее» меньшинство, так и обрести статус «внешнего» меньшинства, расселяясь на том или ином расстоянии от материнского этноса. Прежде этноконфессиональные группы, как правило, находили прибежище в лесных и горных районах, а также на стыке великих цивилизаций. Эти подразделения этноса имели и имеют несколько вариантов дальнейшего развития: а) консолидироваться в составе материнского этноса, утратив или почти утратив своеобразие в культуре и языке; б) превратиться или иметь тенденцию превратиться в новый этнос или этническую группу, формируя устойчивое самосознание и этноним; в) интегрироваться (ассимилироваться) в состав другого этноса; г) неопределенно долго сохранять этнокультурную специфику в иной этнической среде. Следовательно, имеется многовековой опыт существования, сотрудничества, соперничества, противостояния и борьбы группы людей, объединенных общей культурой и самоназванием, расселившихся по тем или иным причинам в иной этнической и национальной среде. Этноконфессиональные группы есть во многих народах, в разных регионах. Немало таких общностей в Африке, на Ближнем и Среднем Востоке, в Европе, России, США и т.д.

3. В любой полиэтнической, поликонфессиональной стране мирное сосуществование различных национальностей и религий является позитивным фактором, который служит источником культурного обогащения. Вместе с тем межэтнические, межрелигиозные отношения – чрезвычайно сложная и тонкая сфера общественной жизни. Складываясь под влиянием особенностей исторического развития той или иной страны, этнического состава населения и исповедуемой религии, а также других факторов, межэтнические взаимодействия во многом предопределяют формирующиеся в обществе экономические, социальные и политические контакты. Межэтнические, межрелигиозные отношения всегда конкретны, имеют свою специфику в каждой отдельно взятой

стране и требуют постоянной регулирующей деятельности государства.

4. История свидетельствует: конфликты на этнической и религиозной почве, возникающие, как правило, вследствие ущемления прав национальных меньшинств, весьма часто сопровождаются насилием, жертвами и разрушениями, ставят под угрозу единство государств, а также всеобщий мир и безопасность. Выработка оптимального пути развития межэтнических, межязыковых и межрелигиозных отношений – одна из актуальных проблем современности.

5. Вышеназванные положения рассмотрены на примере таких этно-религиозных групп, как копты среди египетских арабов и кряшены и нагайбаки среди татар Поволжья и Приуралья.

В Египте помимо мусульманских этноконфессиональных групп живет несколько этноконфессиональных групп христиан. Крупнейшая из них – копты (включая подгруппы коптов-католиков и коптов-протестантов). В отличие от других христианских этноконфессиональных групп, копты – коренные жители Египта. Их культура оказала мощное влияние на культуры других этноконфессиональных групп этой страны: христианских, мусульманских и иудаистских.

Среди тюркских народов Поволжья и Приуралья выделяются татары с мусульманской традицией в культуре и в быту и кряшены и нагайбаки – народы, многие сотни лет исповедующие православие. Их история полна примеров как попыток большинства силой навязать свои религиозные воззрения меньшинству, так и попыток меньшинства распространить свои религиозные взгляды среди представителей большинства. На примере татарско-кряшенских отношений можно лишним раз убедиться в том, что религиозный фактор в определенных случаях, особенно когда речь идет о зоне «мусульманско-христианского пограничья», может сыграть дезинтегрирующую роль в межобщинных отношениях, а разная религиозная принадлежность – привести к возникновению у меньшинства специфических черт в материальной и духовной культуре, к выработке собственного этнического самосознания.

СЕКЦИЯ 15

МИРНЫЕ СОГЛАШЕНИЯ И УКРЕПЛЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПОРЯДКА В АФРИКЕ (на английском языке)

Руководитель: Алекси Йлонен

Munene Macharia
United States International University

Discursing Peace and Political Order in Africa

Peace, successful management of negative conflicts, depends on *politics* which is the art of organizing and applying power to run the affairs of people in a given place in an orderly manner. *Peace* and *political order* are symbiotic but they are not the same. It is not possible to have one without the other but *political order* precedes *peace*. Politics is the instrument for ensuring peace. The two need to be balanced to ensure that they are in harmony in any given place. Excessive preoccupation with political order can lead to self-negation while attention to peace that ignores political order would undermine the essence of peace.

Balancing the demands of *peace* and those of *political order* has been a problem for Africa which partially explains why *peace* agreements tend to break down. The difficulties started in the 20th Century colonial period when the seeds of suspicion and perpetual dependency on Euro-forces were planted. Those seeds were retained through those who acquired power at independence because they had been properly groomed to perpetuate dependency. They inherited and retained a colonial mind-frame and passed that legacy to their now grown children, as the «younger» rulers of African states. With such legacy, policy makers generally reach agreements that are temporary interludes in continuing confrontations.

Rawson David
Spring Arbor University, USA

***Cooperation and Contest in International Humanitarian Intervention:
the Rwandan Case, 1992–1994***

This paper will look at efforts of the international community to turn Rwanda from conflict between the then Rwandan government and the Rwandese Patriotic Front towards a peace based on democratic principles, power-sharing and integration of the contending militaries. Actors in this international endeavor initially included neighboring states (Zaire, Uganda, Tanzania, and Burundi), states with resident embassies and development programs in Rwanda, (France, Belgium, Germany and the United States) and regional organizations (the Economic Community of the Great Lakes and the Organization of African Unity). With the signing of the Arusha Peace Accords on August 5, 1994, the focus turns to the United Nations (the UN Security Council and the UN Secretariat) which became guarantor of the Peace Accords through the establishment of a UN Mission and peace-keeping force, UNAMIR.

While states and international organizations agreed on the basic goals for Rwanda and cooperated in numerous ways to achieve those goals, there were differing views about how to organize for peace, how to compose a peace-keeping force and, most significantly, about how to respond when civil war and genocide erupted. These contests of international will were implicated in the failure of the international community to stop genocide in Rwanda. That failure in turn raises questions about the capacities of the state system today to protect the innocent and deter conflicts that can lead to human rights disasters.

Research for this paper is based on documentary records of the period, especially recently unclassified documents from the United States government, and on the experience of the author, the first US Observer at the Arusha peace negotiations in 1992 and Ambassador of the United States to Rwanda, 1994 to 1996.

Rudolf Markus
Max Planck Institute for Social Anthropology,
Germany

«Marché de la paix» – a Record of Broken Peace Treaties in Senegal

The war in the Casamance is the longest lasting in Africa. But it is neither the kind of conflict nor its duration – it is the record of mediation

efforts, reconciliation measures and repeatedly broken peace treaties that is truly exceptional. Diachronic and synchronic analysis of the present situation show that only a model that overcomes the classical division between pre-, actual, and post-conflict will provide valuable results.

The paper will argue, that the perception of post-conflict – and necessarily conflict itself – has to be reconsidered. It is rather a misconception to treat conflict as pathological. It is not the conflict, but the mechanisms of conflict management and resolution, which seem to be the issue worthwhile analysing: **Are these institutionalised in a way that is based on a broad social consensus established through communicative action?** Do the majority of actors therefore respect the results and the monopoly of violence? How can reconciliation and post-conflict actually be defined in this perspective? How sustainable are national reconciliation measures compared to conflict settlement mechanisms that are embedded locally? Why did/do they fail? Or are there existing forms of conflict resolution observable, which are merely not recognized by authorities? How is can the relative stability be explained and assessed regarding the national political order?

As conflict theory has shown, violent actors in conflicts tend to act rationally in many ways. In order to survive in a market of violence they need to manage resources (arms, soldiers, fear, etc.) in the most profitable way. As a condition and a result this self-perpetuating vicious circle alienates and antagonises the affected individuals. The social organisation of conflict, on the other hand, is linked directly to the strength of societal incorporation as such. This means that integration can be achieved by means of equal access to justice. Common procedures to resolve conflicts without violence strengthen social cohesion.

The Casamance is an example of a peculiar dialectic: integration through conflict! Here both the insistence on violence and the negotiation of peace are rational tactics through which actors do achieve their means. Peace brokers and violent actors do ensure their economic survival mutually. Furthermore a complex equilibrium seems to have been established: The frameworks of traditional mediation give the local population means to lessen their grievances, but impede – due to the non-hierarchical structure – any final and general peace agreement.

Ruiz-Gimenez Arrieta Itziar
Autonomous University of Madrid, Spain

***Somalia: the Role of External Actors in the Unpredictable
and Tortuous Path to Rebuilding the Somali State***

During the last twenty years, the international community had made wide-ranging efforts (including more 15 failed peace agreements) to rebuild

a unified Somali state since 1990. After the last peace agreement (2004) was signed, the resolution of the conflict remains elusive. The paper examines the underlying causes of why this last attempt by the international community to impose a solution has failed so far. It argues that the UN and the policies of western countries are partly responsible for deterioration of the political, economic, social and humanitarian situation in Somalia, reaching levels of insecurity not seen since the early 1990s.

Grobbelaar Janis
University of Pretoria, South Africa

South Africa: Some Elements of a Transitional Expedition towards Democracy

How can a just, democratic and secure South African society for all of its people be built and survive in the light of the enormous disparities of wealth and life chances that typify it? Competing understandings of, and answers to this question, underpin and drive the *new* South Africa's post 1994 proposed transitional journey towards democracy and freedom. This paper is concerned to engage the nature and dynamics of the ongoing transitional expedition by addressing some of the major elements thereof. Three of the rudiments of this process will be unpacked with a view to engaging the conditions and dynamics of the consolidation of socio-political order in South Africa: the negotiated peace agreement that took place over the period from 1990 and Nelson Mandela and the other political prisoners release from prison – together with the unbanning of the hitherto banned political movements, to 1994 and the holding of the first ever general election in South Africa to take place via universal franchise. In the second place, the formal and official process of dealing with the crimes of the past and societal reconciliation via the South African Truth and Reconciliation Commission from 1995 to around 2003 and, finally, the split that took place in 2007 at the Polokwane Conference of the ANC.

Pérez de Armiño Karlos
University of the Basque Country
Basque Country-Spain

War and Peace in Angola. The Persistence of Needs, Grievances and Greed as a Threat to the Rehabilitation Process

The peace agreement of Luena (2002) put an end to four decades of war in Angola. In fact, along that period there was a succession of several wars: a

war of liberation and decolonization (1961–1975), a civil war after independence framed in the Cold War (1975–1992), and a civil war in two stages (1992–1994 and 1998–2002). On the causes of each one of these wars have been offered different explanations, focused on international and internal dimensions, and on factors such as identity confrontations, political grievances or the political economy of war.

Our hypothesis is twofold. Firstly, that under the different types of armed conflict occurred in the country throughout its history, there have been some underlying lines of continuity that have caused or contributed to armed violence. In other words, several conflicts and tensions of political, social, economic and identity nature, with deep historical roots.

Secondly, that such structural tensions continue today, even after the end of the war. This is largely due to the way in which the armed conflict ended (with the victory of the government's army) and the characteristics of the subsequent rehabilitation process: lack of a genuine process of democratic transition before the elections of 2008, lack of policies promoting human development for the majority, extended poverty and increasing social inequalities, the persistence of a depredatory system with elites using oil and other resources for their enrichment, feelings of political exclusion of various political and ethnic-territorial groups, etc.

In conclusion, many of the factors that motivated or stimulated the successive wars in the country have not been successfully tackled after the peace agreement. Thus, the persistence of this combination of needs, grievances and greed could pose a threat to the rehabilitation process itself and plant a seed of future conflicts.

Ylönen Aleks
University of Bayreuth, Germany

The State of a State in the Making: Southern Sudan since the Comprehensive Peace Agreement

In January 2005 Sudan's longest-running war came to its formal end. The peace process culminated in the signing of the internationally pressured Comprehensive Peace Agreement (CPA) between the main warring parties, the National Congress Party controlled Government of Sudan and the Sudan People's Liberation Movement/Army (SPLM/A) rebel movement. The treaty established a six-year interim period (2005–2011) during which the protagonists pledged to make political unity of Sudan attractive to southern Sudanese who were generally considered to have suffered most during the war. It was stipulated that in the course of the interim period presidential and

general elections would take place and before its end southern Sudanese would be allowed to choose between unity and separation in a historic self-determination referendum. This unprecedented plebiscite possibly leads to the establishment of a new independent state of South Sudan.

The self-determination referendum took place in January 2011 with the southern Sudanese overwhelmingly favoring political separation from northern Sudan which they generally perceive as the main obstacle to the realization of peace, equality and prosperity in their own region. In the aftermath of the plebiscite, many southerners expect political secession and transition of the currently autonomous South Sudan into an independent state. Yet, considering the brief period of post-war interim SPLM rule, and given the lack of consolidation of a system based on political plurality together with limited infrastructure and the absence of a diverse multi-sector economy in southern Sudan, the region faces a number of difficulties related to nation- and state-building.

This paper analyses the period of CPA implementation (2005–2011) with a focus on the consolidation of post-war political and economic order in southern Sudan. It points out major challenges related to the process of establishing an independent state. Finally, it maps probable post-CPA scenarios and suggests political and economic arrangements that could facilitate transition to independence. The paper seeks to contribute to the discussion about the viability of South Sudan as Africa's newest state.

СЕКЦИЯ 16

РЕЛИГИИ В СОВРЕМЕННОЙ ТРОПИЧЕСКОЙ АФРИКЕ: ЭВОЛЮЦИЯ СТРУКТУР И СОДЕРЖАНИЯ

Руководитель: к.и.н. Олег Игоревич Кавыкин

Бутовская М.Л.,
Буркова В.Н.
Институт этнологии и антропологии РАН,
Москва, РФ

*О консерватизме магических обрядов в повседневной жизни датога – скотоводов Северной Танзании (на примере церемонии очищения бомы от порчи)**

Несмотря на существенное распространение мировых религий на территории Объединенной Республики Танзании в наши дни, датога – полуоседлые скотоводы – остаются приверженцами традиционных верований. Существенное место в их повседневной жизни играют магические обряды. Статус магов в датогском обществе остается исключительно высоким. Маги-сновидящие предсказывают судьбу, дают советы попавшим в сложные жизненные ситуации, излечивают от болезней, избавляют от порчи и сглаза. Присутствие магов рассматривается как естественное и необходимое условие выживания и благополучия в современном датогском обществе.

В докладе будет подробно описана церемония очищения бомы (подворья) от порчи у датога. Церемония относится к категории редких, и 76-летний хозяин бомы, проводивший её, признался, что присутствует на ней третий раз в жизни. Церемония занимает 5 дней и состоит из нескольких этапов (подготовка, жертвоприношение, гашение всех очагов бомы, разжигание нового «чистого» огня, окуривание всех людей и

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (№ 08-01-00015а), РФФИ (№ 10-06-00010-а) и Федеральной целевой программы МИНОБРНАУКИ «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг. (№ 2010-1.2.1-102-022-20). Исследования проведены с разрешения Комиссии по науке и технике Танзании (COSTECH).

животных бомы, обряды очищения помещений, размещение амулетов, препятствующих проникновению в бому злых сил). На протяжении всего срока доступ посторонним в бому запрещен. Обращает на себя внимание четкое соблюдение последовательности действий и распределение ролей участников. Церемония осуществляется хозяином бомы при активном участии одного из его братьев и старшего сына. Магические обряды совершаются специально призванным для этого магом. Вся церемония осуществляется взрослыми мужчинами, имеющими потомство. Вместе с тем именно замужние женщины-хозяйки дома получают от мага тлеющие угли для разжигания новых «чистых» очагов. По нашим данным, описанная церемония сохраняется неизменной на протяжении многих десятилетий и практически не подвержена влиянию модернизации. В докладе будут представлены фрагменты видео- и фотоматериалов, относящихся к данной церемонии.

Фирсов Н.Н.
Институт Африки РАН, Москва, РФ

Религия и политическая борьба в современной Африке (на примере Республики Мадагаскар)

Процессы политической модернизации в большинстве стран франкофонной Африки, начавшиеся в конце 80-х – начале 90-х годов XX века и выразившиеся в переходе от авторитарных режимов с однопартийной системой к политическим системам демократического характера, со свободными выборами президента и парламента и многопартийной системой, вызвали бурный рост политических партий, как правило, демократической направленности, декларирующих демократические ценности и выступающих за социальное и экономическое обновление. Однако, несмотря на конституционные запреты (во многих странах в 90-е годы были приняты новые конституции и законы о партиях), большинство партий формировалось на этнорегиональной или религиозной основе, преследуя интересы исключительно своей группы, клана или этноса, что в итоге сводило на нет процессы политической модернизации и еще больше ухудшало социально-экономическое положение в этих странах. Многочисленность политических партий, некоторые из которых имели свои военизированные формирования, и отсутствие сдерживающих факторов (авторитарный режим или военная диктатура) превращало предвыборные президентские кампании в вооруженные столкновения, иногда доходившие до гражданской войны. Следствием той же многочисленности было и формирование различных альянсов,

союзов и коалиций (например, Коалиция сил демократической альтернативы в Бенине, созданная в 1996 г. для поддержки президента, насчитывала около 30 партий и объединений или Комитет жизнеспособных сил в Республике Мадагаскар, объединявший 16 оппозиционных партий).

Политический плюрализм и демократизация в африканских странах затронула и религиозные объединения, которые, во многом благодаря этнорегиональному характеру политических партий и их многочисленности, зачастую играют объединяющую роль в процессах политической модернизации, сглаживая конфликтные ситуации. Особенно это заметно в странах, где авторитарные режимы проводили эксперименты по построению социализма, таких, как Бенин, Гвинея или Мадагаскар. Смена идеологического курса и ценностных ориентаций общества путем отказа авторитарного лидера от той или иной идеологии порождает вакуум, заполняемый прежде подавляемыми моделями не только этнической, но и религиозной идентичности.

Однако привлечение политическими силами религиозных организаций или культов, использование религиозного дискурса в политических выступлениях влияет на политизацию самих религиозных объединений. Что неизбежно приводит к новому витку напряженности и препятствует формированию устойчивой политической системы. Такова современная ситуация в Республике Мадагаскар, где на фоне политического консенсуса, достигнутого подписанием большинством политических партий и Высшим временным органом политического соглашения, направленного на установление Четвертой республики и проведение конституционного референдума и президентских выборов, назревает межконфессиональный конфликт. И здесь речь идет уже не о противостоянии различных социально-политических концепций или противоборстве этнорегиональных групп, а именно о крайней политизации религиозных течений, особенно если политические оппоненты являются лидерами противоборствующих конфессий.

Кавыкин О.И.
Институт Африки РАН, Москва, РФ

Трансформация легитимизации власти традиционных правителей в Замбии

Данное сообщение основано на материалах, собранных экспедицией Института Африки РАН в Республику Замбию (май 2010 г.), в работе которой принимал участие автор (см.: <http://www.histant.ru/node/100>).

Религиозный опыт является конституирующим фактором для организации жизни общества – он лежит в основе создания культурных

норм. Религиозные традиции также являются социальным выражением религиозного опыта. Десакрализация означает, что религиозный опыт не является конституирующим для общества. В том случае, когда на смену традиционным верованиям приходит христианство (и выросшие в рамках христианской цивилизации идеи гражданского общества), оно ложится в основание системы культурных норм и призванных поддерживать их институтов. При этом может происходить как полная, так и частичная десакрализация власти традиционных правителей, прежде опиравшейся в идеологическом плане на язычество.

Опыт Замбии показывает, что одним из вариантов развития традиционных политических институтов является следующий сценарий: произошла и продолжает усугубляться интеграция вождей и королей в современную систему власти, опирающейся на привнесенные британскими колонизаторами принципы; при этом наблюдаются: частичная десакрализация власти традиционных правителей, компенсирующаяся адаптацией идеологического обоснования легитимности данного института к христианизации общественного сознания; поиски нового, «светского» обоснования легитимности. С другой стороны, традиционные (языческие) церемонии в ряде случаев все еще проводятся.

Подыма Катаржина
Муниципальный музей г. Жоры, Польша

Когда нехудожественные объекты/не-искусство становятся искусством. Изменения восприятия и функции традиционных западноафриканских общественных и религиозных объектов

Значение термина «африканское искусство» кажется сегодня настолько очевидным, что вроде бы он и не должен ставиться под сомнение, как право свободно дышать. Нельзя сказать, что распространенное понимание совершенно неправильно, но следует учитывать, что термин не вполне точен и охватывает намного более широкую область значений, а это может привести к искажению в познании предмета исследования. «Африканское искусство», согласно определению, включает в себя целый ряд объектов, которые отражают определенное эстетическое состояние. Определение очень неточно. В случае так называемого племенного искусства оно вообще не работает. Во время полевых исследований, проводившихся в Западной Африке, респонденты давали вызвавшие удивление ответы, когда их спрашивали о том, что такое искусство. Эти ответы ясно продемонстрировали, несколько расходятся представления респондентов и Белого человека. Термина «искусство» в

местных языках не существует. А перевод с европейских языков на африканские настолько неоднозначен, что создает много недоразумений. Таким образом, мы не можем говорить о племенном искусстве, так как его нет. Существует огромный зазор между системой взглядов на европейскую историю искусства и африканскую, что приводит к ложным определениям. Единственный способ разубить этот гордиев узел – принять термин «африканское не-искусство» как термин, который включает все коннотации в племенном контексте. Изменения, которые мы можем наблюдать в настоящее время, являются настолько существенными, что это должно автоматически привести к выработке нового определения племенного искусства. Мы должны обратиться к действительности и осознать тот факт, что наше искусство – наше наследие. Среди народа курумба в Буркина-Фасо, большинство представителей которого – мусульмане, идет дискуссия о необходимости возрождения национальной традиции как наследия. В настоящее время традиция частично становится искусством в европейском понимании. И это неоспоримо.

Бухалик Лукьян
Муниципальный музей г. Жоры, Польша

Социальная роль ритуалов вызывания дождя в модернизирующемся обществе Западной Африки

Традиционные сообщества, населяющие Сахель, которые пытаются справиться с прихотями природы и воспринимают дождь как самое большое благословение, развивали сложную систему ритуалов, имеющих целью призвать дождь, когда сезон дождей наступал поздно или когда дожди прекращались во время сезона дождей. Эти ритуалы относятся к системе верований, которых придерживаются местные сообщества, но они также играют важную роль в социальной сфере. Отсутствие дождя было источником беспокойства местных сообществ, как земледельческих, так и скотоводческих. Засуха – синоним голода и бедности, и именно поэтому люди столь боятся этого явления. Проблема, общая для всех, должна решаться всеми; она объединяет различные, часто конфликтующие, этнические группы. Вот почему, церемонии вызывания дождя играют столь важную социальную роль. Может показаться, что в сообществах, претерпевающих модернизацию (использующих тракторы, плуги и иногда даже химические удобрения), традиционные верования будут утрачивать свое значение. Действительно, такая тенденция может наблюдаться – мои информанты подчеркнули факт, что в прошлом большее число людей имело обыкновение участвовать в церемониях вызывания дождя.

На эти церемонии стоит взглянуть и с точки зрения изменяющегося общества. Переход от местного к транслокальному сознанию направлен к формированию гражданского общества (в африканском понимании этого термина).

В настоящее время церемонии вызывания дождя приобретают все большее значение как стимулирующие ритуалы и все меньшее – как аграрные. Местные сообщества объединяются вокруг этих церемоний, и это явление может наблюдаться как в пределах отдельной этнической группы, так и на межэтническом уровне. Последний аспект сегодня особенно важен в полиэтнических странах Западной Африки. Данный доклад посвящен народам вольта (прежде всего курумба и догонам), населяющим Республику Мали и Буркина-Фасо. Он основан на исследовании автора, проведенном в течение 2002–2010 гг., и для обеспечения сравнения – на справочниках, преимущественно с работами 1960-х годов таких авторов, как А.-М. Швегер и В. Штауде.

Андреева Л.А.
Институт Африки РАН, Москва, РФ

***Пророк как носитель религиозного опыта в афрохристианстве:
Ваде Харрис***

Религиозный опыт выступает как некая совокупность религиозных переживаний, воспринятых, оцененных, переработанных субъектом с религиозной точки зрения и значимых для формирования, укрепления, развития его религиозного мировоззрения. Любому переживанию сопутствует его интерпретация, в которой субъект действует активно, и только при наличии религиозных представлений как интерпретирующей базы переживание может получить значение религиозного. Изучение феномена религиозного опыта важно с той точки зрения, что он является универсальным явлением, его глубина вовсе не зависит от уровня развития цивилизации.

Пророки являются носителями интенсивного религиозного опыта. Пророк – тот, через чью речь открывается будущее, кому дарована «весть» и право сообщить ее людям. Святость пророков вытекает из непосредственной захваченности божественным духом, пророк есть глас божества в этом мире. В афрохристианстве особую роль занимают течения мессианского толка, интенсивный религиозный опыт основателей которых, в соединении с приписываемыми им способностями, стал источником и мощным стимулом духовных, социальных, культурных, правовых преобразований (Уильям Ваде Харрис, Андрэ Матсуа и др.)

Миссионерская деятельность пророка Харриса привела к массовому разрыву по всему побережью с внешними практиками, характерными для традиционных африканских верований. Харризм охватил десятки этнических групп, прежде всего, за счет заложенной в нем идеи единства среди разнообразия: один Бог, один теоцентрический закон (Десять заповедей), один день (воскресенье), одна книга (Библия), один символ (крест), одно крещение (разрыв с «фетишем»), одно место отправления культа, одно учреждение (церковное руководство «двенадцати апостолов»). Молитва, в том числе «Отче наш», заменила жертву и поклонение фетишам. И уже в 1921 году католические миссионеры увидели угрозу превращения страны в протестантскую, хотя за десять лет до этого выражали сомнение в возможности успеха миссионерской деятельности в Кот-д'Ивуаре.

Таким образом, можно констатировать, что личный религиозный опыт одного человека преобразовал жизнь и мировоззрение десятков тысяч людей и превратился из личного в общественно значимый – как откровение для представителей многих этнических групп. Мы имеем дело с феноменом, когда религиозный опыт отдельной личности получил широкое общественное признание, он стимулировал религиозный энтузиазм единоверцев и выступал мощным фактором массовой социальной активности.

Кобищанов Ю. М.
Институт Африки РАН, Москва, РФ

***Африка в коллективном международном проекте
«Очерки истории христианских цивилизаций. Т. I–IV»***

1. Цель проекта – дать образованным читателям современное научное, интересно написанное многотомное произведение по истории христианских цивилизаций, начиная с их предьстории. Идет работа над Т. I – «Введение в историю христианских цивилизаций». Он посвящен предьстории и древней истории христианских цивилизаций (до V в.), а также закономерностям и общим условиям их формирования. Т. II будет посвящен первому расцвету христианских цивилизаций (романо-византийской, сирийской, сиро-малабарской, армянской, грузинской, кавказско-албанской, коптской, аксумской, нубийской, гарамантской, сокотранской, ирландской, бриттской, англосаксонской и некоторых других) в VI – сер. VIII в. (до и после возникновения Арабского халифата). Во всех частях тома изобилуют африканские материалы. Т. III будет посвящен периоду сер. VIII–XI в., т. IV – эпохе Крестовых походов до монгольского завоевания (XII – первой трети XIII в.).

2. В этой коллективной монографии исследуются социально-исторические типы личностей и основные классы (с их социальными типами) эпохи большой феодальной формации: крестьянство, ремесленники, военные сословия, чиновничество, жречество, аскеты, купцы, откупщики и банкиры и др. Исследуются – глобально и по отдельным обществам – городская жизнь, наемный труд, ростовщичество, рабство (экономическое, юридическое и духовное), социально-исторические комплексы, дальняя торговля и ее роль в распространении мировых религий, система феодализма – древнего, средневекового и нового времени, система цивилизаций и протоцивилизаций (при этом кратко описываются цивилизации эллинская, ахеменидская, эллинистическая, индийская, иудейская, римская, цивилизации и протоцивилизации Африки в I–III вв., наконец, упомянутые выше первые христианские цивилизации. Африканские материалы (например, о крестьянстве Египта, Римской Африки, Эфиопии и др.) занимают важное, часто ключевое место в этой части тома.

3. Авторы рассматривают историческое место родины Иисуса среди стран трех частей света, демографию Старого Света в конце I тысячелетия до Р. Х. – середине II тысячелетия по Р. Х., иудейские колонии за пределами Израиля, хронологию Рождества Христова и жизни Иисуса Христа, календари дохристианские и христианские, духовные искания предшественников и современников апостолов, развитие наук в конце античности и раннем Средневековье.

4. Отдельные части каждого из томов будут посвящены истории христианских государств и цивилизаций в отдельных регионах мира.

5. Часть 10 будет посвящена феномену «Христианский Иерусалим и второй Иерусалим в Африке, Европе и Америке». Наряду с главами «Константинополь – Иерусалим между Азией и Европой. Айя София – Иерусалим в Константинополе», «Эчмиадзин и другие Иерусалимы в Армении», «Мицхета и другие Иерусалимы в Грузии», «Киев – Иерусалим на Днепре», «Вифлеемская часовня, Табор, Иерусалим и Малый Иерусалим в Праге XIV в.», «Мюнстерская коммуна – Иерусалим крайних протестантов», «Иерусалим на Москве-реке», «Новый Иерусалим на Истре», «Вышний, или Небесный Иерусалим» будет написана глава «Аксум и Лалибэла – два Иерусалима в Эфиопии».

6. В каждом из томов есть главы по истории государств и цивилизаций Африки, кратко описывающие ее в дохристианский период, подробно – с распространением христианства в Египте (группа авторов), Северной Африке к западу от Сиртов (автор – Е.В. Сергеева, Великий Новгород), Эфиопии (в Т. II – также Нубии и Гараме в Сахаре, в тт. III–IV – в Нубии). Например, «Часть 8. Северо-Восточная Африка (автор – Ю.М. Кобищанов): Евнух Кандакии и апостол Филипп. Несторий на еги-

петско-нубийском пограничье. Аксумское царство в I – середине IV в. Правление Эзаны. Св. Фрументий и крещение Эзаны. Реформа письма и появление эфиопской литературы. Преемники Эзаны и судьба христианства в Аксуме к началу VI в.». К сожалению, пока нет автора по истории и культуре христианской Киренаики, Кералы, некоторым аспектам коптской цивилизации, искусству христианской Нубии.

СЕКЦИЯ 17

ЮГ АФРИКИ: МОДЕРНИЗАЦИЯ, ВЫБОРЫ, РЕГИОНАЛЬНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Руководитель: к.и.н. Андрей Александрович Токарев

Аксютин О.А., Зеленова Д.А., Кручинский В.В.
Институт Африки РАН, Москва, РФ

Феномен низовой самоорганизации в ЮАР

В последнее время в политической науке все чаще говорится о кризисе представительной демократии и государства как такового. Одновременно в последние годы происходит развитие практик самоуправления и применение принципов (само)организации. Как показали народные выступления последнего десятилетия (в странах Африки, Латинской Америки, Европы и др.), протестующими отрицается не только неolibеральная модель экономики и представительная политика, но и любые иерархические и отчужденные структуры, в том числе такие «структуры борьбы», как профсоюзы.

В этом ряду ЮАР является особым примером. Традиционная высокая политическая активность населения, связанная в первую очередь с широким участием народа в освободительной борьбе, – своего рода наследие включенности, – успешно перенеслась на новую почву.

В силу специфики социально-политического развития ЮАР, после 1994 года население выступает не только как сила, снабжающая политиков полномочиями, но и как автономная сила, пытающаяся реализовать на практике легендарный лозунг «Люди должны править». Многие исследователи отмечают недоверие значительной части населения к «большой политике» партий, а также НГО, отдающей предпочтение «политике людей», «живой политике». Лозунг времен сопротивления апартеиду «Amandla – Ngwehu!» (Власть народу!), традиционно связанный с низовым демократическим движением, в современной ситуации приобретает новое значение – как лозунг борьбы за автономию.

Целью доклада является анализ сообществ ЮАР, построенных на неиерархических принципах организации и содержащих элементы эгалитарного общественного устройства. Исследование включает рассмот-

рение конкретных примеров возникновения самоуправления и анализ практической реализации принципов горизонтальности, децентрализации, коллективного принятия решений.

Архангельская А.А.
Институт Африки РАН, Москва, РФ

Внешняя политика ЮАР после 2009 г.

ЮАР занимает важное геостратегическое положение, обладает значительными, во многом еще не освоенными сырьевыми ресурсами, что способствует росту ее влияния на континенте. ЮАР вновь избрана в СБ ООН в качестве непостоянного члена. Посреднические усилия ЮАР по разрешению кризиса в Зимбабве и в других странах Африканского континента повышают ее значимость и политический вес на международной арене.

Избранный на пост президента страны весной 2009 г. Дж. Зума озабочен привлечением в страну новых международных стратегических партнеров. ЮАР – это «ворота в Африку». ВВП ЮАР составляет четверть ВВП всей Африки. Южноафриканский бизнес активно работает в 24 странах Африки.

Новый президент ЮАР также провозгласил курс на диверсификацию торгово-промышленных отношений с упором на страны БРИК. Во время встречи G 20 в ноябре 2010 г. страны БРИК сообщили о заявке ЮАР на включение в группу БРИК и отметили, что ни одна из стран не противится этому.

Современные рыночные условия дают российскому бизнесу возможность занять свое место на африканском рынке. Российский бизнес обладает определенными преимуществами: у него нет колониального прошлого, он не завозит в страну свою рабочую силу, он не обуславливает свои действия изменениями политического курса.

Гринштейн Ран
Университет Витватерсранда, ЮАР

Альтернативная современность и дискурс развития в постапартеидной ЮАР

Доклад рассматривает феномен альтернативной современности как важную, хотя и противоречивую тему в дискурсе развития постапарте-

идной Южной Африки. Он исходит из того, что концепт альтернативной современности представляет собой попытку совместить последние технические достижения с действительными или воображаемыми формами культурного наследия Африки.

Основываясь на теоретическом осмыслении понятий современности и развития в целом и в особенности на африканском контексте, доклад рассматривает подходы к ним ключевых акторов: правительства ЮАР, АНК как правящей партии (как во время президентства Табо Мбеки, так и во время президентства Джекоба Зумы), левых сил в альянсе с АНК (Южноафриканской коммунистической партии и Конгресса южноафриканских профсоюзов), а также независимых левых (представленных, как правило, в качестве радикальных социальных движений).

Один из выводов доклада заключается в том, что дискурс развития в Южной Африке «дрейфует» между принятым правительством мейнстримным подходом (чья «альтернативность» – не более чем лукавство) и разного рода диссидентскими установками, отвергающими стремление к современности в ее расхожем понимании как к феномену, запятанному глобальным перераспределением власти, огульно отводящему ЮАР, Африке и третьему миру в целом сугубо маргинальный статус.

Маневрируя между этими полюсами, правящая партия и ее союзники пытаются определить направление действий, которое позволило бы следовать общему курсу на модернизацию, но и учитывать при этом местные реалии (отражающие уникальную историю ЮАР). В докладе предпринимается попытка ответить на вопрос, действительно ли учет местной специфики влияет на политику правительства, или же это просто попытка казаться прогрессивным, равно как и вопрос о важности этих процессов для понимания текущего общественно-политического состояния страны.

Кручинский В.В.
Институт Африки РАН, Москва, РФ

***Корпорация «Плавильный котел»:
АНК и деполитизация этничности в Южной Африке***

Предлагаемая в этом сообщении точка зрения выявляет парадоксальную ситуацию, связанную с тем, что в Южной Африке, где, оглядываясь на общемировую тенденцию ко все большей политизации этничности, мы могли бы ожидать возрастания межэтнической напряженности, в действительности наблюдается обратный процесс. Он находит свое выражение в постоянном ослаблении партий, так или иначе

имеющих этническую основу. Это касается таких непохожих политических сил, как традиционно воспринимаемая как прозулусская Партия Свободы Инката и разнообразные проафриканерские парламентские и внепарламентские объединения (от слившейся с Африканским национальным конгрессом в 2005-м Новой национальной партии до маргинального Фронта африканерского сопротивления).

Предлагаемое объяснение этого феномена состоит в том, что АНК функционирует сегодня как своего рода корпорация, способная поглощать менее влиятельные политические силы и сплавлять в своей повестке дня часто противоположные политические позиции.

Мафиса Лекотла
Институт Африки, ЮАР

Роль личностных качеств в процессе производства знания

Производство знания – процесс открытия нового, движение в еще неизведанном направлении и выработка новых способов действия для пользы всего сообщества. Знание не производится случайно. Эта работа требует тщательнейшего планирования, смелости, страстности, вдохновения, четкого целеполагания и ориентированности на результат.

Нет сомнения в том, что профессор Бернард Магубане выделяется из общего ряда как талантливый ученый, чьему примеру в области производства знания с радостью последовали бы многие исследователи. При этом он обладал всеми перечисленными качествами: бесстрашием, страстностью, умением ясно очерчивать цель, а также высокой мотивацией и ориентированностью на результат. В докладе рассматриваются личные качества профессора Магубане и отмечаются, что другие признанные африканские ученые обладали сходными качествами, позволившими им успешно производить новые знания.

Доклад выявляет степень, до которой выдающиеся африканские деятели, такие, как Кваме Нкрума и Табо Мбеки, воплотили эти качества в своих попытках открыть новые пути для производства знания в Африке. Автор убежден в том, что критическое рассмотрение работы этих исследователей может помочь сформировать стандарт, на который могли бы ориентироваться молодые и подающие надежды научные работники. В исследовании использованы интервью с несколькими африканскими учеными, помогающие определить необходимые качества, которыми должна обладать личность для того, чтобы успешно производить знание.

Ретманн Петра
Макмастерский университет, Канада

***Забывтая революция:
критический взгляд на Музей острова Роббен***

Музей острова Роббен в последнее время стал одной из главных туристических достопримечательностей Южной Африки. Он известен в первую очередь как место заточения бывшего президента Африканского национального конгресса и первого чернокожего президента ЮАР Нельсона Манделы. Из общего двадцатисемилетнего срока своего тюремного заключения Мандела провел на острове 18 лет – с 1964 по 1982 г. (с 1982 по 1988 он содержался в кейптаунской тюрьме Полсмор, а с 1988 по 1991 – в тюрьме Виктор Форстер недалеко от Паарля).

Этот факт превращает музей в мемориал, связанный с такими понятиями, как мужество, преданность и свобода. Но вместо анализа (столь часто предпринимавшегося прежде) того, каким образом «история героя» Южной Африки преподносится экскурсоводами и экспозицией музея, в этом докладе я сосредоточусь на том, как радикальный революционный потенциал, столь важный для «борьбы» («struggle»), оказывается ими затемнен, отодвинут на второй план. Каким образом музейная экспозиция, рассказывающая о долгом пути к свободе, затушевывает и снимает с повестки дня нереализованный потенциал освободительной борьбы? Почему на передний план выдвигается достижение равенства представителей всех рас, в то время как другие формы неравенства, искоренение которых также было частью освободительной борьбы, сохраняются? И наконец, что это может сказать нам о том, как именно мы воспринимаем политическую революцию и радикальные перемены сегодня?

Сидоров В.А.
Институт Африки РАН, Москва, РФ

Добывающая промышленность ЮАР

В докладе рассматривается современное состояние и тенденции развития добывающей промышленности ЮАР. В прошлом добыча полезных ископаемых являлась главным двигателем экономики ЮАР. И, хотя сегодня влияние добывающей промышленности не столь велико, как ранее, следует отметить, что по богатству запасов и разнообразию типов различных полезных ископаемых Южная Африка находится на

одном из первых мест в мире (наряду с Россией, США, Канадой и Китаем). Из длинного перечня добываемых в ЮАР полезных ископаемых можно выделить несколько основных: золото, алмазы, металлы платиновой группы, хром, марганец, железную руду и уголь.

В начале доклада уделяется внимание объемам добычи полезных ископаемых (включая краткий исторический обзор добычи золота) и общим (разведанным) запасам, в том числе с перечислением компаний, которые добывают соответствующие виды полезных ископаемых, и основных месторождений. Далее освещается особенность «Де Бирс» как мирового алмазного картеля, а также «бегство» добывающих компаний из ЮАР («Де Бирс» и «Англо Американ»).

Кроме того, анализ добывающей промышленности включает в себя рассмотрение вклада добывающей отрасли в ВВП ЮАР, а также изменение роли добывающей промышленности в экономике ЮАР (как в целом, так и по отдельным видам полезных ископаемых).

Также анализируется значение добычи полезных ископаемых для южноафриканского экспорта и роль ЮАР на мировых сырьевых рынках. При этом указывается состав экспорта полезных ископаемых и его географическое распределение (в том числе изменение состава импортеров южноафриканского сырья).

В конце доклада рассматривается ситуация с переработкой сырья внутри страны – в перерабатывающей отрасли (металлургия и производство синтетического топлива).

В заключение даются выводы о влиянии глобального экономического кризиса на ситуацию в отрасли в настоящее время и перспективы на будущее, в частности анализируются предложения по национализации отрасли.

Скубко Ю.С.
Институт Африки РАН, Москва, РФ

Трудности модернизации в ЮАР

Южно-Африканская Республика – наиболее развитая страна наименее развитого в экономическом отношении континента. Она в настоящее время еще обладает передовой наукой и технологиями, элементами нового, постиндустриального инновационного уклада (в стране были созданы определенные предпосылки экономики знаний – на ЮАР все еще приходится две трети научной продукции континента, хотя эта доля постепенно снижается), который, как принято считать, формируется или должен вскоре сформироваться в мировых центрах

развития. Она же, как и другие страны Африки (хотя не в такой степени), страдает от многих «язв третьего мира», – обширные зоны бедности, слаборазвитости, безработицы, преступности, теневой экономики, характерных для депрессивной периферии. К сожалению, в последние годы здесь происходит все большее сползание в эту периферию.

Развитая рыночная экономика, высококласная наука и техника, хорошее образование в ведущих университетах – важный элемент преемственности между ЮАР времен правления белого меньшинства и ЮАР демократической, стремящейся (не всегда успешно) уйти от социально-расового неравенства и развивать лучшее из достигнутого в предшествующий период. Это в теории. На практике, несмотря на сравнительно неплохие экономические показатели, заметно ухудшилось функциональное состояние страны, работа почти всех социальных институтов. Развитие, конечно, происходит, но разнонаправленное (в каких-то направлениях конструктивное, во многих других – деструктивное, не прогресс, а регресс), и ЮАР постепенно теряет и уже потеряла многое из достигнутого.

Достижения в сфере науки и инноваций все больше сводятся на нет дискриминацией и выдавливанием квалифицированных профессионалов из числа белого населения под флагом борьбы с наследием прежней дискриминации черного. Разумеется, потеря белыми специалистами прежнего привилегированного статуса была неизбежной. Форсирование африканизации кадров представляется неоправданным, однако, к сожалению, даже более бережное и нерасточительное отношение к накопленному человеческому потенциалу, к обеспечившим научный и инновационный прогресс страны ученым и специалистам (если бы оно было), которые только и способны передать африканцам необходимые знания и поднять их профессиональный уровень, могло бы оказаться недостаточным для успешного развития. В условиях почти не имеющего прецедентов в мире разгула преступности, который новые органы власти и правопорядка оказались совершенно неспособны остановить, огромное число квалифицированных специалистов (могущих рассчитывать на работу за рубежом), уже не только белых (уезжает все больше индийцев), просто бежит из страны или собирается в ближайшее время эмигрировать. 95% эмигрантов из ЮАР называют причиной выезда проблемы безопасности, страх за свою жизнь и жизнь близких. Конечно, нельзя сбрасывать со счетов и экономический фактор – в высокоразвитых странах ученым и специалистам платят существенно больше.

Несмотря на весь отмеченный негатив, ЮАР все еще не утратила определенный научно-технологический и человеческий потенциал для инновационного развития, деградация и коррупционное перерождение

аппарата власти не дошли здесь до той тотальной стадии, как во многих странах Африки и некоторых других государствах, когда никакая успешная модернизация уже не представляется возможной без радикального общественного переустройства.

Тетёкин В.Н.
Институт Африки РАН, Москва, РФ

Роль массовых общественных организаций в ликвидации апартеида

Первые в истории Южной Африки всеобщие выборы 27 апреля 1994 года, в которых участвовало и чёрное, и белое население страны, привели к победе Африканского национального конгресса (АНК). При поддержке Конгресса южноафриканских профсоюзов (КОСАТУ) и Южноафриканской коммунистической партии (ЮАКП) АНК набрал 62,5% голосов избирателей.

Какие силы способствовали падению мощной системы апартеида? Общепринятая точка зрения состоит в том, что победу над апартеидом обеспечил союз АНК – КОСАТУ – ЮАКП. Это вполне справедливо. Вместе с тем необходимо отметить, что АНК и ЮАКП действовали в условиях подполья, а их центры находились в эмиграции. Примерно в таких же условиях действовал и Южноафриканский конгресс профсоюзов, который до возникновения в 1985 году КОСАТУ представлял рабочее движение в составе освободительных сил.

Между тем с начала 80-х годов всё большую роль начали играть легальные массовые демократические организации (МДО) Южной Африки. Известно, что стратегия освободительной борьбы в ЮАР зиждилась на четырёх главных опорах: вооружённая борьба, деятельность подпольных структур АНК, международная солидарность и массовая политическая борьба.

Разумеется, нет таких исторических весов, на которых можно было бы точно определить вклад каждой из этих форм. Они носили взаимодополняющий характер. Автор полагает, однако, что наиболее заметной формой борьбы против апартеида в 80-х годах стала легальная массовая борьба. В отличие от вооружённой и подпольных форм, в которых могли участвовать в лучшем случае тысячи людей, МДО вовлекали сотни тысяч, и временами, в ходе наиболее мощных подъёмов – миллионы людей.

Результатом деятельности демократических организаций была не только ликвидация апартеида, но и выработка политического сознания

у масс людей, которые ранее вообще не считали возможным противодействие системе апартеида. Таким образом, значение МДО в Южной Африке в 70-х – 80-х годах заключается как в зарождении политического сознания в массах людей, так и в создании разнообразных и эффективных механизмов выражения этого сознания.

Предметом рассмотрения в выступлении будут объективные и субъективные условия возникновения МДО, их социальная и общественная база, конкретные формы создания этих организаций, динамика их развития, противоречия, с которыми они сталкивались.

Токарев А.А.
Институт Африки РАН, Москва, РФ

ПАЛОП: 30 лет сотрудничества

В 1979 г. руководителями «Группы Пяти» – Анголы, Гвинеи-Бисау, Кабо-Верде, Мозамбика, Сан-Томе и Принсипи – был создан новый международный субъект – Организация африканских стран с официальным португальским языком (ПАЛОП)¹. Организация была учреждена во время встречи на высшем уровне в Луанде глав всех пяти португалоговорящих стран Африки в качестве преемницы КОНСП. К кругу основных задач новой организации было отнесено расширение сотрудничества португалоговорящих стран Африки не только с Португалией, но и с Бразилией, и с Восточным Тимором.

Сотрудничеству в рамках ПАЛОП ее участниками придавалось особое значение. Об этом может говорить тот факт, что только за первые тринадцать лет существования ПАЛОП состоялось десять встреч на высшем уровне глав государств-участников. Объяснение такому стремлению к сотрудничеству друг с другом следует, вероятно, искать не только в совместно пережитом колониальном прошлом, но также в схожих путях развития, которые в тот период наметили руководители стран ПАЛОП: построение основ некапиталистического общества.

Известные изменения, произошедшие в мире в конце 1980-х – начале 1990-х годов не могли не повлиять на внутривнутриполитическую ситуацию в самих странах ПАЛОП, и, как следствие, на их внешнюю политику. Наметилась некоторая стагнация в отношениях между членами ПАЛОП.

Телепнева Н.
Лондонская школа экономики,
Великобритания

Советский комитет солидарности со странами Азии и Африки и национально-освободительное движение в Южной Африке в 1966–1975 годах

Основываясь на архивных документах России и Германии, данная работа является исследованием отношений между Советским комитетом солидарности со странами Азии и Африки (СКССАА) и национально-освободительными движениями на юге Африки между 1966 и 1975 г. Комитет солидарности, находившийся под началом Международного отдела ЦК, состоял из представителей научно-исследовательских институтов, отделов ЦК и министерств. Он выполнял две основные функции. Во-первых, ролью комитета являлось развитие связей с национально-освободительными движениями, еще добивающимися национальной независимости и восстановления прав «черного» большинства. Во-вторых, Комитет предоставлял гуманитарную и политическую поддержку таким движениям в рамках деятельности Организации солидарности народов Азии и Африки (ОСНАА), со столицей в Каире.

В работе раскрывается тема отношений СКССАА с Народным движением за освобождение Анголы, Фронтом освобождения Мозамбика, Союзом Африканского народа Зимбабве и Африканским национальным конгрессом. Для поддержания деятельности ОСНАА в середине 1960-х Комитет занимался преодолением последствий резкого ухудшения советско-китайских отношений, в то время как китайская экономическая модель стала привлекательной радикальной альтернативой советской модели развития для некоторых африканских лидеров. Комитет солидарности также активно участвовал в поддержке вооруженной борьбы на юге Африки. Добившись уверенности в прочности своих отношений с лидерами национально-освободительных движений к концу 1960-х, представители СКССАА вновь стали обеспокоены возросшим влиянием КНР в Африке и внутренней нестабильностью этих движений в начале 1970-х. Один из главных тезисов данной работы заключается в том, что советская политика на юге Африки после падения португальской империи в 1974 г. не может быть объяснена без понимания ее предыстории, показанной на примере деятельности СКССАА. В докладе также поднимается вопрос взаимосвязи «холодной войны» и продолжительной нестабильности на юге Африке.

¹ Países Africanos de língua oficial Portuguesa (PALOP).

Шеринда Бернарду
Мозамбик

*Демократический процесс в Мозамбике
и внешнее вмешательство*

Доклад посвящен развитию событий в Мозамбике в 90-х годах, после прекращения конфликта, когда в стране установилась многопартийность, тому, как были проведены выборы, и влиянию, оказанному со стороны внешних сил. В нем рассматривается, как страна была «вынуждена» принять модель демократии, в которой больше заимствований, чем внутренних корней.

Эти модели, хотя они и нравятся некоторым, не подходят для Мозамбика не только потому, что они не имеют местных корней, но и потому, что они требуют больших расходов для их осуществления и делают страну более зависимой от внешнего мира, в основном от международных финансовых институтов и западных стран.

СЕКЦИЯ 18

**ГОСУДАРСТВЕННАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА
И БИЗНЕС: НОВЫЕ ЯВЛЕНИЯ**

Руководитель к.и.н. Евгения Викторовна Морозенская

Бессонов С.А.
Государственный университет –
Высшая школа экономики, Москва, РФ

*Модернизация и традиционализм в африканских экономиках:
место и роль государства*

1. Модернизация и традиционализм – два важнейших направления (пути) экономического развития.

1.1. Модернизация – основной путь общественного прогресса. Понятие и необходимость модернизации. Цели, основные формы, движущие силы и методы модернизации. Стихийно-рыночная и вынужденная модернизация, сознательно-планомерная и стихийно-рыночная модернизация. Модернизация в современном секторе и в традиционных структурах. Для традиционных укладов характерна вынужденная модернизация, модернизация сверху, от вышестоящих экономических структур.

1.2. Традиционализм – главное состояние африканских экономик. Корни, причины живучести и основные формы традиционализма. Традиционализм как главный тормоз модернизации.

1.3. Псевдомодернизация и неотрадиционализм – переходные формы, промежуточные, подчас застойные, состояния экономики в отсталых обществах. Псевдомодернизация и неотрадиционализм – формы формальной модернизации. Формальная и реальная модернизация.

2. Государство – другой главный фактор экономической модернизации в экономически отсталых странах. Экономическая политика колониальных властей: колониальная модернизация африканских колоний. Место и роль государства в процессах модернизации в период независимости. Программы структурной модернизации как магистральное направление сознательно-планомерной макро-модернизации.

Некоторые особенности государственной экономической политики в Африке в период мирового экономического кризиса 2008–2010 годов.

Противоречивость государственно стимулируемой модернизации и её причины.

3. Модернизация и традиционализм: борьба и сосуществование в странах Африки.

3.1. Модернизация – основной путь развития современного сектора африканских экономик. Модернизация в африканских экономиках – органическая составная часть глобальной модернизации, инициированная в развитых рыночных странах.

3.2. Традиционализм – основная форма хозяйствования в традиционных укладах. Основные виды экономического традиционализма в африканских экономиках. Взаимодействие модернизации и традиционализма.

3.3. Соотношение модернизируемого (современного) и традиционного секторов в разных африканских странах. Преобладание традиционных методов хозяйствования во всех африканских странах, за исключением ЮАР, особенно в сфере занятости.

Брагина Е. А.
ИМЭМО РАН, Москва, РФ

Новый индекс бедности (ПРООН) для развивающихся стран: влияние на политику стран Африки

Неоднозначность определения бедности, различия между странами и на уровне стран. Рост бедности в результате мирового экономического кризиса. На основе исследования 104 развивающихся стран выделены два региона с наибольшим числом бедных домохозяйств – Южная Азия и Субсахарская Африка. В сложившихся условиях не может быть выполнена одна из узловых целей Программы тысячелетия ООН – снижение наполовину численности бедноты к 2015 г.

Ограниченность действующих критериев бедности, введенных в 1990 г. Всемирным банком, и последующих их коррекций.

Депривационный подход к определению бедности, предложенный Амартья Сенем (лауреат Нобелевской премии 1998 г.) в 1990-х годах. Разработка индекса бедности под эгидой ПРООН в исследовательском центре Оксфордского университета, Multidimensional Poverty Index (MPI). По мнению разработчиков, он дополнит количественный критерий бедности, используемый в докладах ПРООН с 1997 г.

Не отказываясь от прежнего показателя бедности на основе количественного показателя дохода в день на человека, новый индекс концентрирует внимание, как подчеркивают его авторы, на наиболее уязвимых домохозяйствах и группах населения с тем, чтобы точнее опре-

делить, какие ограничения (депривации) в наибольшей степени осложняют их жизнь.

MPI предлагает в первую очередь учитывать такие аспекты депривации, как состояние здоровья населения, доступ к образованию, пользование чистой водой, электричеством, предметами санитарии.

Проведенное сопоставительное исследование показало, что по индексу MPI к бедному населению в мире относится примерно 1,7 млрд человек по сравнению с 1,3 млрд человек по действующему индексу развития человеческого потенциала, ИРЧП (доход 1,25 долл. в день и ниже, что оценивается как чрезвычайная бедность, extreme poverty). По странам различия в показателях резче. Например, для Эфиопии – это 90% по MPI и 39% населения, для Танзании – 89% и 65% соответственно.

Различия в показателях MPI и ИРЧП в еще большей степени будут зависеть от увеличения помощи по межгосударственным каналам и активности негосударственных организаций. Но без введения реальной системы контроля за поступающими извне средствами использование MPI в коррумпированных системах даст незначительные результаты. К тому же трудно ожидать роста помощи в ходе выхода из кризиса, даже если он будет преодолен.

Калининченко Л.Н.
Институт Африки РАН, Москва, РФ

Роль возобновляемых источников энергии в планах экономического развития стран Африки

Возобновляемые источники энергии способны обеспечить доступ к энергоснабжению как растущего населения, так и промышленных объектов стран Африканского континента. На данном этапе усилия правительств многих африканских государств направлены на выработку экономической политики, включая нормативно-правовые документы, направленной на более широкое применение в экономике возобновляемых источников энергии. В связи с этим отмечается необходимость оценки рынка потребителей и потенциальных поставщиков энергии в этом секторе.

На Международной энергетической конференции, проходившей в Дакаре в апреле 2008 г., были приняты Декларация и План действия по расширению освоения возобновляемых источников энергии на континенте. Одной из главных задач, сформулированных в этих документах, является необходимость увеличения в эту сферу инвестиций со стороны международных организаций и иностранных партнеров, а также привлечение частного капитала.

Страны Африки располагают большим потенциалом данного вида источников энергии, включая гидроэнергию, геотермальную, ветровую, солнечную, энергию биомассы и ряда других. При условии их успешного освоения могут быть достигнуты две основные цели. Во-первых, повышение степени экономической безопасности стран, учитывая непомерный рост стоимости ископаемых видов топлива, а также климатические изменения. Во-вторых, расширение доступа к современным источникам энергии для бедных слоев африканского населения, что является одним из приоритетов Целей развития тысячелетия.

Маценко И.Б.
Институт Африки РАН, Москва, РФ

Страны Африки южнее Сахары: реализация Целей развития тысячелетия

Прошло десять лет со времени принятия Декларации тысячелетия ООН (2000 г.), выдвинувшей восемь Целей в области развития тысячелетия (ЦРТ). Африка южнее Сахары (АЮС) с самого начала серьезно отставала от других развивающихся регионов (наряду со странами Западной Азии и Океании) в осуществлении ЦРТ. Глобальный экономический и финансовый кризис еще более усугубил ситуацию. Тем не менее по ряду ЦРТ (охват начальным образованием, борьба со СПИДом и снижение детской смертности) в странах региона был достигнут определенный прогресс. Так, самый высокий в мире рост охвата начальным образованием в последние годы (на 36%) отмечался именно в странах АЮС, хотя по уровню охвата регион в целом все еще отстает от других развивающихся регионов. Благодаря активным мерам по борьбе со СПИДом и другими инфекционными заболеваниями ежегодное число новых ВИЧ-инфицированных людей в странах АЮС сократилось более чем на 25% с середины 1990-х годов, а уровень смертности детей в возрасте до пяти лет снизился на 22% за тот же период. Вместе с тем на этот регион до сих пор приходится половина всех случаев детской смертности в мире.

По всем остальным Целям развития (ликвидация крайней нищеты и голода, сокращение безработицы, обеспечение гендерного равенства, снижение материнской смертности и др.) большинство стран Африки южнее Сахары пока очень далеки от намеченных в Декларации целей. Более того, повсеместно растут масштабы нищеты, голода и безработицы, гендерное неравенство остается высоким, особенно в сфере образования и труда, материнская смертность не снижается. Что касается глобального партнерства в целях развития, то обещания, данные лидерами

стран «Большой восьмерки» в Глениглсе (Шотландия, 2005 г.), увеличить ежегодную помощь Африке к 2010 г. вдвое, не выполнены. По оценкам, в текущем году Африка сможет получить не более 11 млрд долл. вместо обещанных в Глениглсе 25 млрд долл. Очевидно, что при сохранении нынешних тенденций к 2015 г. ни одна из восьми ЦРТ в регионе в целом не будет достигнута. Исключение могут составить лишь немногие страны (такие, как Ботсвана, ЮАР, Маврикий и Сейшельские острова) и только по отдельным показателям (начальное образование, гендерный паритет).

Маценко С.А.
Институт Африки РАН, Москва, РФ

Микрофинансирование в странах Африки южнее Сахары

В последнее десятилетие правительства стран Африки южнее Сахары (АЮС), а также международные доноры стали все отчетливее осознавать, что для дальнейшего развития экономики этих стран требуется более емкий, диверсифицированный и эффективный финансовый сектор. Этот сектор в его существующем виде создает серьезные проблемы для экономики стран АЮС. Недостаточный доступ мелких и средних предприятий к кредиту сдерживает их развитие и ограничивает потенциал экономического роста этих стран. Подавляющая часть жителей региона (более 80%) лишена банковского обслуживания, что существенно снижает их возможности к накоплению и последующему вложению средств в повышение уровня жизни.

В условиях огромного неудовлетворенного спроса на финансовые услуги в странах АЮС важнейшую роль призвано сыграть микрофинансирование. Его значение для обеспечения финансовых потребностей бедных слоев населения трудно переоценить. Доступ к различным услугам в области микрофинансирования, как-то: накопление сбережений, доступ к кредитам, осуществление денежных переводов и пр., дает возможность малоимущим семьям вкладывать средства в малые и средние предприятия, расходовать их на улучшение питания и условий жизни, охрану здоровья и образование детей. Кроме того, доступ к услугам микрофинансирования является мощным катализатором расширения реальных возможностей женщин.

В Африке микрофинансирование (первоначально в форме микрокредитования) активно стало развиваться с конца 1990-х годов. Адаптация модели банка «Грамин» (групповое обслуживание, коллективная ответственность, отсутствие залога) к условиям Африки впервые была осуществлена в Кении в 1997 г. Кенийским сельским банком K-REP. В

настоящее время микрофинансовые институты (МФИ) действуют в 33 странах АЮС. Их число приблизилось к 200, количество активных заемщиков достигло 8 млн, а вкладчиков – 21 млн человек. Валовой объем займов составил около 5 млрд долл., сбережений – 5,2 млрд долл., активов – 8,5 млрд долл. США (2009 г.). Наибольшее развитие МФИ получили в Кении, ЮАР, Нигерии, Гане, Танзании, Уганде, Сенегале, Камеруне, Бенине, Буркина-Фасо, Мали и Эфиопии. В целом, несмотря на быстрый рост сферы микрофинансов в странах АЮС в последние годы, ее реальные масштабы пока очень скромны. В среднем в большинстве стран региона услугами микрофинансирования пользуются лишь двое из ста человек, а доля Африки в мировом объеме этих услуг составляет всего 2%.

Большинство МФИ в странах АЮС функционируют за счет государственной финансовой поддержки и средств международных доноров, а также частных инвесторов и добровольных пожертвований. Очевидно, что в обозримой перспективе развитие многих МФИ по-прежнему будет зависеть от государственных субсидий и внешней помощи, вместе с тем все более прослеживается тенденция к расширению контактов с коммерческими банками.

Мигалева Т.Е.
Российский экономический университет
им. Г.В. Плеханова, Москва, РФ

Проблемы стабилизации экономического развития

Наблюдавшийся в последние годы глобальный экономический спад не обошел страны Африки стороной. Темпы роста ВВП в Африке в целом значительно снизились, что отрицательно сказалось на занятости и в более широком контексте на социальном положении стран континента. Вместе с тем, как представляется, они пережили это потрясение с меньшими потерями, чем в прошлом, главным образом благодаря тому, что изначально имели более сильные позиции. Удержать ситуацию под контролем удалось главным образом тем странам, в которых рост обеспечивался широкой многоотраслевой базой, иными словами, странам, которым в той или иной степени удалось диверсифицировать свое производство и экспортную базу. Успех в деле обеспечения высоких и устойчивых темпов роста, создания достаточного количества достойных рабочих мест для расширяющегося рынка рабочей силы и достижения более широких целей социального развития во многом зависит от реализации политики экономической диверсификации (Экономическая комиссия для Африки ООН и Комитет Африканского союза, 2007 год). Макроэкономические и

структурные программы, а также институциональные реформы, разработанные и осуществленные в Африке, должны носить по отношению к этой более широкой цели в области развития вторичный характер.

Для успеха усилий по диверсификации производства и экспортной базы и отходу от сырьевого экспорта необходимо поддерживать конкурентоспособный реальный валютный курс. Страны, независимо от действующего в них режима валютного курса, сталкиваются с задачей поддержания на должном уровне реального валютного курса, обеспечивающего конкурентоспособность продаваемых товаров и услуг. Увеличение инвестиций в инфраструктуру, развитие людских ресурсов и в повышающую производительность деятельность – это один из практических путей повышения производительности и конкурентоспособности в масштабах экономики в целом. Глобальный экономический кризис наглядно показал, что необходимо разрабатывать и укреплять меры, направленные на обеспечение всестороннего учета интересов уязвимых групп населения в рамочных программах развития.

Морозенская Е.В.
Институт Африки РАН, Москва, РФ

Мировой финансовый кризис и экономическая политика африканских государств

1. Успешное развитие любой страны возможно лишь при условии проведения государством сбалансированной экономической политики. В развитых экономиках это достигается путем совершенствования методов государственного регулирования, а в развивающихся – путем поддержания определенного соотношения и взаимодействия современных и традиционных социально-экономических институтов.

2. В условиях глобализации усиливается влияние на африканские национальные рынки международной конкуренции, повышающей степень их зависимости от мировой конъюнктуры и, следовательно, их уязвимость по отношению к внешнеэкономическим факторам.

3. Мировой финансово-экономический кризис, начавшийся в 2008 году, отразился как на внешнеэкономических показателях, так и на социально-экономической ситуации в странах континента. Наряду со значительным снижением товарооборота Африки со странами мира и сокращением на треть объема прямых иностранных инвестиций в Африку (с 87,6 млрд долл. в 2008 г. до 58,6 млрд долл. в 2009 г.)¹, в странах кон-

¹ UNCTAD. World Investment Report 2010. N.Y. – Geneva, 2010. Annex, Table 1. P. 167; UNECA. Economic Report on Africa. 2010. P. 96.

тинента наблюдаются определенные изменения в соотношении современного и традиционного секторов экономики в пользу последнего. Кроме того, сокращение официальных товарных и денежных потоков отчасти компенсируется активизацией деятельности теневого сектора экономики.

4. Сбалансированное развитие африканских стран в условиях наблюдающейся в настоящее время валютно-финансовой неустойчивости мировой экономики возможно на основе сочетания двух направлений экономической политики. Первое – это частичная передача (делегирование) ряда функций государственного регулирования межгосударственным органам управления (прежде всего, на региональном и субрегиональном уровнях). Второе – выработка методов более полного и регулярного получения Африкой выгод от внешнеэкономических связей со странами БРИК (Бразилией, Россией, Индией, Китаем).

Морозов В.П.
Институт Африки РАН, Москва, РФ

Африка в условиях глобальной экономической рецессии

Во многих странах Африки государственные меры в области денежно-кредитной и бюджетной политики наряду со структурными реформами и в условиях слабой связи с мировыми финансовыми центрами помогли им выдержать последствия мирового финансового кризиса более успешно, чем в 70–80-х годах. Центральные банки стран Африки в период кризиса имели более прочные позиции по международным резервам, чем раньше, что обеспечило защиту от шоков в текущих расчетах платежного баланса. Кроме того, облегчение бремени задолженности странам с низким доходом со стороны МВФ и других доноров высвободило ресурсы, которые на этапе выхода из кризиса использовались для улучшения делового климата, инвестирования в инфраструктуру и оказания поддержки малоимущим. Вместе с тем глобальный экономический спад привел к весьма реальным потерям для Африки. После 2002 г. темпы экономического роста стран Африки в среднем превышали 6%, а в 2009 г. – составили лишь 1%. Поэтому доходы на душу населения фактически также упали, и это – первое снижение уровня жизни в Африке за последние 10 лет. По оценкам МВФ, несмотря на то что кризис потряс хозяйственную и социальную структуру Африки в 2010 г., на континенте наблюдаются признаки оживления экономики при возобновлении роста торговли, экспортных доходов, банковского кредита и деловой активности. По прогнозам МВФ, экономи-

ческий рост в 2010 г. в Африке составит примерно 4,5%, но возвращение в прежнее русло ускорения роста во многом зависит от восстановления мировой экономики, которое пока находится на ранней стадии.

Глобальный финансовый кризис обрушил фондовые рынки стран Африки до уровня биржевого оборота 5–7-летней давности. Поэтому для развивающихся стран Африки, где размеры экспортных поступлений и национального дохода сильно зависят от ситуации на товарных рынках (например, Нигерия, Ангола, Гвинея, Ливия), большое значение для оценки перспектив их развития сохраняют долгосрочный тренд движения цен на необработанные сырьевые товары, а также приток инвестиций на их фондовые рынки.

Новикова З.С.
Институт Африки РАН, Москва, РФ

Экспортно-производственные зоны в морских портах как фактор экономического прогресса африканских стран

Африка – субъект глобальной экономической системы. Вовлеченность в мировой рынок повлияла на формирование внутриконтинентальной транспортной сети, складывающейся как продолжение океанских перевозок. Морские порты издавна стали очагами развития промышленных комплексов, к ним протянулись железные дороги, предназначенные для вывоза минерального сырья, сельскохозяйственной продукции, леса. Обслуживание внешней торговли определило и строительство шоссейных дорог.

Развитие морского транспорта на международном уровне, модернизация и расширение портов, строительство новых, широкая контейнеризация перевозок, совершенствование качества обслуживания, безопасности и эффективности находятся в центре внимания африканских стран в последние два десятилетия. Новая концепция экономической политики – создание здесь экспортно-производственных зон с широким привлечением частного капитала, способствующих формированию инновационных систем экономики.

Успешное осуществление этой политики тесно связано с поставленной программой НЕПАД задачей повышения эффективности функционирования международных транспортных коридоров путем исключения приграничных барьеров и гармонизации таможенных процедур. Интегрированная транспортная инфраструктура, объединяющая порты, железные и шоссейные дороги, может стать важной частью реального экономического прогресса африканских стран.

Мировая экономическая рецессия 2010–2011 гг. и перспективы экономики стран Африки: валютно-финансовые аспекты

1. Резкое усиление неконтролируемой миграции иностранных краткосрочных частных капиталов, в том числе часто спекулятивных, делает все более невыгодным размещение национальных государственных облигаций в подавляющем большинстве стран региона. Более того, возрастает объективный существенный риск массивного неконтролируемого оттока валютного капитала в первую очередь из тех стран региона, где отмечается наиболее высокая доля иностранных банков в местном кредитно-банковском секторе (Мали, Танзания, Руанда, Уганда, Мозамбик, Замбия и др.).

2. Заметно усилились и без того существенные препятствия и трудности для выхода большинства африканских стран, в том числе для наиболее крупных по капиталу местных африканских компаний, на международные рынки частного капитала, в частности на евродолларовый рынок, для привлечения дополнительных валютных заимствований от международных частных банков из-за границы.

3. Обостряется нехватка собственных ликвидных средств у местных коммерческих банков и национальных банков развития африканских государств со всеми вытекающими отсюда последствиями. В первую очередь, речь идет о резком сокращении масштабов и функциональной дестабилизации внутренних кредитных рынков стран региона.

В этих условиях резко сократился реальный интерес иностранных банков и иностранного частного капитала в целом в лице ТНК и ТНБ к возможному росту общей капитализации местных коммерческих банков и других кредитных учреждений в принимающих странах Африки. Более того, заметно ослабели их стремление и реальные потенции к какой-либо прогрессивной перестройке и адаптации местных кредитно-банковских структур стран региона, включая рост их прямого долевого участия в подписном акционерном капитале коллективных (межстрановых) африканских банковских институтов (многопрофильные коммерческие банки, инвестиционные банки, национальные и субрегиональные фонды и банки развития и др.).

4. В целом косвенные последствия мирового экономического кризиса 2008–2010 гг. на экономику африканских стран, безусловно, окажутся более существенными, структурными и глубокими, чем его непосредственное прямое влияние. В числе важнейших: падение мировых товарных цен, сокращение показателей объема мирового экспорта, уси-

ление неустойчивости конъюнктуры международного рынка частного капитала, устойчивое ослабление притока иностранного частного инвестиционного капитала в страны континента.

В подобных условиях многие африканские страны неизбежно столкнутся со снижением общего уровня цен на их экспортные товары, в первую очередь на традиционный товарный экспорт.

5. Страны с ограниченными по объему централизованными валютными резервами и крайне высокой (интегральной) зависимостью развития от притока внешней помощи столкнутся с наиболее серьезными проблемами, уже в ближайшей перспективе может потребоваться экстренное увеличение масштабов внешней чрезвычайной помощи беднейшим странам региона. Все большее число стран Африки будут нуждаться в регулярной финансовой поддержке международных доноров и многосторонних межгосударственных институтов развития, включая различные специализированные фонды и банки развития.

Подбиралина Г.В.
Российский экономический университет
им. Г.В. Плеханова, Москва, РФ

Аграрный сектор африканских стран с низким доходом и внешние вызовы

Сельское хозяйство и связанные с ним отрасли играют решающую роль в обеспечении экономического роста стран с низким доходом. Это обусловлено тем, что на аграрный сектор приходится основная доля экспортной продукции, в нем занята основная часть населения континента (в отдельных странах до 85% населения). Помимо этого, он служит основным источником продовольствия для быстро растущего африканского населения.

Сельскохозяйственный сектор сталкивается с вызовами как внутреннего, так и внешнего характера, включая демографические сдвиги и перемены в рационе питания, развитие производства биотоплива и ограниченность природных ресурсов, изменение климата, вооруженные конфликты, колебание цен на сельскохозяйственное сырье на мировых рынках и циклические колебания мировой экономики.

Серьезный урон аграрному сектору наносят негативные явления, связанные с изменением климата, так как бедное население, жизнь которого находится в зависимости от сельского хозяйства, наиболее беззащитно перед природными катаклизмами. Участвовавшие засухи и растущая нехватка воды приводят к неурожаям и подрывают продовольст-

венную безопасность в странах Африки к югу от Сахары, а по мере нарастания глобального потепления эти последствия станут еще более тяжелыми.

Глобальный финансовый и экономический кризис и его последствия отрицательно сказываются на сельскохозяйственном производстве многих африканских стран, так как уменьшилось внешнее финансирование, включая и потоки помощи, и денежные переводы мигрантов, что уменьшило общую покупательную способность бедных слоев населения, живущих в условиях отсутствия продовольственной безопасности.

Отсутствие соответствующих механизмов реагирования на внешние потрясения или защиты наиболее уязвимых слоев населения от их последствий приводит к значительному увеличению масштабов голода, сокращению потребления продовольствия в плане количества и разнообразия и т.п.

Попов А.А.
Институт Африки РАН, Москва, РФ

Изменение государственной политики в странах Африки в 2009–2011 годах в связи с мировым финансовым кризисом

Влияние финансового кризиса, начавшегося в США в 2007 г., на африканском континенте проявилось к 2009 г., что в первую очередь выразилось в падении спроса и, соответственно, цен на экспортируемое из Африки сырье, уменьшении объемов банковских переводов и частных инвестиций в страны континента. Помимо этого, снижение экономической активности сразу сказалось на уровне безработицы. В результате после шести лет роста более чем на 5%, африканский ВВП в 2008 г. составил 4,9%, а в 2009 г. упал до 1,6%.

Несмотря на сжатие экономики в целом, многие африканские страны показали неплохую устойчивость к мировой финансовой нестабильности. Следует учитывать, что снижение цен на нефть, газ и металлы негативно отразилось лишь на экспортерах. Кроме того, сократившиеся объемы инвестиций не вызвали сильного оттока средств из банковского сектора. Это связано с тем, что совокупные банковские активы составляют менее 1% мировых, в то время как доля банков 15 стран еврозоны составляет почти 60%, а доля США – более 15%.

Финансовый сектор Африки практически не вовлечен в мировые процессы глобализации. Так называемый коэффициент финансовой глобализации (отношение зарубежных активов и обязательств в стране к ВВП) в Африке вдвое ниже, чем в азиатских странах, а по сравнению с развитыми государствами разрыв еще больше.

Однако это совсем не значит, что зарубежное финансирование не представлено на континенте. Во многих странах доля иностранных банков крайне велика, а в Малави, Мозамбике, Свазиленде и Мадагаскаре зарубежные кредитные институты являются единственными. Кроме того, большое количество государств Африки привлекает финансирование на публичных рынках долга, где произошло существенное ухудшение ситуации, немедленно отразившееся в росте доходностей.

Меры, которые пришлось применять властям африканских стран, были различными из-за довольно существенной разницы в структуре экономики, импорта и экспорта. Например, страны зоны африканского франка понизили ключевые процентные ставки для стимулирования кредитования экономики. Также поступила и ЮАР, а также страны, которые имеют с ней тесные взаимосвязи. В свою очередь Нигерия в начале 2009 г. была обеспокоена высоким уровнем инфляции и посчитала разумным ужесточение кредитной политики. Однако это привело к серьезным ухудшениям балансов пяти крупнейших банков, и Нигерия была вынуждена развернуть курс. Такая же проблема была и в Танзании. А в Эфиопии и Республике Конго плохое взаимодействие центробанков и казначейств привело к избытку ликвидности в стране.

Другой мерой для выхода из кризиса стало изменение фискальной политики с целью стимулирования инвестиций в инфраструктурные и социальные проекты, чем в полной мере воспользовались в ЮАР, Алжире, Кабо-Верде, Египте и Руанде. Также многие государства в условиях сжатия ликвидности на мировых рынках переориентировались на внутренние долговые рынки.

Последний мировой кризис показал, что реформы последних лет в Африке существенно улучшили ситуацию на континенте, однако многие негативные процессы, происходящие в мире, не затронули эти государства лишь по причине слабой вовлеченности в мировую экономику. По мере развития страны Африки вынуждены решать не только проблемы финансового сектора и вопросы привлечения средств, но и вопросы развития инфраструктуры и осуществления многих социальных проектов, без которых невозможно дальнейшее развитие. И текущий кризис лишь указал на наиболее критические места в и без того слабых экономиках.

Совершенствование инвестиционного климата в странах Африки

1. Роль зарубежного капитала в поддержании экономического и финансового равновесия в странах Африки весьма значительна. Поэтому правительства этих стран проводят активную политику привлечения иностранных капиталовложений и создания для инвесторов благоприятного делового климата. Либерализация инвестиционных режимов, как правило, сопровождается применением специальных мер поощрения в виде налоговых, финансовых, таможенных и других льгот. Главные цели, которые при этом преследуются, состоят в сокращении факторов риска, правовой защите иностранной собственности от экспроприации, ослаблении налогового бремени, а также предоставлении гарантий репатриации капитала и вывоза доходов на инвестиции за границу.

2. Уровень затрат, рисков и барьеров на пути продвижения инвестиций в Африку зависит от множества факторов. Некоторые из них являются объективными – географическое положение страны, размеры внутреннего рынка, климатические условия, опасные эпидемические заболевания. Однако правительства могут законодательно гарантировать права собственности, регулировать налогообложение, обеспечивать развитие необходимой инфраструктуры, финансовых рынков и трудовых ресурсов, а также решение общих проблем – экономическая и политическая нестабильность, коррупция, преступность.

3. Согласно оценкам Всемирного банка, негативное влияние на инвестиционный климат оказывают прежде всего политическая неопределенность (28%), макроэкономическая нестабильность (23%), налоги (19%), правовое регулирование (10%) и коррупция (10%).

Субсахарская Африка: плюсы и минусы «утечки умов»

1. Конец XX – начало XXI в. ознаменовались переходом к новой стадии человеческой цивилизации – постиндустриальной. На передний план в общественном производстве и социальном развитии выступает человеческий фактор, для которого характерен приоритет знаний, квалификации и их носителей, научных исследований. Кадры специали-

стов в области исследований, конструирования, управления и т. д. становятся важнейшим фактором эффективности экономики, а привлечение специалистов в страны (путём утечки умов) – важнейшим элементом государственной политики.

2. Африка более всего страдает от утечки умов. По подсчётам канадских учёных, в 1980–1991 гг. континент потерял около 75% квалифицированных кадров. По данным Всемирного банка, в США из 21,6 млн учёных и инженеров около 11% приходится на выходцев из развивающихся стран: в Северной Америке и Европе – 3 млн африканских иммигрантов, без учёта выходцев из Северной Африки. Общее количество покидающих Африку квалифицированных специалистов невелико, но оно составляет значительную долю (во многих странах более 50%) всех имеющихся кадров.

3. Анализ причин и мотивов эмиграции квалифицированных кадров из стран Субсахарской Африки указывает на наличие двух разнонаправленных групп факторов. С одной стороны, это факторы «выталкивания» из страны: неблагоприятные условия работы на родине, безработица, низкая зарплата и общественный статус. С другой стороны, фактор притяжения других стран: возможность продолжить обучение, совершенствоваться в профессиональной деятельности, возможности заработка. Африканские страны предлагают меры по сокращению или компенсации утечки умов. Например, развитые страны, рекрутирующие профессионалов из Африки, должны инвестировать средства в подготовку кадров в соотношении 2:1. Одна из серьёзных причин утечки умов – нехватка финансирования высшего образования и последилового обучения. По некоторым оценкам, для существенного улучшения положения страны Африки должны выделять на научно-техническое развитие от 1–2% ВВП. Однако с 1970-х до 1990-х годов этот показатель упал в среднем по Африке на 0,5–0,6% (в то же время в странах Восточной Азии он вырос с 0,33 до 1,27%). Число учёных в расчёте на 1 млн человек населения составляет в странах Субсахарской Африки в среднем 83 человека (средний показатель в странах развивающегося мира – 514, а в развитых странах – 1102 человека). В последнее время международная помощь Африке южнее Сахары (в том числе на НИОКР) несколько увеличилась. С 2000 по 2005 г. объём официальной помощи развитию (ОПР) этим странам вырос с 15 до 24 млрд долл. (на душу населения – с 20 до 44 долл.). Мигранты не только генерируют доход для своих стран. В случае возвращения на родину они приносят разнообразные умения и знания, полученные за рубежом. Таким образом, проблема не только в утечке умов, но и в создании условий для их возвращения. Так было в Анголе и Мозамбике после окончания там гражданских войн. В ЮАР в первые годы продвижения к демократии

были обеспечены благоприятные условия для возвращения эмигрантов, в том числе рост рабочих мест.

4. Отрицательное отношение к утечке умов проявилось в конце XX века. Позже появилась концепция «выбора диаспоры» (diaspora option). Страны, не способные обеспечить достаточную зарплату и условия жизни для национальных учёных, надеялись на поддержание контактов с диаспорой и помощь с её стороны. Одним из инициаторов подобной системы стал филиал Университета Кейптауна (South African Net-Work of Skilled Abroad-SANSA) в 1998 г., а спустя полтора года уже 2000 южноафриканских учёных-эмигрантов более чем в 60 странах присоединились к этой системе. Одним из способов контактов является открытие веб-сайтов. За последние 10 лет аналогичные шаги предприняли более 40 африканских стран. Одним из эффективных методов подключения к сети стало создание научно-технических консорциумов национальных учёных и эмигрантов. Сеть начинает играть всё большую роль в передаче технологии, обмене квалифицированными кадрами и знаниями. Система получила название «from brain-drain to brain-gain» (от утечки умов к их притоку). Среди форм сотрудничества можно назвать возвращение специалистов на родину (главным образом по достижении ими пенсионного возраста) или по семейным и другим обстоятельствам; виртуальный возврат знаний путём передачи информации через Интернет и другие ИКТ (особенно в области медицины, руководства научной работой студентов) и др.

5. Подводя баланс выгод и потерь стран Африки южнее Сахары в результате утечки умов, большинство исследователей склонно полагать, что потеря больше. Открытие экономики для новых идей и знаний путём контактов с зарубежными диаспорами, при помощи других коммуникационных каналов недостаточно для гарантированного научно-технического прогресса, который в большой степени зависит от поглощающей способности экономики, от среды, в которой он может происходить. В свою очередь, это во многом зависит от уровня знаний и предпринимательства, которые превращают исследования в необходимый элемент развития и дают возможность использовать их продуктивно. Важно также внедрение зарубежных знаний и технологий в национальную среду, приспособление их к особенностям человеческого фактора и природных условий. Отсутствие таких условий может затруднить такой приток, «brain-gain».

Сидоров М.А.
ИМЭМО РАН, Москва, РФ

Экспансия корпораций розничной торговли США на Африканский континент: новые тенденции

В последние годы наблюдается существенный рост интереса крупнейших транснациональных компаний к Африканскому континенту. Исключение не составляют и корпорации розничной торговли – так, здесь уже присутствуют большие европейские сети, такие, как группы Auchan и Carrefour.

В то же время влияние американской розницы в Африке было весьма ограничено – число выходцев из США на Черном континенте до недавних пор можно было пересчитать по пальцам одной руки. Объявленное в конце ноября 2010 г. решение крупнейшего ритейлера США Wal-Mart о покупке 51% акций сети Massmart, базирующейся в ЮАР, ознаменовало начало нового этапа для взаимоотношений США и Африки. Крупнейшая сеть мира признала, что ЮАР представляет значительный интерес с точки зрения расширения сбыта, и то, что вход в эту страну, а также соседние государства полностью вписывается в стратегию компании по работе на перспективных рынках с растущим спросом.

Вход Wal-Mart принесет неоспоримые выгоды – так, используя свой метод прямой работы с небольшими поставщиками сельскохозяйственной продукции, эта компания, с одной стороны, позволит им расширить сбыт, а с другой, повысит эффективность их работы за счет внедрения мирового опыта производства продуктов питания.

Хотя возможное влияние розничного гиганта на местных розничных торговцев небольшого размера остается вопросом острых дискуссий, наряду с вопросом об отношении Wal-Mart к своим новым сотрудникам и оплате их труда. Существует мнение, что вход такой сети на рынок может привести к исчезновению магазинов среднего и малого размера, а также пересмотр условий труда наемных работников в худшую сторону. Эти опасения являются главными барьерами на пути одобрения сделки о покупке Massmart государственными органами ЮАР.

Сонкин В.Н.
Российский экономический университет
им. Г.В. Плеханова, Москва, РФ

Африка: доступ уязвимых групп населения к трудоустройству

По данным МОТ, в странах Африки уязвимые группы населения – женщины, инвалиды, молодые и пожилые люди, больные ВИЧ/СПИДом, мигранты, а также категории населения с доходом менее одного долл. в день – сталкиваются с особыми трудностями в поиске работы. Большинство из них находит работу в секторе незащищенной занятости (в качестве мало- и неоплачиваемых семейных работников), либо сезонную и низкооплачиваемую работу на мелких предприятиях неформального сектора, условия которой характеризуются отсутствием гарантий занятости, а также низкой производительностью труда. Основная причина, по которой молодые люди сталкиваются с проблемой высокой безработицы, заключается в том, что они не имеют нужного опыта в бизнесе и соответствующей профессиональной подготовки. Инвалиды не могут получить работу из-за дискриминации вследствие недостатка образования и физической неполноценности. Больные ВИЧ/СПИДом испытывают серьезные барьеры при поиске и сохранении своего рабочего места, поскольку подвергаются общественному порицанию и дискриминации. Еще один важный аспект участия уязвимых групп населения в экономической деятельности – это доступ к производственным ресурсам, в частности кредитам, технологиям, информации, земельным участкам и другим активам, которые необходимы им для осуществления хозяйственной деятельности. Между тем многие представители уязвимых групп населения не имеют доступа к этим ресурсам и, соответственно, не могут выбраться из круга нищеты. Еще до начала экономического кризиса было совершенно очевидно, что уязвимые группы населения имеют ограниченный доступ к возможностям трудоустройства и производственным ресурсам. Большинство из них трудятся на рабочих местах, которые не охвачены системой социальной защиты. Вытесненные с рынка труда работники более старшего поколения в большей степени пострадали в период кризиса, чем другие группы населения, поскольку у них меньше шансов получить иную работу. Правительства африканских стран в период кризиса сократили государственные расходы на программы, призванные расширить возможности трудоустройства уязвимых групп населения, например инвалидов или молодых людей. В период экономического спада наибольший риск потерять работу имеют мигранты, поскольку секторы, в которых они работают – строительство, обрабатывающая промышленность и гостинично-туристические услуги, – первыми ис-

пытывают потерю рабочих мест. Важно, чтобы правительства африканских стран постоянно уделяли внимание трудоустройству уязвимых групп населения.

Ткаченко К.А.
Институт Африки РАН, Москва, РФ

Ресурсы государства и частного сектора во внешнеэкономической политике Германии в странах Ближнего Востока и Северной Африки

Ниша ФРГ в экономике стран Ближнего Востока и Северной Африки (БВСА) во второй половине XX – начале XXI в. формировалась под влиянием группы факторов – концентрации внешнеэкономических связей ФРГ на приоритетных для страны направлениях (ЕС, где ФРГ играет роль экономического лидера, другие промышленно развитые страны, государства Восточной Европы), обеспечении стабильного поступления извне необходимых сырьевых ресурсов, обустройства надежной собственной ниши на мировых рынках.

В свете этого внешнеэкономические связи ФРГ со странами региона БВСА (источник энергоносителей, динамично растущий рынок для широкого спектра промышленной продукции и различного вида услуг и т.п.) рассматривались как важные, но все же «второго плана» по своей значимости.

Глобализация, оказывающая мощное и возрастающее влияние на мировое сообщество, и ФРГ не является исключением, формирует и новые составляющие внешнеэкономической стратегии экономического «локомотива» ЕС. Они сочетаются с обширными планами модернизации национальных экономик стран БВСА и социальными реформами, осуществляемыми в последние 2–3 десятилетия.

В докладе рассматриваются различные аспекты, в том числе преемственность и новые моменты во внешнеэкономической политике ФРГ, её новые акценты в отношении со странами региона БВСА. Они включают активизацию государственной поддержки немецкого частного бизнеса, который на протяжении длительного послевоенного периода придерживался в целом осторожной политики в отношении участия в экономическом развитии арабских государств, передачу новых технологий в интересах развития ключевых и социально значимых отраслей экономики стран БВСА, повышение эффективности официальной помощи развитию (ОПР), расширение сотрудничества с целью развития малого и среднего бизнеса, реализацию совместных программ в сфере профессионального образования и др.

СЕКЦИЯ 19

ТЕНДЕНЦИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО, ПОЛИТИЧЕСКОГО И КУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ СТРАН ТРОПИЧЕСКОЙ АФРИКИ В УСЛОВИЯХ СТАНОВЛЕНИЯ МНОГОПОЛЯРНОГО МИРА

Руководитель: к.и.н. Татьяна Сергеевна Денисова

Виноградова Н.В.
Институт Африки РАН, Москва, РФ

Структурные изменения в экономике Республики Конго

За 50-летний период независимости в экономике Республики Конго произошли важные структурные изменения.

За 1960–2009 гг. объем ВВП (по ППС) вырос в 128 раз со 130 млн долл. до 16,7 млрд долл. Среднегодовые темпы прироста ВВП в 1960-е годы – 2,7%, в 1970-е годы – 4,1%, в начале 1980-х годов ВВП в реальном выражении ежегодно увеличивался более чем на 10% (в 1982 г. – 12%), во второй половине 1980-х – 1990-х годах в среднем на 1,4%, в 2000–2009 гг. – 5,7%. По объему дохода на душу населения Республика Конго заняла одно из первых мест среди франкоязычных стран Тропической Африки (свыше 1000 долл., а в отдельные годы превышал 4000 долл.).

Особенностью развития экономической структуры Республики Конго стала возрастающая роль промышленности. За 1960–2009 гг. ее доля в структуре ВВП увеличилась более чем в 4 раза (с 17% до 72%), доля же сельского хозяйства (включая лесное хозяйство) снизилась с 23% до 5%.

До середины 70-х годов ведущая роль в промышленном производстве страны принадлежала обрабатывающей промышленности, представленной предприятиями пищевой промышленности, деревообработкой, производством отдельных видов товаров широкого потребления. С развитием добывающей промышленности – освоением месторождений калийных солей, цветных металлов и нефти ее доля в ВВП увеличилась с 35% в 1990–1995 гг. до 54% в 1996–2009 гг. Нефтяной сектор стал ведущим в экономике страны – свыше 50% ВВП, а поступления от экспорта нефти – главным источником финансирования государственного

бюджета (свыше 50% государственных доходов и около 95% экспортных поступлений).

В 80-е–90-е годы ускоренное развитие получили отрасли обрабатывающей и добывающей промышленности, строительство и общественные работы, на которые соответственно приходилось 7–9%, 28–37% и 2–5,5% ВВП. В 2000-е годы эти показатели составили: 7,6%, 50,6%, 2%.

Гражданские войны 1990-х годов нанесли серьезный урон хозяйству страны. В 2000-е годы разрабатывались меры по преодолению этих негативных последствий. Такими мерами стали антикризисные программы, программы восстановления и подъема экономики, преодоления нищеты и бедности, разработанные при участии экспертов МВФ и Всемирного банка и предусматривающие привлечение значительной внешней финансовой помощи целевого назначения.

К середине 2000-х годов экономическая обстановка в Республике Конго относительно стабилизировалась, наметились тенденции к выходу из глубокого финансово-экономического кризиса, связанного с последствиями вооруженных конфликтов 90-х годов. Страна вновь вошла в группу устойчиво развивающихся стран Тропической Африки.

Винокуров Ю.Н.
Институт Африки РАН, Москва, РФ

Маоистский эпизод в новейшей истории Демократической Республики Конго: восстание в провинции Квилу (1963–1966)

Социально-политическая обстановка в стране накануне провозглашения независимости бельгийской колонии (1958–1960) и в первые годы суверенитета ДРК (1960–1963) сформировала благоприятную среду для распространения идей «народной (крестьянской)» войны в провинции Квилу. Процессу революционизации этого региона содействовала также развернувшаяся в те годы борьба двух мировых систем – социалистической и капиталистической – за сферы влияния в Африке.

Руководитель восстания Пьер Мулеле (1929–1968) был сподвижником Антуана Гизенги (как основатель и генеральный секретарь его Партии африканской солидарности) и Патриса Лумумбы (как министр образования в его правительстве). Однако противником колониального режима Мулеле стал раньше своих старших соратников. Уже в январе 1951 г. за бунтарство и антиколониалистские взгляды его отчислили из сельскохозяйственного училища и мобилизовали в армию. В середине 50-х годов он заявил, что разделяет идеи panaфриканизма и поддерживает вооруженную борьбу алжирского народа за независимость.

В апреле 1962 г. Мулеле и его друг Теодор Бенгила обучались в КНР теории и практическому руководству антиимпериалистической крестьянской войны. По возвращении в Конго они разработали программные документы восстания в Квилу, получившие название «уроков». Мулеле стал автором «уроков» по темам «Социальные классы конголезского общества», «Борьба реформистская и борьба революционная», «Восемь приказов народной армии», «Женщины и революция»; Бенгила – «урока» «Капитализм не будет существовать вечно». Эти материалы, составленные под значительным воздействием идейно-теоретических установок Мао Цзедунa, изучались на курсах по подготовке руководящих кадров среднего и низшего звена.

На активной фазе восстания (1963–1965) тематика уроков дополнялась лозунгами: «Организация – ключ к победе», «Структуризация руководства – залог успеха», «Единство руководителей и масс», «Единство и равенство всех этнических групп населения», «Индивидуализм и трибализм – два самых опасных врага революции».

В июне 1963 г. Мулеле и Бенгила опубликовали Манифест, в котором призывали народ к восстанию. «Конголезский народ, страна умирает из-за происков колониалистов. Они хотят навязать нам новую форму господства, неоколониализм, то есть угнетение посредством наших коррумпированных сограждан, а именно реакционеров и буржуазии... За деколонизацию нужно бороться долго и настойчиво. Это доказывает нам вся история человечества... Наша победа неотвратима».

В феврале 1964 г. партизаны Мулеле установили полный контроль над территорией в 300 км с севера на юг и 120 км с запада на восток в треугольнике Киквит – Идиофа – Гунду. К декабрю 1964 г. войско Мулеле состояло из 5 тысяч вооруженных маки. Они совершали набеги на север к Ошве (переплывая р. Касаи), на запад по направлению к Киншасе, на восток в Касаи до Чикапы. Некоторые исследователи полагают, что именно под влиянием войны в Квилу в том же году вспыхнуло еще более мощное повстанческое движение 1964–1965 гг. на востоке Конго.

В августе 1966 г. Мулеле обратился с особым посланием к Гизенге и Лорану-Дезире Кабиле и через их посредство ко всем конголезским патриотам. Он призвал политиков забыть «прошлые бесплодные ссоры», поставить интересы нации выше своих личных амбиций, распустить все существующие в стране политические партии и создать единую Передовую революционную партию.

Растянувшееся на длительный срок подавление восстания сопровождалось расправой властей не только с повстанцами, но и репрессиями против всего населения, особенно сельского: расстрелами, сжиганием целых деревень, разграблением всего крестьянского скарба. Крайней жестокостью сопровождалась казнь Мулеле и Бенгилы (октябрь 1968).

Аграрная политика государств Тропической Африки в эпоху глобализации

Сельское хозяйство – основа экономики стран Тропической Африки, на него приходится 40% ВВП, с ним в той или иной степени связано свыше 60% населения. Тропическая Африка располагает огромным сельскохозяйственным потенциалом, и в то же время она остается одним из беднейших регионов мира. Из более чем 1 млрд голодающих в мире 265 млн человек проживают в Тропической Африке.

В эпоху глобализации широкое распространение получила скупка сельскохозяйственных земель в бедных странах многонациональными компаниями. Это своего рода «неколонизация» африканских земель, скупаемых за бесценок и пустые обещания. В этом бизнесе, по данным ФАО, задействовано около 100 млрд евро.

Подавляющее большинство стран Тропической Африки в течение двух последних десятилетий выделяло крайне мало средств на развитие аграрного сектора. При этом в 2003 г. правительства стран этого региона достигли соглашения довести ежегодные расходы в бюджете на сельское хозяйство до 10%. До настоящего времени сделали это лишь восемь стран (Буркина-Фасо, Малави, Мали, Сенегал, Танзания и др.).

Целесообразно большую часть средств направлять не на субсидирование импорта продовольствия, а вкладывать их непосредственно в сельскохозяйственное производство и развитие перерабатывающей промышленности.

Хотя первая волна «зеленой революции» пошла на убыль, все же приоритетным направлением в развитии сельского хозяйства остается проведение новой «зеленой революции».

Современные тенденции в экономике Уганды как пример реализации возможностей догоняющего развития

У. Черчилль называл Уганду «жемчужиной Африки». Наряду с природными красотами и богатейшими флорой и фауной её отличают относительно выгодное географическое положение, наличие дешевой

рабочей силы, благоприятные возможности для развития сельского хозяйства. Уганда – один из ведущих мировых производителей и экспортер кофе и другой продукции сельского хозяйства. Кроме того, страна богата гидроэнергетическими и иными природными ресурсами, в том числе медью, кобальтом, золотом, а в последние годы здесь открыты и осваиваются месторождения углеводородного сырья.

После получения независимости Уганда пережила многие годы бездарного руководства и политического противостояния, подорвавшие ее хозяйство. Тем не менее ныне это восточноафриканское государство, расположенное в районе Великих африканских озёр, стало одним из примеров возрождения Африки. Начало этому процессу было положено приходом к власти Й. Мусевени (1986), который способствовал постепенной стабилизации политической и экономической обстановки, в том числе подъёму экономики, восстановлению ряда традиционных и новых отраслей хозяйства.

Особенно заметно этот процесс развивался на рубеже XX–XXI столетий. В это время консенсус по вопросам дальнейшего экономического развития достигнут не только внутри страны, но и с ее основными политическими и экономическими партнерами на международной арене, в первую очередь с МВФ и Всемирным банком. В страну стали поступать существенные иностранные инвестиции, приток которых способствовал модернизации производства и привёл к новому подъёму экономики страны.

Сейчас, когда Уганда располагает необходимыми условиями для успешного развития своей экономики и процветания и, прежде всего, политической стабильностью, руководству страны удалось решить ряд экономических проблем. В частности, это относится к сокращению зависимости страны от конъюнктуры некоторых мировых рынков сельскохозяйственного сырья... В итоге с разработкой альтернативных путей развития экономики и альтернативных видов разделения труда абсолютная экспортная ориентация Уганды начинает уходить в прошлое.

Существенные перспективы имеют российско-угандийские связи. Россия уже имеет инвестиции в Уганде (в области хлопководства и в некоторых других областях сельскохозяйственного производства). В настоящее время российская компания «Лукойл» рассматривает возможность разработки нефтяных месторождений в этой стране.

Матвеева Н.Ф.
Институт Африки РАН, Москва, РФ

Кения: некоторые негативные аспекты развития образования

Образование как неотъемлемая часть комплексного процесса исторического, культурного, социального и хозяйственного развития общества. Крайне ограниченный для африканцев доступ к получению полноценных знаний в колониальной Кении. Масштабный рост спроса на образование среди кенийского населения после получения независимости (1963 г.). Участие в строительстве школ стихийного движения Харамбее («потянем вместе» на суахили), одного из важнейших элементов традиционной африканской культуры. Расхождение быстрого расширения сети учебных заведений с расчетами плановиков. Рост числа выпускников школ, получивших низкого качества образование, не соответствующее потребностям развития общества. Увеличение безработицы среди образованной молодежи. Разочарованная в своем будущем образованная безработная молодежь как потенциально оппозиционная сила, угрожающая общественной стабильности.

Дальнейшее ухудшение качества обучения после введения бесплатного начального образования (2003 г.). Региональное, этническое, социальное и имущественное неравенство в получении образования. Факторы, сдерживающие реформирование высшей школы. Оценки результативности донорской помощи образованию. Перспективы развития образования в Кении в контексте программ ООН и НЕПАД.

Мезяев А.Б.
Академия управления
«ТИСБИ», Казань, РФ

Тропическая Африка в системе международной юстиции

Одной из главных проблем современной политической ситуации в Тропической Африке является вооружённый конфликт в центральном регионе континента, в частности в Демократической Республике Конго, Руанде и Уганде. В начале XXI века ситуации в этих странах стали предметом рассмотрения не только политических, но и международных судебных органов. Так, ситуация в ДРК в широком смысле (то есть с участием не только самой Конго, но также Руанды, Бурунди и Уганды) стала объектом рассмотрения в Международном суде ООН (МС ООН). Однако МС ООН не решил всех вопросов, и ситуация продолжает рас-

смагиваться в новом элементе системы международной юстиции – Международном уголовном суде (МУС).

Однако, в отличие от МС ООН, в МУС ситуация в Конго получила совершенно иной угол рассмотрения. Если в МС ООН Конго ставила вопрос о враждебных действиях правительств Руанды, Бурунди и Уганды против интересов ДРК, то в МУС правительство Конго больше пытается решить свои внутривластные проблемы.

Так, в деле Томаса Лубанги власти Конго, по существу, потребовали от МУС провести судебный процесс вместо судебной системы страны. Другие дела (дело Ж. Катанги и М. Чуи, дело Б. Нтаганды) также касаются военнослужащих армии Конго и руководителей оппозиционных политических партий и их военных подразделений. Интересно, что дело Ж.-П. Бембы, хотя формально и рассматривается в рамках ситуации в Центрально-Африканской Республике, на самом деле также является продолжением ситуации в Конго, так как касается бывшего вице-президента ДРК.

Таким образом, в настоящее время в МУС проводится попытка разрешения конфликта в Центральной Африке путём точечных ударов по лидерам военной и политической оппозиции. Несмотря на то что такая попытка противоречит Статуту МУС, в котором закреплён принцип комплементарности суда по отношению к национальной юрисдикции, на это не обращают внимание ни власти государств, затронутых конфликтом, ни сам Международный уголовный суд. Поскольку прямые возражения отсутствуют, можно сделать вывод о том, что фактически это положение устраивает и государства-члены Ассамблеи государств-участников Статута МУС.

Петрук Б.Г.
Институт Африки РАН, Москва, РФ

Геополитический фактор эволюции политической культуры в Нигерии

Определение, классификация, формы и функции политической культуры.

Геополитический фактор эволюции политической культуры.

Политическая культура, будучи частью духовной культуры народа, включает в себя те элементы последней, которые связаны с общественно-политическими институтами и политическими процессами. Это система ценностей, обеспечивающих единство политической системы, ее институтов и организаций.

Политическая культура народов Нигерии в доколониальный период. Традиционные вожди и правители воспринимались как «хранители» местной культуры и традиций. Особенности политической культуры в разных этносах. Превалирующие представления об идентичности, индивидуализме и коммунизме в традиционных обществах. Роль традиционных религий в формировании политического мировоззрения этносов. Мифы и предрассудки.

В колониальный период внедрение чужеродной культуры привело к тому, что при усвоении иностранного языка, а также распространения христианства и западной системы образования была сформирована новая культура. Однако известны примеры, когда традиционная культура оказывалась настолько устойчивой, что все попытки насадить колониальную культуру позорно провалились.

Обретение независимости в 1960 г. послужило импульсом демократического развития Нигерии, однако из-за существенного недостатка политической культуры и опыта новые лидеры страны не смогли удержаться в рамках логики демократического формирования, а борьба за государственную власть среди различных политических групп приняла этнический характер, что в конечном счете и привело к краху Первой республики.

Через военные перевороты обнажилась связь между политическим сепаратизмом различных групп и областей страны и стремлением к религиозно-этнической обособленности в нигерийском обществе. Военные спровоцировали гражданскую войну, но все же сумели предотвратить развал государства.

В первой декаде XXI в. в Нигерии произошли заметные изменения парадигмы социального и политического развития. После почти 30-летнего военного правления страна стала на путь конституционного демократического развития.

Вместе с тем, очевидно, что правящая элита еще далека от норм демократической политической культуры. Последние всеобщие выборы в 2007 г., по общему признанию, изобиливали серьезными нарушениями и едва ли могли быть справедливыми.

В апреле 2011 г. состоятся очередные президентские, парламентские и губернаторские выборы. 63 политические партии ведут отчаянную борьбу за высокие посты в государстве. Формально все они придерживаются норм действующей конституции. Однако на деле многие партии не придерживаются внутривластной демократии. По-прежнему немало претендентов на высокие посты руководствуются не идеями и программами, а полагаются на этнический, региональный (север – юг) и религиозный (мусульмане – христиане) ресурс.

Земельное законодательство в Уганде

Начало земельному законодательству в Уганде было положено в 1900 г., когда колониальные власти заключили с королевством Буганда Бугандийское соглашение (позднее оно трактовалось как Угандийское соглашение), согласно которому земли племени ганда были распределены между кабакой (королем) и его знатью, которые стали называться «маило». Позднее подобные соглашения были заключены с королевствами Торо и Анколе, некоторые земли которых были выделены в частное владение небольшому числу багандийцев, сотрудничавших с англичанами во времена колонизации. Коренные жители на частных землях стали арендаторами, оставаясь там совершенно бесправными. С 1903 г. остальные земли Уганды получили статус коронных земель. Крестьяне-общинники становились на них арендаторами.

С тех пор в стране принималось несколько земельных законодательных актов. К ним относятся: закон «бусулу» (busulu) и «энварджо» (envujo) от 1927 г. (о налогообложении арендаторов), Акт об общественных землях от 1969 г. (the 1969 Public Land Act), Декрет о земельной реформе от 1975 г. (the 1975 Land Reform Decree) и Земельный закон от 1989 г. (the 1989 Land Act).

В течение многих десятилетий традиционная система землевладения и землепользования не была официально признана. Политика отчуждения земель приводила к таким печальным результатам, как неоправданный захват земель, незаконное выселение крестьян, низкая производительность труда работающих на земле арендаторов. В такой ситуации в сельское хозяйство Уганды не поступали инвестиции, земельные сделки носили ограниченный характер, доступ к кредитам был также ограниченным, наблюдались частые земельные конфликты.

Нынешние реформы в Уганде начались с принятия конституции 1995 г., которая определяла главную цель земельной политики – закрепить право владения землей за всеми жителями страны, в том числе за лишенными прав – женщинами и детьми. Она декларирует общие принципы земельной политики в Уганде. Согласно конституции, земля принадлежит народу Уганды, в стране наличествуют четыре системы землевладения: традиционная (Customary Tenure), земли «маило» (Mailo Land Tenure), земли частного владения (Freehold Tenure), владение землей на правах аренды (Lease hold Tenure).

В Земельном законе от 1989 г. детализируются принципы земельной реформы, намеченные в конституции. Он призван исправить исто-

рические огрехи в системах землевладения и землепользования, укрепить права угандийцев для того, чтобы способствовать эффективности сельскохозяйственного производства. В Земельном законе прописывается процедура регулирования положения арендаторов на землях частных владельцев и на землях традиционного сектора. Арендатор может приобрести сертификат на право проживания (certificate of occupancy), затем обратить его в сертификат на право владения (Certificate of ownership). В случае если арендатор занимает землю частного владельца, он, при приобретении сертификата на право владения, должен платить за землю символическую плату, но не более 1000 шиллингов.

Приобретение земли в частную собственность позволит создать земельный рынок в стране, что будет содействовать более справедливому распределению земли, повышению производительности сельского хозяйства и благосостояния крестьянских хозяйств, и, в конечном итоге, снижению уровня бедности в стране, что является основной стратегической линией угандийского руководства на нынешнем этапе социально-экономического развития страны.

Сидорова Г.М.
Институт Африки РАН, Москва, РФ

Проблемы создания законодательной системы Конго-Киншасы в постконфликтный период

Проблемы легитимной власти в Конго-Киншасе стояли еще на заре обретения независимости страны. Патрис Лумумба, Антуан Гизенга, Лоран-Дезире Кабила и, наконец, Жозеф Кабанге Кабила, действующий президент ДРК, выступали за создание основ демократического правового государства.

Политическая, социально-экономическая и военная ситуация в ДРК после гражданской войны (1998–2003 гг.) оставалась крайне напряженной. Война нанесла не только тяжелый материальный ущерб социально-экономическим объектам, но и разрушила систему государственного управления, функционирования предприятий, а также законодательную систему страны. На фоне всеобщей разрухи усилились противоречия между государственными деятелями, которые, как и прежде, стремились к клановой солидарности. В правительстве не было единства концептуальных подходов к решению проблем. Заметно обострилась межпартийная и этническая борьба, нагнеталась обстановка в восточных провинциях страны. Все это создавало препятствия на пути создания основ легитимного государства.

Тем не менее в этих условиях было необходимо восстановление государственной власти на всей территории страны, выработка законодательной базы, проведение реформ управленческой сферы и снятие социальной напряженности.

В 2006 г. усилия коалиционного правительства ДРК были сфокусированы на проведении первых за 45 лет демократических выборов президента, депутатов нового парламента, местных органов самоуправления. Проведение столь масштабного мероприятия в условиях политического кризиса и социальных потрясений стало возможным благодаря консолидации сил международного сообщества, массивной финансовой и логистической поддержке Евросоюзом и странами-донорами электорального процесса. Важную роль в организации и обеспечении безопасности выборов сыграли Миссия ООН в ДРК, Франция, Бельгия, Великобритания, США, а также традиционные региональные партнеры ДРК. ЮАР взяла на себя всю тяжесть по оснащению бюллетенями избирательных участков. Т. Мбеки постоянно «гасил» политические распри, накалявшие атмосферу вплоть до возможного срыва выборов. Ангола, в свою очередь, оказывала военную и консультативную помощь.

18 февраля 2006 г. президент Ж. Кабила подписал новую конституцию, а вскоре – закон о выборах, определивший сроки и порядок их проведения. Была изменена геральдика страны, введены новые государственный флаг и герб (гимн остался прежним). Ответственная за проведение выборов Независимая избирательная комиссия в сложной политической и социально-экономической обстановке, при отсутствии дорожно-транспортной инфраструктуры провела регистрацию 25 млн избирателей и оборудовала 50 тыс. избирательных участков, тем самым подвела страну к главному событию года – всеобщим выборам. В результате жесткой борьбы (в президентском марафоне приняло участие рекордное число кандидатов – 33 человека), в условиях военно-политического кризиса, президентом ДРК был избран действовавший тогда президент Ж. Кабила, а его политический оппонент Ж.-П. Бемба был практически отстранен от политического процесса и передан в руки международного правосудия.

Новая архитектура власти предусматривала демократический баланс всех ветвей власти. В соответствии с новой конституцией в условиях политического плюрализма была предусмотрена официальная оппозиция вместо существовавшей «стихийной». В целом, преодолев тернистый путь, ДРК добилась главной цели переходного периода – проведения общенациональных выборов, ставших историческим событием в жизни ДРК.

Мадагаскар на перепутье: векторы стратегического партнерства

1. В первом десятилетии XXI в. в политической жизни Мадагаскара произошел поистине «тектонический» сдвиг. Впервые в его современной истории главной осью столкновения интересов во внутривнутриполитической борьбе стали не пути решения насущных проблем страны, а направления ее стратегического партнерства в условиях многополярного мира. Имеются основания констатировать возникновение объективно обусловленной, долговременной тенденции, знаменующей принципиально новый этап в развитии Мадагаскара.

2. Борьба вокруг направлений стратегического партнерства развернулась между силами, выступающими за дальнейшее расширение и укрепление исторически сложившегося франко-малагасийского партнерства, с одной стороны, и сторонниками ориентации на США.

За эти годы страна пережила череду затяжных политических и конституционных кризисов, общенациональных забастовок и других массовых выступлений, две «оранжевых» революции и даже какое-то время балансировала на грани гражданской войны. Последние два с половиной года она живет в условиях перманентного политического кризиса и жестких санкций со стороны ряда государств и международных организаций.

Чаша весов в борьбе за власть колеблется то в одну, то в другую сторону. В 1996–2002 гг. на посту президента – ориентирующийся на Францию Д. Рацирака. В 2002–2009 гг. – проамерикански настроенный М. Равалуманана. В 2009–2011 гг. у власти вновь сторонник стратегической опоры на Францию – А. Радзуэлина. В июне 2011 г. по итогам президентских выборов будет решаться вопрос, какие силы в очередной раз придут к власти в стране.

3. Существенная особенность внутривнутриполитической борьбы вокруг направлений стратегического партнерства Мадагаскара – ее латентный характер. По вполне понятным причинам противоборствующие стороны избегают раскрывать свою принципиальную позицию по этому вопросу и, тем более, хоть как-то обосновывать ее. Истинные цели и намерения политических противников скрыты под толщей трафаретной популистской риторики со стандартными обвинениями друг друга в коррупции, неспособности решать неотложные национальные проблемы и т.п.

Тем не менее имеется немало косвенных данных, анализ которых не только убедительно подтверждает реальное наличие такой борьбы,

но и свидетельствует о ее определяющем воздействии на динамику внутривнутриполитической ситуации на Мадагаскаре и его развитие в целом.

4. Ожидать в этой борьбе однозначной победы одной из противоборствующих сторон не приходится. Ее наиболее вероятный исход – поэтапная диверсификация направлений стратегического партнерства Мадагаскара. Такой вариант развития диктуют вполне определенные объективные реалии, как самой страны, так и окружающего ее мира.

В среднесрочной перспективе дело, скорее всего, идет к становлению двухвекторной модели стратегического партнерства – с Францией и США. В более отдаленной перспективе вполне реально появление у Мадагаскара еще двух стратегических партнеров – КНР и Индии.

СЕКЦИЯ 20

ЗИМБАБВЕ НА ПЕРЕПУТЬЕ

Руководитель: д.и.н. Владимир Геннадьевич Шубин

Аурре Эдуардо Бидаурратсага
Университет Страны басков
и Группа африканских исследований,
Бильбао, Испания
Де Валькарсель Гонсалес Фатима
независимый консультант по Африке южнее Сахары,
Валенсия, Испания

Есть ли свет в конце туннеля? Размышления о влиянии плавильного котла зарубежных акторов на будущее Зимбабве

2011 год будет критическим для Зимбабве и его народа не только если президент Роберт Мугабе и премьер-министр Морган Тсвангираи окончательно договорятся о проведении референдума по новой конституции и выборов, но и, в этом контексте, из-за роли, которую международные и местные акторы будут играть в будущем этой страны.

Анализ роли международных и местных акторов со времени первых выборов в Зимбабве в 1980 г. и даже до них представляется необходимым для понимания эволюции гражданских и политических прав в этой стране, равно как и социально-экономической ситуации, вплоть до настоящего времени, и для прогнозов возможных событий в будущем.

Необходимо исследовать ряд событий последних 15 лет в новейшей истории Зимбабве: с одной стороны, определить уровень надлежащего управления, свободных выборов, коррупции, нарушения прав, и т.д., а с другой, но не в отрыве от первой задачи, изучить экономическую политику и тренды, продвигаемые правительством или зарубежными акторами, которые прямо повлияли на условия жизни зимбабвийцев.

С этой целью мы рассмотрим влияние основных зарубежных акторов на прошлое, настоящее и будущее страны: от африканских (Южноафриканское сообщество развития, Африканский союз и правительства стран региона) до традиционных международных держав (Соединенное Королевство, США или Европейский союз) и возникающих держав, таких, как Китай, Россия, Иран, а также международных социальных движений.

Макгетланенг Сехларе
Институт Африки ЮАР, Претория

***Политика ЮАР по отношению к Зимбабве:
ключевые вопросы, остающиеся вне критики***

Существует тактическая и стратегическая необходимость выработать теоретические положения, способствующие адекватному пониманию политики ЮАР по отношению к Зимбабве, соответствующей ее статусу региональной (на Юге Африки) и континентальной державы, которая стремится укрепить свою мощь и авторитет. ЮАР стремится также стать международной державой, ключевым участником Группы 20 и важным актором в ООН. В начале 2011 г. она станет членом групп стран, в которую входят Бразилия, Россия, Индия и Китай.

В связи со всеми этими фактами возникает вопрос: что должна делать ЮАР в рамках своего мандата по содействию урегулированию зимбабвийского вопроса, когда внешние силы противодействуют африканской программе социально-политических и экономических преобразований и усиливают свое господство на Юге Африки?

Это один из ключевых вопросов, встающих перед ЮАР в ее политике по отношению к Зимбабве. Критики ее политики молчат по этому стратегическому вопросу. Они избегали и продолжают избегать его в своем анализе ее политики по отношению к своему самому близкому и сильному соседу.

Анализ политики ЮАР по отношению к Зимбабве основывается на факторах, характеризующих южноафриканские стратегические интересы на Юге Африки, в Африке и за ее пределами, при этом Зимбабве выступает как театр действий для ЮАР. На зимбабвийскую политику ЮАР влияет политическая практика, с которой она сталкивается в своих отношениях с остальными странами региона, Юга Африки, с Африкой, в целом с Югом и с Севером.

Тдженесани Нтунгаква
Зимбабве

С 1963 г. до вчерашнего дня

Нельзя полностью понять, что происходит на политическом поле Зимбабве, не начав рассмотрение вопроса с 1963 г. В тот год некоторые лидеры Союза Африканского народа Зимбабве [ЗАПУ] вышли из этой партии, чтобы создать Африканский национальный союз Зимбабве

[ЗАНУ]. Обе партии, ЗАПУ, а позднее ЗАНУ-ПФ были преемниками Национально-демократической партии [НДП], созданной в 1960 г. После принятия Декларации об одностороннем провозглашении независимости в 1965 г. в Зимбабве (Родезии) возникли более жесткие структуры поселенческого колониализма. Таким образом, с запрещением НДП в Зимбабве не стало платформы, чтобы сделать национально-освободительное движение единым и идеологически прочным.

Британская внешняя политика считала родезийский вопрос своим чадом. Желание локализовать внутренние расколы вновь проявило себя и позднее, когда ЗАНУ-ПФ попыталась не допустить региональные и континентальные институты, такие, как САЛК, Содружество и другие к урегулированию его конфликта с продемократическим движением, возглавляемым Морганом Тсвангирай.

Во время и после конференции в Ланкастер-хаусе два движения не смогли выдвинуть единого кандидата на выборах, ведущих к провозглашению независимости в 1980 г. ЗАНУ-ПФ под руководством Роберта Мугабе выиграло выборы. Сложности в Зимбабве на перекрестке истории усугублялись неразрешенными внутренними проблемами: земельный вопрос, грубые действия персонала сил безопасности, которые проявились в Матабелеленде в 1980-х годах, и нестабильная экономика. Сегодня Зимбабве ожидает с неопределенностью возможных выборов в мае 2011 г., после того, как, по утверждению президента Мугабе, истечет срок существования правительства национального единства [ПНЕ], созданного после достижения при содействии САДК и АС Глобального политического соглашения [ГПА].

Рупия Мартин
Африканский институт
социально-политических исследований,
Претория, ЮАР

«Дивиденды от мира»: оценка полномочий по поддержанию мира и безопасности правительства национального единства в Зимбабве

В Зимбабве одним из важнейших полномочий трех руководителей, которые согласились на политические договоренности, достигнутые при содействии Африканского союза (АС) и Южноафриканского сообщества развития (САДК) после отличавшихся особым насилием выборов, проведенных в 2008 г. в обстановке изнурительного политического и экономического кризиса, было достижение мира и стабильности в переходный период до планируемых в период 24 месяцев свободных и справедливых выборов.

После недавних призывов от ведущих партий ЗАНУ-ПФ и МДС-Т провести выборы в 2011 г. настал подходящий момент критически оценить, получили ли страна и народ Зимбабве «дивиденд от мира» от правительства национального единства (ПНЕ) за 22 месяца со времени его создания. Более того, в кризисе в Зимбабве, как это было признано тремя лидерами в Глобальном политическом соглашении (ГПА), подписанном 18 сентября 2008 г., участвовали сильно политизированные государственные органы.

Это соглашение предусматривало, что структуры безопасности не должны более играть пристрастную политическую роль с целью повлиять на выборный процесс в пользу ЗАНУ-ПФ. Во-вторых, в ГПА признавалась необходимость репрофессионализации, создания нового Национального совета безопасности (НСБ). Он, прежде всего, должен был служить для трех лидеров, подписавших ГПА, особым форумом по вопросам проведения политики в области безопасности, пересмотра методов набора и финансирования этих структур, которым, как теперь представляется, умышленно позволили войти в государственную власть и захватить ее в качестве альтернативы слабевшей массовой политической поддержке тогдашней правящей партии – ЗАНУ-ПФ.

В любом контексте постконфликтной реконструкции разрешение политического и социально-экономического кризиса зависит от готовности сторон, участвовавших в конфликте, отложить в сторону осуществлявшиеся в ходе его действия с тем, чтобы добиться восстановления страны.

Предварительные итоги показывают, что в Зимбабве достигнут относительный успех в обеспечении безопасности, позволяющей «нормальное» политическое и экономическое восстановление (предприятия и фабрики работают на 30% мощности, но вновь начинается застой). Однако во время переходного периода возник новый вопрос – об уровнях расходов на безопасность и оборону.

В стране, выживающей на бюджете наличными министерство обороны, как представляется, обеспечило собственные пути оплаты услуг **России и Китаю**, предоставив обеим странам исключительный допуск к месторождениям алмазов и право на их добычу. Министерство финансов не имеет сведений о достигнутых тайных соглашениях, и задача состоит в том, чтобы приоритет в распределении ресурсов перешел от военных к социальным вопросам и вопросам образования и развития человеческих ресурсов.

В то же время явная ошибка заключается в том, что НСБ, созданный в марте 2009 г., лишен важной роли, которую должен был играть вместо сильно дискредитированного Объединенного оперативного командования (ООК). Данные свидетельствуют, что ООК продолжает

действовать как параллельный орган, в то время как ни один важный вопрос политики в области безопасности не был передан на рассмотрение НСБ. Необходимо отметить, что неспособность ПНЕ реформировать структуры безопасности во время переходного периода указывает на борьбу за власть внутри ЗАНУ-ПФ. В результате ПНЕ, добиваясь успеха в обеспечении частичного мира, не сумело, однако, выполнить положения ГПА, касающиеся реформы структур безопасности.

Делая это важное замечание, мы должны признать, что те в ЗАНУ-ПФ, кто сумел обеспечить частичные «дивиденды от мира», после выборов добились также успеха в организации постепенной реформы институтов, в том числе структур безопасности. Иначе говоря, вряд ли, по крайней мере на политическом уровне, все еще есть желание допустить поощряемое государством жестокое насилие, которое наблюдалось в 2008 г.

Основной вывод доклада заключается в том, что АС и САДК должны признать достигнутое, но не забывать, что еще нужно сделать. И, что гораздо более важно, роль России и Китая по отношению к структурам безопасности Зимбабве будет центральной, когда начнется реальная реформа, учитывая воздействие того фактора, что алмазное богатство в настоящее время находится исключительно под контролем генералов.

Сондерс Крис
Центр урегулирования конфликтов,
Кейптаун, ЮАР

Южная Африка и кризис в Зимбабве

В докладе будет рассмотрена политика ЮАР по отношению к Зимбабве, проводившаяся в последнее десятилетие, в частности, будет проанализировано посредничество, осуществлявшееся Табо Мбеки от имени САДК, и «содействие», оказываемое администрацией Зумы, равно как и кампания южноафриканского правительства за отмену санкций, введенных против Зимбабве США и ЕС. Этот доклад основывается на изучении посредничества САДК, проведенном Центром урегулирования конфликтов, в нем будут использованы интервью с сотрудниками министерства международных отношений и сотрудничества и администрации президента, а также документация, подготовленная Зимбабвийским трестом солидарности и другими соответствующими организациями. Автор стремится доказать, что, несмотря на достигнутое Глобальное политическое соглашение (ГПА) и создание коалиционного

правительства в Зимбабве, политика ЮАР была неверной в своей основе, поскольку кризис в Зимбабве продолжается, и как ЮАР, так и регион в целом платят за него большую цену.

Хаматшин А.Д.
Институт Африки РАН, Москва, РФ

Путь к экономическому восстановлению в Зимбабве

В течение 10 лет (1999–2008) из-за экономического кризиса в Зимбабве значительно сократились объемы промышленного и сельскохозяйственного производства и снизилось качество человеческого и физического капитала и инфраструктуры.

Однако с достижением относительной политической стабильности в стране в 2009 г. был зафиксирован положительный рост ВВП, составивший 4%. Одним из ключевых стало решение об отказе от использования национальной валюты и временном переходе к мультивалютной системе. В будущем наиболее вероятным видится вариант присоединения страны к зоне ранда. Он является более предпочтительным, по сравнению с использованием долларов США, так как основной торговый партнер Зимбабве – ЮАР. Это может стать решающим шагом к принятию ранда в качестве региональной валюты в рамках интеграционного процесса в САДК.

Для полного восстановления экономика Зимбабве должна показывать высокие темпы роста, но на этом пути существуют серьезные препятствия:

- критическая нехватка внутреннего долгосрочного кредитования, во многом вызванная сохраняющимся недоверием населения к финансовой инфраструктуре страны;
- негативное восприятие страны за рубежом и сохраняющиеся санкции, препятствующие привлечению иностранного капитала и туристов;
- недостаточность квалифицированных кадров в связи с имевшей место в период кризиса массовой «утечкой мозгов»;
- перебои в электроснабжении. Вырабатываемой электроэнергии не хватает для обеспечения страны, и Зимбабве приходится импортировать до половины ее потребного количества.

Помимо необходимости решения этих проблем, руководству страны предстоит найти оптимальные подходы в вопросах эффективного использования богатых минеральных и сельскохозяйственных ресурсов, поддержки аграрного и промышленного сектора, отношений с МВФ, политики «индигенизации» экономики. Это возможно только при стабильной политической обстановке.

Ханлон Джозеф
Открытый университет и Лондонская школа экономики
Смарт Тереза
Институт образования Лондонского университета,
Великобритания

Земельная реформа в Зимбабве

Данный доклад – попытка суммировать недавние исследования земельного вопроса в Зимбабве.

Свыше 200 тысяч семей было переселено в ходе продолжающейся земельной реформы, большей частью начиная с 2000 г. в рамках программы «быстрого пути» [fasttrack]. Доклад основан на исследовании, проводимом в начале 2011 г., поэтому его результаты не найдут отражения в этих тезисах. Однако три вывода уже вытекают из этого и других исследований: земля используется продуктивно, долларизация экономики имела быстрый результат, много белых зимбабвийцев продолжают играть свою роль.

Отношение к земле в Зимбабве отличается от соседних стран. Ведение коммерческого сельского хозяйства рассматривается как важный метод накопления. Кроме того, зимбабвийцы были выжиты с земли только в 1950-х годах – на памяти живущих людей – и многие из участников войны за независимость помнят о том, как их насильственно выселила колониальная администрация. Поэтому даже там, где земля была предоставлена представителям «элиты», они используют ее и не оставляют поля пустыми.

К тому же, хотя многие зимбабвийцы связаны с деревней, новое поколение фермеров, ставших таковыми в результате земельной реформы, хорошо образованно и часто поддерживает связи с городами, что дает им доступ на рынки и к финансированию. В результате фермеры-переселенцы смогли сделать инвестиции и обеспечить производство на уровне, приближающемся к уровню бывших белых фермеров, и пережили гиперинфляцию 2007–2008 годов.

Несколько сот белых фермеров продолжают хозяйствовать, они зачастую контактируют с фермерами-переселенцами, обеспечивая их такой услугой, как вспашка. Другие перестали быть фермерами и теперь играют ключевую роль в маркетинге говядины и табака.

В целом картина очень противоречива. Не все фермеры-переселенцы добились успеха, и остается нерешенным вопрос о землевладении.

Харитонов Е.В.
Институт Африки РАН, Москва, РФ

Стратегическая «ниша» России в международных деловых коммуникациях: какого партнера ждет Зимбабве? (на материале эмпирического исследования)*

В апреле-мае 2010 года состоялась поездка исследовательской группы Института Африки РАН в Зимбабве. Страна, в связи с серьезным кризисом, затронувшим экономическую, политическую, финансовую и социальную сферы, нуждается в иностранных инвестициях, но при этом востребован надежный стратегический партнер, способный помочь в решении не только сиюминутных, но и долгосрочных стратегических задач развития страны. В целом у России хорошая репутация как социально ориентированного, готового оказывать поддержку африканским странам государства. Как правильно выстраивать переговоры с африканскими партнерами, чтобы учитывать как геополитические интересы России, так и интересы развития Зимбабве?

В стране налицо противоречия во власти. Сопровождается ли раскол во власти расколом в обществе? Отражается ли это в сознании людей, на их социальных представлениях, установках, на видении собственного пути развития и геополитических перспектив? Или, несмотря на разногласия «в верхах», берут верх общие для всех представления о «правильном» пути развития страны и о необходимом деловом и политическом партнере? Можем ли мы, зная это, эффективно строить систему взаимоотношений с этой страной?

Чтобы найти ответы на эти вопросы, было проведено социально-психологическое исследование, цель которого – определение предпочтений местного населения относительно типа и характера партнерства в сфере деловых отношений между Зимбабве и представителями международного бизнеса. Для реализации задач исследования был проведен анкетный опрос в университетах Зимбабве по специально разработанной авторской методике, в основу которой положены представления о пяти установках в отношении выбора иностранного делового партнера африканской страной. Содержание пунктов анкеты было адаптировано к местной специфике и приведено в соответствие с целями исследования.

Полученные данные отражают основные тенденции, касающиеся оснований выбора иностранного делового партнера для Зимбабве. Это

знание позволяет нам правильно выстраивать логику переговоров о сотрудничестве с представителями деловых и политических кругов Зимбабве. В докладе будут изложены основные результаты исследования и соответствующие выводы.

Шубин В.Г.
Институт Африки РАН, Москва, РФ

Зимбабве: мифы и реальность

В докладе будет проведено сравнение между широко распространенными мифами об истории и нынешней ситуации в Зимбабве и реальным положением дела.

Первый миф относится к временам национально-освободительной борьбы. Москву обвиняют в поддержке «не того» движения – «ЗАПУ, которое поддерживало меньшинство – ндебеле», вместо «ЗАНУ, которое поддерживало большинство – шона». В действительности, однако, и этнический состав населения Зимбабве, и поддержка им движений, и советская политика по отношению к ним – все это более сложные вопросы.

Второй миф возлагает всю ответственность за глубокий политический и экономический кризис в Зимбабве на одно лицо («сумасшедшего старика», если пользоваться термином из документов «Викиликс»). Но говорить так – значит забыть о предложенной (а скорее, навязанной) Зимбабве МВФ Программе экономической и структурной адаптации (ЭСАП), о дихотомии в землевладении, которая не могла сохраняться, об историческом опыте и исторических связях «доминирующей» партии.

Третий миф утверждает, что «международное сообщество» полностью поддерживает оппозицию в Зимбабве и выступает против «режима».

В докладе будет сделана попытка проанализировать эти три вопроса и показать, что господствующие взгляды, воспроизводимые СМИ, довольно далеки от реальности.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, грант «Взаимодействие бизнеса и государства в продвижении образа России как социального государства на африканском континенте» № 09-03-00674 а/р.

СЕКЦИЯ 21

СВОБОДНАЯ СЕКЦИЯ

Руководитель: д.и.н. Бондаренко Дмитрий Михайлович

James Leslie
London School of Economics, UK

An Education: George Padmore, Black Radicalism, and the Comintern, 1929–1934

The four years George Padmore spent working for the Communist International were formative: for his political ideology, his organizational skills, and his networks. His first book, The Life and Struggles of Negro Toilers, set out a basic political philosophy which he generally adhered to for the rest of his career. While in the Soviet Union he witnessed both political pragmatism and exploitation for political ends. His work in Hamburg and France organizing the International Trade Union Committee of Negro Workers (ITUCNW) gave him the experience required to create disciplined political organizations in the future. His travels in Africa in 1930 and the correspondence he cultivated while leading the ITUCNW provided him with contacts that he would maintain once he left the Communist Party. His decision to leave the Soviet Union has been contested by a number of historians who all search for a definitive split between Padmore and Moscow. This paper will show that rather than a precise moment, Padmore's departure from the Comintern was a result of his mounting frustration with the lack of support from organizations that were supposed to work in cooperation with the ITUCNW, such as the International Seamen's Union and the League Against Imperialism. These years were not only formative for his political skills, but also his attitude. His relations with fellow black comrades such as James W. Ford, Otto Huiswood, Arnold Ward, and Jomo Kenyatta became a tense dialogue of emotion and ideology. The attack against his principles in 1934, and the betrayal of those who had been some of his first mentors, profoundly affected his guarded attitude to political alliances. The need to 'present' himself in particular ways and for a particular audience developed in this period, becoming a key part of his political strategy.

***Military conflicts of Africa from 1800–2009:
Military Geographical Aspects***

Africa is the most crucial continent where is happening several military conflicts. Important aspect of this cruciality is geographical aspects – boundaries and location. Physical geographical conditions is very important aspect of military conflict location. Biomes and landscapes is also important in war strategy. The artificial boundaries created by colonial rulers as they ruled and finally left Africa had the effect of bringing together many different ethnic people within a nation that did not reflect, nor have (in such a short period of time) the ability to accommodate or provide for, the cultural and ethnic diversity. The freedom from imperial powers was, and is still, not a smooth transition. The natural struggle to rebuild is proving difficult.

Size and shape of African military conflicts is important. It is important to know how large is area of military conflict.

Бондаренко Д.М.
Институт Африки РАН, Москва, РФ

***Неафриканские меньшинства и строительство нации
в Танзании: включение или исключение?***

Танзания являет собой до сих пор не характерный для Африки пример государства, в котором процесс формирования нации не только действительно имеет место, но и зашел далеко, несмотря на трудности на этом пути, такие как проблемы Занзибара и отношений между нилотами и банту (главным образом, между масаями и сукума). Один из важнейших факторов, обуславливающих в целом успешное протекание в Танзании процесса сложения нации – существование в ней культуры суахили (и соответствующего языка как ее неотъемлемой части и ярчайшего проявления) в качестве одновременно основы и механизма интеграции граждан страны, поскольку культура суахили воспринимается их подавляющим большинством как своя, родная, «поверх» этнических, религиозных, региональных и прочих различий. Однако неафриканские по происхождению меньшинства, немногочисленные, но активные во многих сферах жизни страны, занимают своеобразное положение в танзанийском культурном ландшафте. Мы исследовали отношение «афротанзанийцев» к их неафриканским по происхождению

согражданам: танзанийским арабам, южноазиатам (обычно называемым «индийцами») и европейцам (преимущественно грекам); только формирующаяся в Танзании китайская община на данный момент осталась вне непосредственных рамок исследования. Основные вопросы, рассматриваемые в данном докладе, следующие: воспринимают ли те, кто принадлежит к культурному большинству, людей с совершенно иной культурной основой и коллективной историей, но тем не менее являющихся их согражданами как часть формирующейся танзанийской нации – надэтнической общности, объединенной системой ценностей и гражданским чувством ее членов, направленным на эту общность? Каковы различия в их отношении к представителям трех общин «неафриканских танзанийцев»? Ответы на эти (и другие, связанные с ними, вопросы) даются на основе результатов неоднократной полевой работы автора в стране, в ходе которой им совместно с коллегами была собрана почти тысяча обширных анкет и взято около пятидесяти развернутых формализованных интервью.

Иванченко О.В.
Институт Африки РАН, Москва, РФ

***Влияние городской среды на самосознание горожан
в Субсахарской Африке на примере Дар-эс-Салама***

Дар-эс-Салам – крупнейший город Танзании, бывшая столица страны является её экономическим, культурным и политическим центром. Еще с колониальных времён туда стекается население со всей страны в поисках лучшей жизни, что приводит к конкуренции за ресурсы, «место под солнцем». Люди, принадлежащие к разнообразным этническим, конфессиональным, социальным группам, оказываются в одном общем непривычном пространстве и вынуждены к нему приспособливаться, постепенно вливаясь в городскую культурную среду. При этом характерной особенностью Дар-эс-Салама является то, что даже его уроженцы – горожане в лучшем случае во 2–3 поколениях, они поддерживают очень тесные связи с родственниками, живущими в деревне, и у них во многом сохраняется традиционное мышление. Большое разнообразие социальных контактов (по сравнению с деревенской и вообще провинциальной средой) часто способствует сближению различных групп и слоев населения, кроме того, у людей, приехавших из провинции, происходит общее расширение кругозора в связи с доступностью разнообразных источников информации. В то же время некоторые противоречия между разнообразными социальными, этническими и конфессио-

нальными группами в городе обостряются (на фоне общей конкуренции за ресурсы), кроме того, некоторые люди предпочитают как можно в большей степени сохранить привычную им среду, создают землячества, объединяющие людей одной этнической группы (или приехавших из того же региона). Многие горожане считают, что в Дар-эс-Саламе (как и в Танзании в целом) не существует единой культуры (а следовательно, и единой танзанийской нации), и, в частности, так называемая «городская культура» является совокупностью культур различных этнических групп.

В докладе будет рассмотрен процесс формирования самосознания жителей Дар-эс-Салама в результате взаимоотношений различных социальных, этнических и конфессиональных групп населения города.

Kabiri Ngeta
University of Cape Town,
South Africa

***Governing Transboundary Wildlife Conservation
under Conflicting Legal Regimes***

The proposed study inquires into the ways in which conservation actors both within and across states legitimize their preferred wildlife governance regime under a context of conflicting trans-boundary legal regimes. The question of the ownership of transboundary terrestrial species remains quietly contentious. International protocols seem to confer this ownership to the state in which the wildlife is at a particular time. The observed meaning is that one state can pursue, without violating international conservation norms, consumptive wildlife utilization regime even when the other country just pursues a non-consumptive utilization regime. While such a situation may be silently tolerated at the macro (state to state) level, tensions are bound to obtain within the national context between the sub-national and national wildlife conservation actors. Where local actors are constrained by national laws from physical harvesting of wildlife, yet they can see the same happening across the border, the legitimacy of their national conservation laws becomes a salient policy concern. This tension can be expected to be heightened where national laws empower sub-national actors to raise their own revenue, while at the same time ring-fencing environmental regulation by placing that jurisdiction under the central state. The desire by the sub-national actors to appropriate environmental flow within their locale poses a challenge to anti-consumptive wildlife-use coalition to resolve the puzzle suggested in the penultimate sentence. The proposed study uses the case of Kenya and Tan-

zania to inquire into how this governance puzzle is negotiated and to place it within the emerging wildlife policy debates in Kenya that are henceforth to take place within a context of a new constitutional dispensation in which both citizen voice and legal power to sub-national actors has been enhanced. The study shall be based on both primary and secondary sources.

Попов С.А.
Институт Африки РАН, Москва, РФ

***Ритуальные практики модификации тела и их влияние
на распространение ВИЧ в Восточной Африке***

Существование некоторых ритуальных практик оказывает влияние на ход эпидемии ВИЧ/СПИДа в сельских районах Восточной Африки, поэтому борьба за их полную отмену или изменение – хорошая возможность достичь более высоких медицинских стандартов. В докладе исследуются ритуальные методы модификации тела, такие, как пирсинг, скарификация, мужское и женское обрезание, и их влияние на распространение ВИЧ/СПИДа в Восточной Африке. Автор также предложит возможные методы изменения традиционных практик в данном регионе в контексте распространения ВИЧ/СПИДа.

Шахбазян Е.В.
Институт Африки РАН, Москва, РФ
Аруша, Танзания

Бунтующие женщины: непокорность в культуре масаев

Человеку как виду свойственна постоянная борьба за утверждение своего собственного «Я» среди себе подобных, почти в любых группах людей непрестанно можно наблюдать скрытое или открытое соперничество за более высокое социальное положение и, как ни удивительно, чем более иерархично и жестко устроен социум, казалось бы, не допускающий никаких колебаний, тем, на наш взгляд, более высока вероятность найти здесь социальную напряженность и недовольство, а вместе с тем и пути разрядки и «стабилизации» социального климата.

В докладе рассмотрено социальное устройство общества масаев, скотоводческого народа, проживающего в настоящее время на юге Кении, севере Танзании и частично на востоке и в центральных частях этой страны. В многочисленных исследованиях (в том числе по гендер-

ным вопросам) не раз указывалось на жесткую социальную иерархию, подкрепляемую существованием возрастных классов, довольно болезненными ритуалами инициации (как мужских, так и женских) и историческим наследием (в частности, небывалой степенью милитаризации общества масаев в связи с постоянными рейдами с целью угона скота в конце XIX в.). Социальное положение женщин в этом патриархальном обществе, где «настоящим человеком» является моран (молодой мужчина-воин) и распространена полигамия, безусловно, низкое. Вместе с тем нам не раз приходилось слышать о случаях неповиновения женщин, их скрытого противостояния своим мужьям, наблюдать элементы смешения или оппозиционности гендерных ролей во время различных празднеств в их поселениях.

Так какие же способы восстановления гендерного баланса существуют в обществе масаев? Есть ли в этой культуре определенные «карнавалы» (в понимании М.М. Бахтина), кратковременно переворачивающие социальные и гендерные роли с ног на голову и являющиеся своеобразной отдушиной и общественным стабилизатором? Какие санкции могут навлечь на себя бунтующие женщины? На эти вопросы мы и постараемся дать ответы в нашем докладе.

Williams Gavin
St Peter's College, Oxford,
Williams Rosa
University of Chicago, USA

***Discourses and the Dop: Alcohol Consumption and its Consequences
in the Cape Winelands, 1890–2010***

The ubiquitous provision of wine during the working day for Coloured farm workers in the western Cape (the *dopstelsel*/ tot system) was an integral part of the labour regime and of a culture of consumption of wine from the nineteenth to the end of the twentieth century. The world's highest recorded incidence of foetal alcohol syndrome is found today among Coloureds in rural areas in the Western and Northern Cape. The 'organised wine industry' consistently defended the system against the temperance movement, and its critics among academics and medical practitioners, before a series of official committees of inquiry into labour issues, liquor legislation, and the social conditions of Coloured people. Farmers separated the 'dop' from the scourge of 'drunkenness'. From the 1980s, wine producers began to distance themselves from the practice in response to social, political, and economic pressures. The paper will examine the ways in which contentious moral, social,

political, economic and medical discourses have been deployed in official reports and public hearings, and in the stated policies and the practices of organizations engaged in and with the industry. A final question is why 'Fetal Alcohol Syndrome'/'Spectrum Disorder' was late to be identified (Paris 1967/68; Seattle 1973; Cape Town 1978), and when and how it became an issue of political concern, epidemiological research, and social and medical response in South Africa (1993). Moral commitments were initially linked to social disorder and public health; community health practitioners now respond to social disorders and engage in morally-oriented interventions.

Тищенко С.М.
Институт Африки РАН, Москва, РФ

*Использование системы взаимопомощи при коммуникации российских и африканских бизнесменов**

В африканских странах вследствие тяжёлых социально-экономических условий сохраняется сложная система общинно-родственных коммуникаций. Сами общинно-родственные связи основаны, помимо всего прочего, на внутренней взаимопомощи её членов, что делает весьма специфичной систему трудовых коммуникаций в данном регионе.

Осуществление коммуникаций российского бизнеса с местными коллегами в ЮАР и Намибии происходит только при полном учёте и использовании на практике локальных культурных норм и особенностей поведения и поддержания межличностных связей. Саму систему взаимопомощи, с которой можно столкнуться как в этих двух странах, так и во многих других субсахарских странах Африки, можно разделить на несколько направлений:

1) реализация социально-полезного проекта со стороны российского бизнеса в отношении населения страны, региона, в котором будет вести бизнес (к примеру: бурение водяных скважин в деревнях Намибии, рядом с которыми будет располагаться предприятие¹; преподнесенный «Норникелем» Президенту ЮАР КамАЗ, оснащённый спутниковой телеметрией для диагностики болезней и оказания помощи в удалённых районах страны²; организация образовательных проектов для своих сотрудников и их семей);

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ № 10-03-03210 е/р).

¹ Интервью № Р4А – с послом Намибии в России (Москва, англ.).

² Подарок был сделан на Российско-Южноафриканском форуме (05-06.08.2010, Москва), на котором присутствовал автор.

2) взаимная помощь и поддержка друг друга с обеих сторон бизнес-коммуникации как равнозначно заинтересованных в реализации проекта партнёров (своевременное оформление необходимых документов и договоров, поставка материалов и оборудования в оговоренные сроки, помощь в поиске надёжных дополнительных партнёров – поставщиков и покупателей). К примеру, в ЮАР хорошо запомнили негативное и неожиданное для страны действие компании «Ренова», зарегистрированной в Швейцарии. Компания вначале скупала хорошие участки земли, пообещав начать масштабную добычу руды, прибыль от которой должна была принести хороший доход казне ЮАР, но, не выполнив ни одного из обещаний, продала все свои активы в ЮАР китайской компании, против чего выступали власти страны¹);

3) система внутренних связей, взаимоподдержки и взаимопомощи коллег из ЮАР и Намибии (проведение детальной оценки и постоянный учёт социальных связей, политических событий и решений правящих и оппозиционных кругов власти, которые могут оказать воздействие на деятельность российской компании).

Правильное использование системы взаимопомощи при коммуникации российского бизнеса с африканскими коллегами позволит улучшить не только деловые коммуникации, но и поддерживать образ России как социального государства.

¹ Интервью № Ю11Р02/10/10 – с директором консалтинговой компании в Йоханнесбурге, ЮАР, консультирующей российский бизнес в ЮАР.